

И·М·П·Е·Р·И·И П·Е·С·К·А

ДЭВИД БОЛЛ

Захватывающее приключение
из былых времен!

The San Diego Union-Tribune

The Big Book

Дэвид Болл

Империи песка

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Болл Д. У.

Империи песка / Д. У. Болл — «Азбука-Аттикус», 1999 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24581-5

Семейные узы, честь и чувство долга часто вступают в противоречие, перекраивая человеческие судьбы. Но двое мальчишек в 1870 году еще не знают об этом. Юные кузены живут в Париже, осажденном прусской армией; они очень дружны между собой, однако в скором времени пути их разойдутся. Трагические события заставят одного бежать на родину своей матери, в Северную Африку, к воинственным туарегам; семейный позор вынудит другого поступить на службу в армейский отряд, сопровождающий дальнюю экспедицию. После долгих лет разлуки они встретятся в раскаленных песках Сахары лицом к лицу в жестоком противостоянии двух цивилизаций... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24581-5

© Болл Д. У., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	75
Глава 6	89
Глава 7	101
Глава 8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Дэвид Болл Империи песка

David Ball

EMPIRES OF SAND

Copyright © 1999 by David W. Ball

© И. Б. Иванов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Оформление обложки Ильи Кучмы

Перевод с английского Игоря Иванова

* * *

*Посвящается Мелинде, Бену и Ли,
без которых не было бы света,
а также Кэрол и Джеку,
без которых не было бы никакого начала*

Главные действующие лица

Граф Анри де Врис, богатый исследователь
Серена, знатная туарегская женщина, жена графа Анри де Вриса, сестра Эль-Хаджа Ахмеда

Жюль де Врис, полковник Императорской гвардии, брат графа Анри де Вриса

Элизабет де Врис, жена Жюля де Вриса

Мусса Мишель Келла де Врис, сын графа Анри де Вриса и Серены

Поль де Врис, двоюродный брат Муссы де Вриса

Махди, сын Эль-Хаджа Ахмеда, племянник Серены, двоюродный брат Муссы

Даия, молодая женщина из племени туарегов

Прочие действующие лица

Во Франции

Делеклюз, офицер *франтиреров*

Гаскон Вилье, слуга графа Анри де Вриса

Сестра Годрик, учительница Муссы и Поля де Вриса в школе при соборе Сен-Поль

Маршус Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура

В Сахаре

Абдулахи, пленник Джубар-паши, друг Муссы де Вриса

Ахитагель, аменокаль туарегов во времена экспедиции Флеттерса

Аттиси, знатный туарег, претендент на титул аменокаля

Подполковник Поль Флаттерс, руководитель французской экспедиции, проводящей изыскания на предмет строительства транссахарской железной дороги

Эль-Хадж Ахмед (абба), аменокаль туарегов

Эль-Хусейн, посол при дворе султана Марокко, муж сестры Джубар-паши
Хаким, помощник Поля де Вриса
Джубар-паши, правитель Тимимуна
Люфти, раб Муссы де Вриса, муж Шади
Мелика, медсестра в миссии «Белых отцов»
Тамрит, поклонник Серены, фанатичный приверженец секты сенусситов

Часть первая Франция 1866 год

Глава 1

– Там дети! Не стреляйте!

Но было поздно. Раздался выстрел, и охотник почувствовал отдачу в плечо. Он стрелял на большое расстояние, до цели было метров сто пятьдесят, если не больше. Он практически не видел кабана, скрытого игрой солнечного света и теней на листьях отдаленных кустов. Глаза охотника были устремлены в небо и сосредоточены на графском соколе, но боковым зрением он заметил в кустах движение, и вот – громадный кабан, давящий копытами желуди. Поистине королевский трофей. Не кабан, а настоящий дьявол, олицетворение зла. Кабаны в здешнем лесу – редкость. Охотник немедленно решил стрелять.

Другой на его месте позаботился бы о более благоприятных условиях выстрела, чтобы не промахнуться или, хуже того, просто не ранить зверя. Внушительное расстояние обуславливало разницу между хорошим и впечатляющим выстрелом; выстрелом, неопределенность которого будоражила еще сильнее; выстрелом, которым потом можно месяцами хвастаться в питейных заведениях. Охотник был уверен, что у него получится, поскольку знал свое оружие. То была новая армейская винтовка с поворотным затвором. Длинный ствол обеспечивал невиданную доселе степень точности. Тысяча тренировочных выстрелов позволила охотнику в совершенстве овладеть прицеливанием.

Он поднял винтовку и навел на цель. Крик графа задержал его, но лишь на мгновение. Охотник взял цель на мушку и выстрелил. Пуля не успела вылететь из ствола, а охотник уже знал: получилось. Ему не требовалось слышать или видеть результат выстрела; он просто *знал*. Секундой позже его уверенность подкрепилась хлопком и пронзительным ревом боли. Последовал вихрь движения, и зверь скрылся в кустах.

Охотник взволнованно крикнул. К черту этого графа! Ей-богу, он подстрелил кабана! Кабана! Скоро он увидит свою добычу, и это будет не какой-нибудь жалкий рябчик. Не поворачиваясь к другим и в особенности не желая встречаться взглядом с графом, охотник помчался по вырубке.

Граф Анри де Врис принимал гостей из Географического общества, которые пожелали увидеть древнее искусство соколиной охоты. Многие поколения семьи графа владели этим искусством. Они охотились на землях, прилегающих к поместью.

Анри увидел кабана раньше охотника. Не веря своим глазам, он смотрел, как его гость вскинул винтовку. Неужели этому глупцу невдомек, что поблизости играют дети? Когда же он услышал крик раненого кабана и увидел, что зверь кинулся в кусты, худшие опасения графа подтвердились.

Кабан превратился в бегущую смерть.

Не обращая внимания на гостей и своего сокола, парящего в небе, Анри побежал к лошади. Кабан всегда опасен, но, раненый, он стал непредсказуемым и смертельно опасным. Противостоять ему не сможет никто, даже вооруженный всадник. Пока кабан жив и способен двигаться, он будет нести смерть.

Граф вскочил на лошадь, которая знала хозяина и тоже почувствовала опасность, а потому рванулась с места раньше, чем Анри оказался в седле. Граф напрямик двинулся туда, где скрылся кабан, взяв курс на дальнюю вырубку. Всадник и лошадь стремительно понеслись

под золотистыми дубами и вязами обширного Булонского леса, некогда бывшего охотничьими угодьями королей Валуа.

Серена, жена Анри, сидела в тени раскидистого дерева и, поглощенная своим занятием, не обращала внимания на происходящее вокруг. Раньше она бы примкнула к охоте, устроенной Анри. Но сейчас у этой женщины, родившейся в пустыне и принадлежавшей к племени туарегов, было другое занятие. Втайне от мужа она училась читать на французском, его родном языке. Анри пока об этом не знал. Она самостоятельно нашла себе преподавателя из лица Людовика Великого в Париже и долгими часами тайком занималась с ним, а затем продолжала самостоятельные занятия. Постепенно в ней проснулась любовь к чтению. Каждое произведение усиливало ее увлеченность этим процессом. Темы значения не имели. В библиотеке Анри была собрана богатейшая коллекция научных журналов. Серена постоянно натывалась на незнакомые слова, смысл которых был ей непонятен, но в библиотеке мужа хватало романов, статей и очерков. Их слова звучали для нее как музыка, и открытие новых миров доставляло ей почти мистическое наслаждение.

У Серены появилась вдохновляющая идея. Близился день рождения Анри. Когда этот день наступит, они оставят Муссу дома, а сами поедут в лес, к уединенному водопаду на границе владений. Она возьмет корзинку с угощением, выберет солнечное местечко, постелет одеяло... нет, много одеял, если будет холодно, и нальет мужу бокал вина. Он положит голову ей на колени, а она станет ему читать, наслаждаясь удивлением и радостью, которые обязательно появятся в его глазах. Потом они займутся любовью. Серена продумала тот день до мельчайших подробностей, и это доставило ей огромное удовольствие. Она с еще большим усердием стала упражняться в чтении, чем и занималась сейчас, поглощенная романом Виктора Гюго.

Внезапное появление графа выбило ее из идиллического времяпрепровождения.

– Мальчики! – крикнул он, приближаясь к жене. – Где мальчики?

Серена ничего не знала о произошедшем, но взволнованность мужа передалась и ей. Она торопливо огляделась по сторонам. Она видела ребят играющими поблизости... Когда? Четверть часа назад? Раньше? Она толком не знала. Стоял тихий осенний день. Совсем недавно ребята находились рядом, играя возле ствола поваленного дерева. У взрослых не было причин тревожиться за их безопасность. Мальчики постоянно играли в лесу. Но сейчас, когда Сереной овладели страх и чувство вины, она поняла, что не знает, когда видела ребят в последний раз и куда они могли убежать.

Обезумевший громадный кабан несся через заросли дубняка.

Пуля сломала ему ребро и пробила легкое. Каким-то чудом она не задела главные кровеносные артерии, однако легкое наполнилось кровью. Дыхание зверя было жарким и натужным, а усилия, растрчиваемые на быстрый бег, только приближали его конец. Но конец так и не наступал, хотя прошло уже достаточно времени. Собрав силы, кабан побежал дальше, вперед, только вперед. Он двигался зигзагами, норовя уйти подальше от своего преследователя.

Затем кабан ненадолго остановился. Его грудь тяжело вздымалась, а сердце лихорадочно стучало. Это был огромный, устрашающего вида зверь. Даже сейчас, в предсмертной агонии, его чувства оставались острыми. Он прислушивался, принюхивался, присматривался, являясь олицетворением угрозы. Его уши были прижаты к голове, морда почти касалась земли. Инстинкт и давняя привычка заставляли его ударять верхними клыками о нижние, заостряя те и другие. Никто не сумел бы сказать, как поведет себя в подобных обстоятельствах кабан. Может, заляжет и будет дожидаться преследователя, с которым вступит в смертельный поединок. Если его не окружают собаки и всадники, попробует убежать. Или же от смертельной раны и невыносимой боли сделается непредсказуемым и накинется на другого кабана или любую живность, попавшую на дороге.

Добыча вслушивалась и слышала охотника. Человек двигался напролом, тяжело ступая по ковру листьев, устилающему землю в осеннюю пору. Возбужденный, с винтовкой наготове, охотник бежал по кровавому следу, и густые заросли не были ему преградой. Неожиданно охотник зацепился сапогом за ветку и споткнулся. Ценой невероятных усилий он устоял на ногах и в этот критический момент, борясь за сохранение равновесия, увидел кабана. Охотник знал, что зверь где-то поблизости, где-то совсем близко. И тут мозг обожгло мыслью: «Пропал!» Винтовка утратила нужное положение. Предотвращая падение, он взмахнул ею, и теперь ее ствол был повернут в сторону и глядел вниз.

Кабан бросился ему навстречу. Охотник вскинул винтовку и, не целясь, выстрелил, поспешив на какую-то долю секунды. Пуля застряла у кабана в плече, но зверь не остановился. Одним могучим ударом он пропорол охотника от пупка до шеи. Смерть настигла беспечного стрелка раньше, чем его тело рухнуло на землю.

Кабан остановился. Он тяжело дышал. Новая рана отдавалась пульсирующей болью и кровоточила. Шкура покрылась потом. Зверь поднимал и опускал голову, словно это могло потушить внутренний огонь. Затем побежал дальше. Стальной ствол винтовки, на который он наступил, согнулся под тяжестью его тела. Из-за второй раны кабан бежал с заминками, но у него оставалось еще достаточно сил.

Достигнув вырубки, он снова остановился, услышав будоражащий звук. Красными безумными глазами зверь посмотрел в ту сторону, откуда донесся звук. В отличие от слуха и обоняния, зрение у кабана не отличалось остротой, но сквозь дымку, сквозь боль и терзания умирающего тела он разглядел фигуры двоих мальчишек, играющих у подножия дерева. Зверь опустил голову и двинулся на них.

К немалому изумлению Поля, его двоюродный брат Мусса мочился на муравейник. Масса черных муравьев стремилась укрыться от внезапно хлынувшей струи. Они ныряли в отверстия муравейника, прятались под листьями и старались как можно быстрее покинуть опасное место. Поль тут же присоединился, и вдвоем они рассеяли целую армию, с наслаждением глядя, как упорядоченное, целенаправленное движение муравьев превращается в хаотичное. Злорадно улыбаясь, Поль видел, что далеко не всем муравьям удается спастись.

– Тупица! – крикнул он, стараясь утопить очередного муравья. – Надо было учиться плавать!

– Или заpastись зонтиком! – со смехом добавил Мусса.

– Или лодкой!

Ребята смеялись, продолжая поливать муравейник, пока струи мочи не иссякли.

Обоим мальчикам было по шесть лет. Несколько минут назад им удалось выскользнуть из-под наблюдения матери Муссы. Они хорошо знали здешний лес и сейчас направлялись в свое личное королевство. Никто из взрослых не знал о его существовании, за исключением Гаскона, слуги графа. На огромном раскидистом дубе у них был построен секретный дом. Даже не дом, а красивый замок со смотровыми башнями, окнами и парапетами, с которых можно было следить за каретами, проезжавшими по дороге вдоль берега озера. Порой мальчикам удавалось лицезреть самого императора – могущественного Наполеона III. Дорога проходила так близко от замка на дереве, что ребятам были видны тонкие напояженные кончики его усов. Карету окружал внушительный эскорт сангардов, конных стражей императора в голубых мундирах, шлемах с плюмажем и сапогах, начищенных до умопомрачительного блеска. По этой дороге ездили в красивых каретах или верхом на великолепных лошадях. Иногда проезжала процессия императрицы Евгении, сопровождаемой конюшими и придворными обою пола. Тогда мелькали камзолы с обилием украшений, шляпы с перьями, бархат, кружева.

Это было завораживающее зрелище, и мальчики, находясь на своей законной земле, поглядывали свысока на императора и правили своим, только им известным миром.

Гаскон построил замок из досок и дощечек, похищенных из поместья. Внутри ребята украсили замок бархатными порттьерами, стащив их из спальни Элизабет, матери Поля. Она не знала, куда исчезли порттьеры, а Гаскон хранил молчание. Это и к лучшему. После ребячьих затей и визитов белок порттьеры уже не годились для использования по назначению. Поль с Муссой позаботились и о мебели для замка. Сначала там появился стул, затем еще два, потом столик и медная лампа из библиотеки графа. Правда, зажигать лампу Гаскон им не разрешал. С большим трудом они приволокли наверх целый ящик книг из библиотеки. И тогда Гаскон положил конец дальнейшим хищениям. Он знал пределы терпения графа.

Лестницы, ведущей в замок, не было. Только потайные опоры для рук и ног, и местонахождение этих опор требовалось знать. Естественно, Мусса и Поль это знали, равно как и Гаскон. Все трое являлись полноправными членами Клуба Великой армии. Они проводили тайные встречи, у них имелись секретные коды, и их крепость обладала внушительным арсеналом. Гаскон пятнадцать лет прослужил в Алжире, в Первом уланском полку. Он знал все виды оружия и умел ими пользоваться. Арсенал замка на дереве тоже был делом его рук. Гаскон изготовил превосходную коллекцию деревянных мечей и щитов, покрытых корой, а также кинжалов, вырезанных из дуба. Он научил ребят обматывать эфесы мечей бечевкой, чтобы не скользили в руке; показал, как накладывать слои коры на щиты, чтобы удары самого тяжелого меча приходились на одну сторону и не вредили защищающемуся. Свои кинжалы мальчики хранили в оружейных сумках. Были у них и шлемы, сделанные из жестяных молочных бидонов.

Мусса и Поль обустроивали замок под рассказы Гаскона о древних временах, о рыцарях, драконах, далеких краях и сражениях королей, императоров и римских пап. Притихшие, с широко открытыми глазами, они слушали рассказы старшего друга о Сахаре, дервишах, дьяволах и джиннах. А еще Гаскон умел показывать фокусы. Ребята смеялись, видя, как у них из-за ушей появляются сверкающие монеты, а из пупков выпрыгивают кузнечики.

Гаскон учил их лазать по деревьям и плавать. Он часами копал ров вокруг их замка. Мальчики помогали. Ров имел форму круга, опоясывая дерево с замком и довольно большой прилегающий участок. К концу лета сооружение рва было завершено. Через него проложили мостики из веток, где у прибывших требовали пароль. На дне рва находились искусно выложенные фигуры из камней. Если смотреть на них под правильным углом, они превращались в крокодилов, пожиравших непрошенных гостей, сборщиков податей и рыцарей злобного королевства. Иногда ребята покрывали ров ветками и листьями, добавляя земли, и тогда он превращался в настоящий лабиринт. Появлялись туннели с потайными люками и проходами, ведущими в разные стороны от их замка. С поверхности все это было почти незаметно. На прошлой неделе Гаскон подарил мальчишкам новую забаву – длинную крепкую веревку, привязанную к надежной ветке. Веревка заканчивалась подобием стремени, что позволяло зависнуть над озером и высматривать пиратов. По словам Гаскона, вскоре они смогут, раскачавшись на веревке, отпускать ее над озером и лететь в воду.

Все эти затеи отнюдь не были спонтанными, как могло показаться. Игры и импровизации подчинялись определенному методу, а устройство подземелий и сражения с захватчиками имели в основе своей некий план. Граф считал, что воспитание и образование мальчиков на данном отрезке их жизненного пути должны преследовать ряд четких целей, которые он изложил Гаскону. Тот был только рад исполнить повеление своего господина, поскольку любил ребят и сам с наслаждением участвовал в их играх. В повествованиях о лесе Гаскон искусно вплетал магию, а во время нескончаемых «походов в разведку», когда ребята высматривали чудовищ или двуногое ворье, развивал у них проворство, быстроту реакции и чувство ответственности. Возможно, больше всех это доставляло удовольствие самому Гаскону, пробуждая воспоминания о собственном детстве, которое он провел на юго-западе Франции. Но у него не было отца, подобного графу, и поместья с просторными угодьями.

Члены Клуба Великой армии единодушно считали мир совершенным, а свое королевство – еще прекраснее.

Закончив поливать несчастных муравьев, Мусса и Поль уже собирались пересечь ров и забраться в замок.

Поль первым услышал отдаленный грохот, похожий на гром. Повернувшись, он увидел источник грохота со щетиной, копытами и клыками. Этот живой источник урчал, шуршал листьями и двигался прямо на Муссу. Поль подумал, что это дракон. Воображение сделало зверя летящим, с огнем в глазах и мыслями об убийстве. Зверь ревел, словно настоящий дракон.

Мусса, в этот момент находившийся между Полем и кабаном, увидел, как брат с глазами, полными ужаса, на что-то указывает. Посмотрев туда, Мусса застыл.

Взрослые мужчины могут годами учиться охоте на кабана, причем за некоторые уроки им приходится платить непомерную цену. Они готовятся, вооружаются, подбирают себе надежных друзей и таких же надежных лошадей, предусматривая все мыслимые способы защиты от опасного зверя. И вот наступает долгожданный момент проверки их знаний, навыков и приговлений. Не раз случалось, что даже у самых смелых и опытных поджилки тряслись, стоило им увидеть кабана, готового биться за свою жизнь. Страх безжалостно проверял их подготовленность и способность действовать. Немало охотников погибло, не пройдя проверку.

Было бы излишне ожидать от двоих малолетних мальчиков каких-то осмысленных действий. Застыв, оба в ужасе смотрели на несущегося зверя и ждали конца. Они и вообразить не могли, что подобные существа водятся в реальном мире. Только в самых невероятных и захватывающих историях Гаскона, но даже он никогда не рассказывал им о столь ужасных тварях.

И все-таки Поль не растерялся, проявив удивительное присутствие духа.

– Беги! – крикнул он брату.

Мусса продолжал стоять как вкопанный.

– Беги! – вновь крикнул Поль, и снова его крик не возымел действия.

Кабан был совсем рядом с Муссой. И тогда Поль бросился вперед и изо всех сил толкнул брата в ров, а затем прыгнул туда сам.

Этот толчок спас Муссе жизнь, иначе кабан вспорол бы ему живот, а так вместо лобового удара последовал боковой. Сил, оставшихся у кабана, хватило, чтобы подбросить Муссу в воздух. Мальчик перелетел через ров и, словно мешок, упал на землю, потеряв сознание. Из раны текла кровь.

Достигнув края рва, кабан резко остановился. На дне лежал Поль. Взглянув вверх, мальчик увидел жуткую морду с зубами и клыками. Он израсходовал весь свой запас смелости. Его хватило лишь на то, чтобы свернуться комочком и шумно всхлипнуть.

Раны кабана все сильнее давали о себе знать, но могучий зверь держался за счет глубинных резервов, подхлестываемых адреналином. Он пока еще был жив. Ров не позволял ему продолжить атаку. Кабан лихорадочно бегал взад-вперед, сердито шуря глазки и высматривая способ добраться до Поля или до Муссы.

У дальнего конца дерева кабан увидел твердую почву, тропку, ведущую прямо к окровавленному Муссе.

Кабан опустил голову и побежал туда.

В тот самый момент по дороге, которая тянулась вдоль противоположного берега озера, проезжал монсеньор Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура. Он возвращался в свой дворец после аудиенции у императрицы Евгении. Настроение у епископа было приподнятое. Аудиенция прошла на редкость великолепно. Из всех беспокойных душ Тюильри, требовавших его пастырской заботы, императрица была самой податливой, самой католической и богобоязненной.

К тому же наиболее восприимчивой к его увещаниям. Нынче влияние епископа на императрицу достигло нового, небывало высокого уровня. Евгения доверила ему учреждение международного фонда по сбору средств на реконструкцию храма Гроба Господня. Монсеньор Мюрат едва сдерживал ликование. Императрица сделала это при большом скоплении придворных и посетителей, что только повысит его статус в глазах гостей и хозяев великосветских парижских салонов. Доверие Евгении еще больше облегчит ему продажу влияния и дарование милостей, хотя епископ и так успел стать мастером подобных дел. Дворец Тюильри он покидал с ощущением, что за время аудиенции прибавил в росте.

День выдался погожим: солнечным, в меру прохладным и радующим глаз красками осени. Чтобы отпраздновать свой успех, епископ велел кучеру ехать по новой дороге через Булонский лес, любимому детищу императора, который лично часами планировал расположение аллей и дорожек, вникая в мельчайшие подробности осуществления собственного замысла. Задуманный облик Булонский лес обретет лишь через несколько лет, но весь Париж уже полюбил это место, в особенности епископ, чья епархия граничила с Булонским лесом.

Мюрат ехал в великолепной карете, равных которой во Франции раз-два и обчелся. Эта карета предназначалась для хорошей погоды. Для плохой у него имелась другая, похожая на эту, но защищавшая от природных стихий. Помимо упомянутых, в каретных сараях епископа было еще шесть экипажей. Карета имела позолоченные колеса, спицы которых напоминали крылья ангелов. Ее тянула четверка лошадей, с плюмажами из страусиных перьев и шелковыми попонами. Карета была изготовлена из латуни и палисандра и инкрустирована перламутром. На задней стенке красовался золотой епископский герб. Над каждым колесом, надежно защищенные восемью слоями полированного лака, располагались миниатюрные картины маслом, изображающие сцены на библейские сюжеты: Тайная вечеря, Нагорная проповедь, Святой Антоний, терзаемый демонами, и Святой Петр, получающий ключи от Царства Небесного. Над постройкой и росписью кареты более года трудились четырнадцать лучших мастеровых и художников из близлежащих мест. Ее стоимость обошлась епархии в сто тысяч франков. Чтобы на нужды епископа Булонь-Бийанкура пожалели средств – такое случалось редко. И не важно, касалось это его карет, одеяний, личных покоев или развлечений, которые он с поразительной щедростью изливал на себя и наиболее достойных своих гостей.

Карета была лишь малым отражением appetitов прелата, столь же внушительных, как и он сам. Мюрат отличался изрядной полнотой и носил просторные одежды фиолетового цвета, складки которых почти не скрывали его тучности. На шее у него висел золотой епископский крест. Пухлые пальцы украшали сказочно красивые перстни с опалами, бриллиантами и рубинами.

Сегодня епископ ехал один на заднем сиденье, глубоко утопая в роскошных малиново-красных подушках, сшитых специально под его телеса. Из плетеной корзинки он извлек кусок жареного цыпленка и налил вина из бутылки, стоявшей в специально изготовленном футляре. Епископ шумно облизывал пальцы и не обращал внимания на путников, ловящих его взгляд или незначительный жест благословения.

Неожиданно кучер епископа резко остановил лошадей. Он увидел кабана, затем ребят. Вся жуткая сцена на противоположном берегу озера происходила у него на глазах. Поначалу кучер не поверил, посчитав, что это ему привиделось. Но вскоре убедился: нет, не привиделось.

– Что там такое? – раздраженно спросил епископ, поскольку из-за внезапной остановки вино пролилось на его облачение.

– Там... кабан, ваше преосвященство. Дикий кабан! – ответил взволнованный кучер и указал на другой берег.

Мюрат равнодушно взглянул и увидел зверя, до которого было метров пятьдесят.

– Однако, – пробурчал епископ, – и в самом деле кабан. Поезжай дальше.

Из углубления в полу кареты кучер достал винтовку. Он всегда ездил вооруженным, так как всерьез заботился о безопасности епископа. Епархия состояла из сорока двух церковных округов и пятидесяти семи приходов в холмистом захолустье, где разное отребье не питало уважения ни к высоким должностям, ни к тем, кто эти должности занимал.

– Ты что делаешь? – спросил епископ, видя, как кучер нагнулся за винтовкой. – Я велел тебе ехать дальше.

– Но, ваше преосвященство! Там дети!

Кучер бросил поводья и торопливо приставил к плечу винтовку. Времени на один-два выстрела ему хватит. Надо попытаться.

Епископ посмотрел на другой берег, увидел Поля и Муссу и сразу узнал ребят, потому что одежда Муссы отличалась от одежды других детей. И вообще, этот Мусса был не похож на других детей, а его семья отличалась от прочих семей. Епископа злило все, что касалось де Врисов. Особенно мать Муссы – эта безбожница, при одной мысли о которой у епископа вскипала кровь. Дьяволица, молящаяся ложным богам и не пожелавшая обратиться в христианство. Пока она придерживается языческих верований, ее брак с графом не может быть освящен Церковью. Сука – вот кто она. Сука, посмеявшая насмеяться над ним в его же епархии. Она насмеялась над ним перед священниками, кюре и даже викариями. Она насмеялась над ним перед Богом, глядя своими иноземными глазами и кривя рот в ухмылке. И ее отказ смириться, покаяться, оставить грешные привычки и принять Господа Иисуса Христа был не чем иным, как насмешкой над епископом. Она относилась к нему с безразличием, а порой и со злорадством, что тоже являлось насмешкой. Всякий раз, когда епископ видел эту язычницу или кого-нибудь из де Врисов, у него тряслись руки и багровело лицо.

«Да, – подумал епископ. – Этого мальчишку я знаю очень хорошо».

Кучер плотнее прижал винтовку к плечу и стал прицеливаться.

– Опустит винтовку!

– Как же можно, ваше преосвященство?

Наверное, он ослышался. Кучер выпрямился на сиденье, прищурился и поймал кабана в прорезь прицела. Выстрел будет не из легких, но вполне осуществимым.

– Я сказал, опусти винтовку! Не стреляй! Лошадей напугаешь.

Внутри кучера нарастала паника. Наверное, ему померещилось. Как не стрелять, если кабан того и гляди налетит на мальчишек?

– Лошадей? – ошеломленно повторил кучер. – Ваше преосвященство, так он же их растерзает! Времени совсем не остается!

– Да исполнится Божья воля, – ответил епископ.

– Но они же дети! – умоляюще воскликнул кучер.

Винтовка по-прежнему упиралась ему в плечо, и он еще мог выстрелить, однако палец сполз со спускового крючка. Кучер хорошо знал эту интонацию в голосе епископа. Дальнейших препирательств хозяин не потерпит.

– Да, они дети. Господь самым пристальным образом наблюдает за своими чадами. – Епископ бесстрастно смотрел на трагедию, разворачивающуюся в полусотне метров от его кареты. Понизив голос до шепота, он продолжил: – Но не заблуждайся, ибо перед тобой только одно чадо Божье. Только одно. И Бог его спасет. Второй – ублюдок, полукровка, сын греха. И сейчас за ним явился дьявол.

Кабан ударил Муссу в бок, и мальчик взлетел в воздух, словно подушка епископской кареты. С другого берега не донеслось ни звука. Все это разворачивалось в тишине. Кучер застонал и перекрестился. Ствол его винтовки опустился.

Епископ полез в корзинку за новым куском цыпленка.

То был знак. Явился кабан. Здоровенный, с клыками и раздвоенными копытами.

Граф находился в дальнем конце озера, когда услышал крик. Окликая ребят по имени, он мчался во весь опор. Крик заставил его изменить направление. Анри выхватил пистолет, ругая себя за то, что не взял винтовку. Он хорошо знал свои владения. Годами никто не видел, чтобы кабан так близко подходил к Парижу. И тем не менее граф продолжал ругать себя за беспечность и неподготовленность. Не важно, на каком расстоянии отсюда находится Париж. Здесь лес, а в лесу хватает сюрпризов, в том числе и смертельно опасных, если окажешься застигнутым врасплох. Он столько лет учился сохранять бдительность в любой обстановке и хоронил тех, кто забывал об этом правиле. И вот теперь за его глупость Мусса может поплатиться жизнью.

Боже, только не мой сын!

Из-за деревьев Анри были видны вырубка, кабан и раскидистый дуб. Где же дети? Кабан начал бегать вокруг дуба. Подъехав ближе, Анри увидел неподвижную фигурку Муссы, распростертую на земле. Ужас сдавил ему горло. Он пришпорил лошадь и сымитировал громкое лошадиное ржание, чтобы отвлечь кабана, вновь направлявшегося к Муссе.

Времени прицеливаться и стрелять из пистолета не было. Ни секунды. Лошадь и всадник перемахнули через ров. Кабан отвернулся от Муссы и поднял голову, приготовившись к встрече с лошадию. А дальше в огромном калейдоскопе замелькали ноги, клыки, руки, поднятая пыль. Все это сопровождалось шумом. Лошадь, всадник и кабан сплелись в один клубок.

Потом стало тихо. Участники сражения лежали на земле и не двигались. Кабан бивнем распорол лошади грудь, и животное умирало. Самого кабана в результате столкновения откинуло назад. Он упал на спину и сейчас тяжело дышал, щурясь от пелены перед глазами. Падая, лошадь едва не погребла под собой графа. У него что-то хрустнуло в правой ноге. Падение выдавило ему из легких весь воздух. Только невероятная сила воли заставляла его пальцы сжимать рукоятку пистолета. Теперь, когда пыль улеглась, та же сила воли помогала ему соперничать с кабаном за равновесие и преимущество. Граф попытался встать, но не смог вытащить ногу из-под лошади. Тяжело дыша и морщась от боли, он все-таки сел. Окрестные предметы утратили ясность очертаний, боль не давала сосредоточиться, но Анри прислушивался к движениям кабана, поскольку видеть его не мог – мешал лошадиный бок. Судя по звукам, кабан елозил всем телом и норовил встать. Метрах в трех от графа лежал по-прежнему бездыханный Мусса. Анри предпринял еще одну отчаянную попытку высвободиться. Голова закружилась, поднялась волна тошноты. Рука обмякла. Он закрыл глаза, сполз на землю и потерял сознание.

Кабан не без труда, но сумел встать и отряхнулся. Он больше не был добычей. Он стал охотником. В нем не ощущалось злобы, только желание выжить, желание уничтожить то, что должно уничтожить ради собственного выживания. Услышав шум, кабан повернул голову в сторону новой угрозы.

Серена выстрелила в упор.

Она тоже слышала крик, мчась сюда на лошади и наблюдая за разворачиванием ужасной сцены. Впервые ей довелось увидеть такую свирепость и такую решимость. И теперь она стояла над ним – зверем, не желавшим умирать. Прицелившись, она выстрелила кабану в голову. У него подогнулись ноги, и он опустился на колени. Какое-то время было непонятно, упадет он или снова попытается встать. Он все-таки встал. Копыта чертили борозды в земле. Дыхание было хриплым и натужным и по звуку напоминало кузнечные мехи. Голова качалась из стороны в сторону. Его клыки еще пронзали воздух. Кабан не был готов прекратить сопротивление.

Серена выстрелила снова, затем еще раз. Ее рука была твердой. Страха она не испытывала.

Зверь почти с изумлением посмотрел на нее, будто говоря: «Ты не можешь меня одолеть. Я тебе не позволю меня одолеть».

Но силы оставили могучего зверя. Он застонал, закрыл глаза, повалился на живот и умер.

Под вечер кто-то из гостей попросил повозку и отправился на поле, чтобы увезти тело охотника и тушу кабана, которую грузили вшестером. Мертвого зверя сбросили возле конюшни. Гаскон накрыл кабана брезентом, чтобы не погрызли собаки. К трофею устремились гости графа. Они приподнимали брезент и с немым восторгом взирали на тушу. Они измеряли длину клыков и пересчитывали раны. Затем гости отправились на кухню, где спросили о состоянии графа и его сына. Повариха мадам Леавр приготовила гостям перекусить, после чего выпроводила с кухни.

Несколькими часами позже приехал доктор Фосс. Это был старик, чей возраст не поддавался определению. Никто не помнил, сколько лет он заботился о семье де Врис. Сегодня у него был долгий, тяжелый день, начавшийся с хлопотного утра, когда он лечил кашель, насморк, шишки и порезы. Затем он узнал о происшествии с кабаном. Гаскон приехал к нему, взяв графский экипаж. В имение де Врис доктор прибыл уже в сумерках.

Возраст главной части шато насчитывал двести лет. Здание было двухэтажным, построенным из кирпича и камня. К нему примыкала постройка поменьше, возведенная в 1272 году графом Огюстом де Врисом на земле, дарованной ему Людовиком IX. Толстые стены были густо увиты плющом. Шато являло собой уютное загородное поместье. Здесь выросли Анри и его брат Жюль, а теперь жили их семьи. После смерти их отца имение, земли и графский титул перешли к Анри, старшему брату.

Дом этот был удивительным. Казалось, его специально строили для удовольствия и развлечения детей. Внутри хватало коридоров, лестниц и мест, где можно прятаться. Между стенами и внешним скатом крыши имелся потайной проход. Он огибал весь дом по периметру и соединялся с комнатами люками, замаскированными внутри задних стенок массивных платяных шкафов. Когда-то отец графа показал ему этот проход, а граф показал Муссе. С тех пор Анри испытывал несказанное удовольствие, слыша возбужденный шепот и приглушенное хихиканье, когда кто-то из мальчиков пробирался из одного конца прохода в другой.

Комнаты были большими и довольно просто обставленными. Центром дома являлась кухня, где всегда было уютно и тепло, поскольку в железной плите никогда не гас огонь. Каждая комната имела камин. Если граф не находился в очередном путешествии, то часами просиживал в библиотеке, содержащей одну из лучших коллекций книг во Франции. В мрачные годы, последовавшие за революцией 1789 года, библиотека оказалась на грани уничтожения. Разъяренные толпы врвались в поместья, жгли книги и рубили головы тем, кто их читал. Большинство книг библиотеки де Врисов постигла та же участь, но семья, к счастью, уцелела. В последующие годы коллекция начала расширяться и заботами Анри значительно превзошла былую славу. Помимо фолиантов в кожаных переплетах и редких документов, библиотека пополнялась путевыми заметками графа, бывавшего в таких местах, о которых большинство людей даже не слышали. Из путешествий Анри привозил резные изделия, маски, амулеты и фигурки из слоновой кости. Посреди библиотеки находилась единственная графская причуда – громадный глобус, изготовленный лучшими лондонскими мастерами, сведущими по части картографии. Его диаметр достигал почти метра. Океаны, континенты и полюса были ярко раскрашены в соответствующие цвета. Анри с большим удовольствием указывал на глобусе места в Африке и Азии, которые были слабо прорисованы или вообще оставлены белыми, и подробно рассказывал, что там находится. Серена тоже обладала географическими познаниями, причем о Сахаре она знала даже больше мужа, поскольку сама была родом из Сахары.

Тихо закрыв за собой дверь, доктор Фосс вышел из хозяйской спальни. Пора возвращаться домой.

Однако, перед тем как уехать, он постучался в комнату мальчиков.

– Входите, – ответил спокойный женский голос.

В комнате было две кровати. Возле одной на стуле сидела Серена, держа в руке худенькую ручку Муссы. На другой кровати лежал Поль. Оба мальчика спали.

– Прекрасно, госпожа графиня. Вот я вас и нашел.

Серена слабо улыбнулась и напряглась, готовясь услышать о состоянии Анри.

– Ваш муж не только силен, но и удачлив. Я соединил кость и наложил шину. Ему придется месяц провести в неподвижности, пока кость не срастется. Думаю, это волнует его больше, нежели сам перелом. Я оставлю ему лекарство. Если будет жаловаться на боль, давайте ему бренди.

– А Мусса? – кивнув, спросила Серена.

Врач взял другой стул, пододвинул к кровати, но, прежде чем сесть, потрогал лоб мальчика.

– Графиня, должен признаться, я изумлен. – Он откинул одеяло; на хрупком мальчишеском теле не было живого места, на длинную рану прямо под грудной клеткой были наложены грубые черные швы. – Казалось бы, столкновение с кабаном должно закончиться смертью. Клык ударил вот сюда. Просто чудо, что не глубже. – Врач указал на рану, тянувшуюся от плеча до паха. – Завтра состояние раны ухудшится, и она сильно распухнет. Ее требуется постоянно охлаждать. – Врач прикрыл Муссу одеялом, а сам тяжело опустился на стул, утомленный делами дня. – У мальчика сломана ключица, три ребра и палец. Вдобавок пострадала голова. Контузия.

– Как вы сказали? – спросила Серена, услышав незнакомое слово.

Доктор постучал пальцем по своему виску:

– Голова у вашего сына тоже проломлена. – Он ободряюще улыбнулся. – Не беспокойтесь, графиня. У Муссы крепкая голова. И упрямая, как у отца.

В этот момент в комнату влетела Элизабет, мать Поля. Как всегда, ее появление было мелодраматичным, захватывающей дух вспышкой локонов, цвета и духов. Элизабет только что вернулась из города. Узнав о случившемся, она пришла в неистовство.

– Поль! – воскликнула Элизабет. – Что случилось с моим маленьким Полем?

– Успокойтесь, мадам, – сказал врач, привыкший к ее всплескам. – Вы разбудите мальчиков. Поль не пострадал. Он совершенно здоров. Герой.

Элизабет бросилась к кровати сына, суетясь, воркуя и осыпая его поцелуями. Поль проснулся и попытался увернуться от материнских нежностей, сохраняя достоинство шестилетнего мальчишки. Когда она поумерила свой пыл, он улыбнулся.

– Маман! – Поль сел на кровати. – Ты знаешь, что сегодня было?

– Oui, mon petit! Я слышала про кабана. Ты действовал великолепно!

Поль поморщился. Матери ничего не знали. Какое уж там великолепно?

– Нет! Я не об этом. Мы с Муссой помочились на муравейник!

Элизабет выпучила глаза.

Серена сидела у кровати Муссы. В комнате горела единственная свеча. Дом затих. Гости давно разъехались. Обитатели спали. Серена провела Анри и вернулась к сыну. Она водила пальцем по его лбу, касаясь так, как может касаться только мать. То было прикосновение радости, что он остался жив, прикосновение удивления перед тем, насколько ему повезло. Однако к радости примешивался страх, ибо тельце Муссы было сильно изранено, не говоря уже о переломах. Серена ужасно устала, однако сон не шел. На протяжении долгой ночи, проводимой в раздумьях, ее захлестывали противоречивые чувства. Она то ощущала себя виноватой, то радовалась благополучному исходу, а через несколько секунд сжималась от ужаса, представляя, что могло бы случиться.

¹ Да, мой маленький (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

Это мой сын. Ее плоть и кровь. Ее малыш. Сегодня смерть приходила за ним и получила отказ. А ведь все могло бы закончиться трагедией. Она могла потерять сына или мужа. Даже сознавая, что сын жив и ему ничего не угрожает, она не могла избавиться от ужаса. Ужас застревал комком у нее в горле, вызывая желание кричать. Ужас колотил ей в грудь и наполнял глаза слезами. Ее эмоции были неуправляемыми и чисто плотскими. Серену разрывало между тошнотой и эйфорией. До чего же хрупка жизнь! Как неискушен и наивен ее мальчик! И как же ей повезло!

Это мой сын. Такой маленький, такой беспомощный и зависимый. В пустыне Серена часто видела смерть. Хрупкость человеческой жизни там ощущается острее. Кто-то лишается отца, ставшего жертвой вероломства, кто-то теряет мать, не справившуюся с болезнью. Чьи-то братья и сестры гибнут от несчастных случаев и войн. Жизнь в пустыне не назовешь ни легкой, ни доброй. Смерть не являлась желанной гостьей, но и чужой не была. Она приходила, когда ей вздумается. Но чувство, испытываемое Сереной сейчас, было для нее новым, незнакомым и пугающим.

Это мой сын. Она носила его в своем чреве. Няничла и смотрела, как он растет. В его синих глазах она видела Анри, в высоких скулах и улыбке – себя. Мусса часто смеялся, даруя радость ее сердцу. Она часами качала сына на качелях, освобождала карманы от камешков и помогала ловить насекомых для его коллекции. Она лечила ему разбитые коленки и содранные локти, следила, как он учится ходить и есть самостоятельно. Она учила его говорить на тама-шеке, своем родном языке. Она пела ему колыбельные и утешала, когда другие дети осыпали его насмешками. Когда это случилось впервые, ему было всего пять. Серена и подумать не могла, что все начнется столь рано.

– Маман, а что такое полукровка?

Глаза сына были широко распахнуты от изумления и душевной боли. Естественно, никто из детей и понятия не имел о значении слова «полукровка»; они лишь повторяли услышанное от родителей. Но дети способны жестоко бить словами и переменчивы в своем отношении к сверстнику. То они весело играют с ним, а через несколько минут перестают замечать, и он чувствует себя брошенным и одиноким. Муссу оскорбили вдвойне, поскольку сверстник назвал его *demi-sang*² – словом, применимым к лошадям, но никак не к людям. Другой мальчик срифмовал это слово и превратил в дразнилку, которую подхватили все дети, кроме Поля.

Мусса в слезах убежал.

Потом он сидел у Серены на коленях. Она гладила его по голове, подыскивая слова утешения и не находя таких слов. Она знала: детской дразнилкой это не кончится. Мусса еще не раз испытает уколы недовольства со стороны окружающих и боль за то, что он иной. С того самого дня, как Анри привез ее во Францию, Серена ежедневно ощущала это на себе. Люди глазели на нее, смеялись, перешептывались и показывали пальцем. Они насмеялись над ее акцентом, трогали пряди ее длинных волос, словно она диковинное существо, выползшее из-под скалы. Серена была сильной, сильнее их. Эта сила позволяла ей не сгибать спину и смотреть в глаза обидчикам. Сыну она могла сказать лишь то, что знала сама:

– Не обращай внимания на чужие слова. Тебя они не должны задевать. Ты должен быть сильным.

Но перед ней был пятилетний ребенок, еще многого не понимавший в жизни и потому безутешный в своем детском горе.

– Маман, я *не хочу* быть сильным! – горько всхлипывал он. – Я хочу быть таким, как *они*.

Это мой сын. Ее первенец, единственный ребенок. Рожденный в знатной семье, но жестоко униженный. И в самом деле, благородный полукровка. В Сахаре он бы считался принцем, поскольку у туарегов титулы передаются по материнской линии. Ее брат был аменокалем

² Полукровка (фр.).

– вождем туарегов. В один прекрасный день и Мусса смог бы стать аменокалем, невзирая на французскую кровь, текущую в его жилах. И во Франции он когда-нибудь станет графом и унаследует отцовский титул, невзирая на туарегскую кровь, текущую в его жилах. Серена закрыла глаза, попытавшись представить, какой будет жизнь ее сына. Она увидела тьму, хаос и боль. Там, где дело касалось крови, эмоции обладали особой глубиной.

Это мой сын. У него на шее висел амулет. Подарок аменокаля, кожаный мешочек, содержимое которого сохранялось в секрете. Там мог лежать стих из Корана, кусочек кости или бумажка с начертанными магическими квадратами. Узнав о сегодняшнем происшествии, аменокаль бы кивнул и сказал, что амулет ослабил атаку кабана. Серена не знала. Возможно, так оно и есть. Возможно, в амулете была заключена удача поколений ее предков, сила продвигать по жизни, исцелять и защищать. Благодаря амулету Мусса пережил детскую лихорадку, унесшую десятки детей его возраста. Сегодня этот мешочек сохранил ему жизнь при столкновении с кабаном. Врач хотел было снять амулет, чтобы не мешал накладывать на сломанную ключицу тугую повязку, охватывающую плечи и подмышки.

– Не надо трогать амулет, – положив руку поверх его руки, сказала она доктору Фоссу.

Серена не была ни религиозной, ни суеверной, а потому ее удивило, с каким напором она возразила врачу. Возможно, она поступила так, поскольку амулет был подарком аменокаля и напоминал ей о родине. А может, Мусса просто носил его с рождения, и мешочек стал неотделим от маленькой груди сына. Там он был на своем месте. Амулет успокаивал, вселял уверенность и ощущался ею чем-то привычным. Быть может, сегодня он изменил ход событий. Серена вполне допускала такую мысль. И потому амулет никак нельзя снимать с шеи Муссы.

Это мой сын. В колеблющемся пламени свечи было видно, как он шевельнулся и застонал от боли. Серена прошептала ласковые слова, откинув ему волосы со лба... Шел час за часом. Свеча догорела, ночь сменилась рассветом. Наконец Серену сморил сон. Ей снилась пустыня.

Глава 2

Он упал к ней с неба.

Анри находился в арабской деревне Бу-Саада и готовился к полету на воздушном шаре. Он намеревался воспользоваться ветрами, что дули на высоком плато, окаймленном цепью Атласских гор, которые тянулись вдоль побережья Северной Африки. Так он попадет в Марокко. Во всяком случае, Анри на это надеялся. Они с Гасконом неделями дожидались подходящих погодных условий, каждый день наблюдая за небом и не испытывая ничего, кроме разочарования. Ветра не было. Они терпеливо ждали, а пока следили, чтобы никто не растащил их припасы, проверяли инструменты – словом, делали все, чтобы оставаться в состоянии полной готовности. И хотя Анри рассчитывал, что полет продлится несколько дней, запасов провианта и воды в корзине воздушного шара хватило бы на две недели. Граф обладал авантюрным складом характера, но беспечным и легкомысленным не был.

И вот однажды утром, выйдя наружу, он ощутил дуновение сильного ветра, взъерошившего ему волосы. Пора! Они с Гасконом поспешили к площадке, где в ожидании томился их воздушный корабль, и принялись надувать шар, к немалому восторгу толп изумленных и любопытных до всего арабов, которые приходили сюда ежедневно. Вот и сегодня арабы сидели на корточках, пили чай и шумно переговаривались, глядя, как шар обретает объем и все туже натягивает веревки, крепящие его к земле. Наконец большое воздушное судно было готово к полету. Анри с Гасконом забрались в корзину, вызвав немалую оторопь у французского префекта этого округа. За минувшие недели префект неоднократно напоминал Анри, что тот отъявленный глупец. Разумеется, в вежливой форме, поскольку господин граф как-никак был человеком знатного происхождения и подданным метрополии. Префект не находил себе места от беспокойства, боясь, что граф пропадет в Алжире без вести. Более всего блюстителя закона беспокоило, что вылет произойдет с территории *его* префектуры. Безумие – вот как это называется! Еще ни один европеец не пытался летать здесь на воздушном шаре. Из Парижа посылаются нескончаемые запросы. Префект умолял Анри не вылетать отсюда, предлагая разные варианты. Ну почему бы графу не начать свое путешествие из столицы Алжира? Или из города Айн-Сефра? Неужели его не устраивает вояж в Марокко на верблюде? Но граф и слушать не желал, а префект в отчаянии налегал на абсент, представляя, что его служебная карьера улетит вместе с шаром. Глядя, как Анри перерезает стропы, префект в последний раз с мольбой посмотрел на графа.

– Вы оба погибнете! – с угрюмой уверенностью предрек префект, провожая глазами быстро поднимающийся шар.

– Не сегодня! – весело крикнул Анри и помахал ему на прощание.

Шар быстро набрал высоту, удаляясь от толп арабов внизу. Этот волшебный подъем в небесную высь сопровождался громким восторженным ревом оставшихся на земле. Шар бесшумно двигался на запад. Анри и Гаскон смотрели, как фигуры работающих на полях крестьян и их осликов становились все меньше, а дома стали похожими на коробочки. Проплывая, шар отбрасывал тень, и везде, где она накрывала людей, это вызывало оживление. Следовали крики, то испуганные, то восторженные, однако шар находился уже слишком высоко, и Анри с Гасконом ничего не слышали и только смотрели на жестикулирующих человечков. Те ездили кругами на осликах и указывали на небо. Одни проклинали неожиданное видение, другие плясали от радости, а третьи падали на колени и молились.

В первые часы полета все обстояло идеально. Воздухоплаватели пролетели мимо Джельфы, затем мимо Афлу и Айн-Мадхи, проверяя местоположение каждого городка на карте. Они вошли в спокойный ритм полета и с детским изумлением смотрели на открывавшиеся их глазам пейзажи, отмечая все озера и речки на карте, определяя животных, птиц и

деревья и постоянно проверяя канаты, такелаж и другое оборудование воздушного шара. Граф педантично записывал погодные условия: скорость и направление ветра, а также перепады температуры и давления. Над головой простиралось синее, совершенно безоблачное небо. Однако ближе к вечеру ветер изменил направление и теперь дул с севера. Поначалу эта перемена почти не ощущалась, но чем дальше, тем становилась все заметнее. Ветер нес шар к горам, и вскоре они приблизились к отрогам.

– Гаскон, нам нужно принять решение, – сказал Анри. – Можно и дальше лететь в этом направлении, – он указал на юг, в неизвестность, – или же опуститься и ждать нужного нам ветра.

Гаскон оглядел пространство, начинавшееся за горами. Он не первый год находился в услужении у Анри и наперед знал, чего хочет граф. Ему нравилось, что хозяин спрашивает его мнение и относится к нему как к равному, а не как к слуге. Все это разительно отличало графа от других знатных господ. Те лишь приказывали или требовали. Граф всегда спрашивал у него, хотя и не был обязан это делать.

Сейчас, когда их шар плыл над Атласскими горами, решение не вызывало трудности. Гаскон разделял любовь графа к приключениям. Они хорошо подготовились к путешествию. Семьи у Гаскона не было, а потому ничто его не удерживало.

– Сир, если мы опустимся, то так ничего и не узнаем, – ответил Гаскон.

– Я надеялся, что ты это скажешь, – улыбнулся Анри.

– Да, сир. Знаю.

– Alors³, нам нужно набрать высоту.

Гаскон сбросил балласт. Шар поднялся выше, где скорость ветра увеличилась, и понесся над Атласскими горами, через хребет Джебель-Амур, в неведомое. Контраст был впечатляющим, словно кто-то провел жирную черту между зелеными, плодородными северными склонами гор и красновато-коричневыми скалами и голыми холмами южной стороны. Горы быстро таяли и наконец превратились в плато, а оно – во внезапно появившееся пространство золотистых сверкающих дюн. Путешественники плыли между небом и землей, ветер дул им спину, а вокруг расстилалась безбрежная Сахара. Анри и Гаскон жевали вяленое мясо, запивая водой из фляжек, и смотрели на это безмолвие. Имевшиеся у них карты были вполне точными, но только до северных склонов гор, поскольку те места были хорошо исследованы тысячами французов. Немногие европейцы отваживались пересекать Атласские горы, но тех, кто вернулся, было еще меньше. О громадных пустынях ходили тысячи легенд, а достоверные сведения исчислялись крупицами. Арабы, живущие на плодородном севере, называли те места страной «жажды и страха». Если верить легендам, места, куда направлялся шар, населяла таинственная раса великанов. Арабы именовали их туарегами, «покинутыми Богом», «людьми покрывала» и говорили о них со смешанным чувством страха, отвращения и уважения. Туареги считались превосходными воинами и хозяевами пустыни, надзиравшими за оживленными караванными путями, по которым двигались неиссякаемые потоки соли, рабов и золота.

Анри и Гаскон летели навстречу легендам. Когда солнце начало клониться к горизонту, их взору открылось завораживающее зрелище – одновременный заход солнца и восход луны. У них перехватило дыхание. В восточной части неба величественно поднималась золотистая полная луна, а на западе в песчаной дымке садилось раскаленное докрасна солнце. Путешественники зачарованно глядели то на восток, то на запад, боясь пропустить хотя бы мгновение этого божественного спектакля.

У Анри имелся лондонский медный секстант, хранящийся в потертом кожаном футляре. Этим инструментом граф определил их нынешнее местоположение, внимательно наблюдая за звездами, после коротких сумерек появившимися на темном небе. Свои вычисления он делал

³ Тогда, в таком случае (*фр.*).

на специальной бумаге, которую захватил для вычерчивания карт. Луна была настолько яркой, что ему почти не требовался свет небольшого газового фонаря на полу корзины. Пустыня внизу просматривалась столь же отчетливо, как и днем.

– Мы находимся здесь, – сказал он Гаскону, пометив координаты крестиком. – Но я понятия не имею, где это «здесь».

Закончив вычисления, Анри достал из кармана маленькую деревянную флейту, купленную на каком-то базаре. Его не обучали музыке, но он обладал хорошим слухом и мог воспроизвести услышанное. Иногда он импровизировал, сочиняя мелодию по своему настроению. В этот вечер воздух вокруг шара наполняли бархатные звуки, передававшие свободу и спокойствие полета. Они неслись вниз, к спящей пустыне. Гаскон поудобнее устроился на полу корзины и, закрыв глаза, слушал игру хозяина.

Ночью они спали по очереди: один спал, а другой следил за полетом. Ночь была полна покоя и благоговейной тишины. Внизу неспешно проплывала залитая луной пустыня. Воздух стал холодным и бодрящим. Путешественники закутались в теплые накидки. Утреннее солнце было таким же золотистым, как вчерашняя луна. Склоны дюн, на которые не попадал солнечный свет, покрывал серебристый налет инея, отчего они казались сугробами, блестящими в мягком сиянии зари.

Анри пристально всматривался в карту.

– Мы летим над Большим Западным Эргом, – объявил он.

Эрг был одним из песчаных океанов тысячекилой пустыни. Анри знал о его существовании и местоположении, но не о протяженности. Карта оказалась бесполезной. Торговец-араб в Бу-Сааде рассказывал ему, что за Эргом пролегает оживленный торговый путь. Опускаться раньше, чем они пересекут Эрг, нельзя, ибо пешком по дюнам не пройдешь. Разумнее лететь дальше и надеяться, что ветер вновь поменяет направление и понесет их на запад. Цепь Атласских гор дугой изгибалась к югу. При благоприятном ветре можно будет вторично пересечь горы и лететь в Марокко. Однако у ветра были свои планы, и он весь день и всю ночь упрямо дул с севера на юг.

Волны дюн казались бесконечными и уходили во все стороны, теряясь вдаль. Они располагались большими рядами, один за другим, словно их методично, гигантской лопатой насыпали боги. Дюны были ровными и имели по-женски плавные округлости. С высоты их песок выглядел мягким и чистым. Иногда порыв ветра поднимал с вершин песчаные струйки, словно снег с горных пиков. Один ряд дюн был золотистым, другой – красновато-коричневым, третий – желтым. Игра света и тени постоянно меняла цвет песка. Дюны не были однообразными; сверху различались понижения, песчаные завитки и изящные длинные линии. Местность между дюнами была плоской и почти бесплодной. То там, то здесь виднелись островки колючей травы и кустов, цеплявшихся за жизнь.

Иногда среди дюн мелькали небольшие стада антилоп, пасущихся на редких пятках травы. Одинокий шакал рыскал у подножия в поисках мышей. Во второй половине дня Гаскон заметил двух страусов, чьи долговязые ноги казались еще длиннее из-за теней, отбрасываемых солнцем, отчего эти птицы выглядели двадцатифутовыми великанами, расхаживающими по песку. Скорее всего, здешний животный мир даже не замечал, что у них над головой проплывает воздушный шар.

Анри постоянно делал записи, отмечая особенности ландшафта. Шар несло все дальше от Атласа, пока очертания гор не превратились в едва заметную нить на горизонте, видимую только в бинокль. Где-то в глубине живота у Анри возникло хорошо знакомое покалывание. Привычный ему мир остался позади, и он испытывал страх вперемешку с предвкушением новых впечатлений.

Он любил это ощущение. Оно всегда сопровождало его в путешествиях.

Он был рожден для привилегированной жизни. От него ждали, что он станет военным, как поступали многие поколения мужчин из рода де Врис со времен Людовика IX. Но Анри разочаровал близких, в том числе и отца. Карьеру военного он оставил младшему брату Жюлю, чей характер куда больше соответствовал этому роду занятий, нежели его собственный. Отверг он и праздную жизнь аристократа, которую вполне мог себе позволить, пользуясь богатством и положением. Вместо этого Анри путешествовал. Он посещал места, куда другие не могли или не отваживались отправиться, и совершал поступки, немислимые или недопустимые с точки зрения других. В Центральной Турции он исследовал удивительные пещеры Каппадокии. Он побывал в пустынях Аравийского полуострова и горах Гиндукуш в Афганистане. Он бродил по базарам Макао и улочкам Ташкента. В Целебесском море⁴, близ Борнео⁵, корабль, на котором он плыл, потерпел крушение. В Судане Анри наблюдал танцы кружащихся дервишей. Чтобы попасть в Марракеш, закрытый для христиан, он замаскировался под еврея из Дамаска, надев красную ермолку и тюрбан. Анри наслаждался такой жизнью и ценил свою свободу. Он писал путевые заметки для Парижского географического общества, которых с нетерпением ждали читатели Парижа, Лондона и даже Нью-Йорка.

И потому нынешнее проникновение в неизведанные пределы Сахары не наполняло ужасом сердце Анри. Наоборот, он чувствовал знакомый прилив адреналина, вгрызавшийся ему в живот и оживлявший чувства. Краски становились ярче, запахи – острее. Анри хотелось громко смеяться от удовольствия. Он нуждался в этом ощущении; оно питало его во всех путешествиях. Это была разновидность экстатического страха, обитавшего и прорывавшегося наружу тугой, жаркой волной. Он испытывал почти мистическую одержимость, страсть путешественников, торопящихся проникнуть в тайны мира, увидеть доселе неизвестные места и совершить доселе немислимые поступки. Его снедала неутолимая жажда странствий. Едва одна цель была достигнута, на горизонте тут же появлялась другая, и он снова отправлялся в путь. Много лет назад на базаре в Дели предсказательница прочла по ладоням Анри, что он умрет в старости. Он рассмеялся со всей самоуверенностью скептика, обладающего аналитическим складом ума. Но он поверил ей и с тех пор жил в каком-то промежуточном состоянии между сумасбродством и вдохновением.

На рассвете третьего дня их полета ветер стих. Внизу простирались все те же дюны. Чтобы видеть дальше дюн, требовалось подняться выше. Гастон сбросил балласт. Шар взмыл вверх и достиг высоты, с которой за дюнами просматривалось большое плато. Анри припал к окулярам бинокля. Между дюнами и плато лежала обширная низина, заполненная вади и глубокими ущельями. Дальше снова начинались дюны; их золотистое песчаное море уходило на юго-запад. К северо-западу, у верхнего конца впадины, просматривалась озерная котловина. Озеро выглядело пересохшим, однако расстояние не позволяло говорить об этом с уверенностью. Если это *себха*, соленое сезонное озеро, в том месте могут быть колодцы и люди.

– Мы уже достаточно забрались на юг, – сказал Анри, не желая чрезмерно искушать судьбу. – Думаю, нам лучше опуститься и подождать благоприятного ветра.

– Согласен, – кивнул Гастон, – но наше ожидание может растянуться на несколько дней. – (По обеим сторонам пологих склонов вади росли кусты и лежали крупные валуны.) – Камни возле того вади дадут нам временное пристанище. Если ветер так и не подует в нужном нам направлении, можно будет оставить шар и пешком двинуться на северо-запад.

Анри потянул за веревку, которая открывала клапан в верхней части шара, и они начали спускаться в долину.

Шар плыл над каменным гребнем, окаймлявшим долину с одной стороны. Вокруг не было ни животных, ни каких-либо признаков жизни, однако по плотному песку тянулись

⁴ Ныне море Сулавеси.

⁵ Ныне остров Калимантан.

тропы. Значит, люди иногда появлялись в этих местах. Но подобные тропы обманчивы, ибо в пустыне они сохраняются годами и невозможно определить, когда по ним проходили в последний раз.

Путешественники приближались к земле и сейчас пролетали над стеной ущелья, рассчитывая мягко посадить шар на вади. Неожиданно шар попал в стремительный восходящий воздушный поток, быстро вытолкнувший его вверх. Раньше, чем Анри и Гаскон успели принять меры, нисходящий поток резко швырнул их к скалам.

– Балласт! – закричал Анри.

Гаскон уже обрезал веревки, которые крепили мешки с песком на внешних стенках корзины, но было слишком поздно. Плетеная корзина ударилась о торчащие острые камни, и те пропороли ей бок. Началось светопреставление: путешественники и все их имущество оказались в воздухе. Анри схватился за тюк, исчезающий в проломе, но стоило ему протянуть руку, как его бросило на дно корзины. Налетевший ветер потащил шар за собой. Корзина вторично ударилась о скалы, и оболочка шара превратилась в парус, низко накренившийся под углом. Под напором свирепого ветра веревки, скреплявшие шар с корзиной, натянулись до предела. Острым куском скалы перерезало одну веревку, затем другую, и шар вырвался на свободу, но из-за опасного наклона утратил маневренность и быстро рухнул вниз. Лишившись поддержки шара, корзина пролетела последние несколько футов и ударилась о дно вади. Вместе с ней ударились и путешественники. Они лежали, оглушенные ударом, и тяжело дышали.

В последние минуты полета шара из-за изгиба вади показались семеро всадников на верблюдах. Остановившись, они в оцепенении следили за шаром, появившимся над гребнем, за корзиной, царапающей скалы, и за людьми в корзине, которые отчаянно пытались устоять на ногах. Шар слегка трепетал на ветру, затем воспарил выше, словно громадный небесный призрак. Беззвучный летающий шар из великолепной белой ткани на фоне синего неба.

– *Хамдуллила! Это же дженум!* – сердито прошептал один из всадников, имея в виду джиннов, обитающих между скалами и в темных местах, и вытащил большой обоюдоострый меч, приготовившись пустить оружие в ход.

– Аллах грядет! – произнес другой всадник.

– Это луна, упавшая с небес!

– Летающие облачные люди!

Измученные зрелищем, но без страха, всадники подъехали ближе, наблюдая, как таинственный предмет взмыл в воздух, затем упал, подпрыгивая и дергаясь, а потом бесцеремонно швырнул летающих облачных людей на землю.

Анри лежал не шевелясь. Шок от удара быстро прошел. Он слышал голоса, однако распознать язык не мог. Поскольку говорили не по-арабски, он решил, что это, скорее всего, язык туарегов.

Он поднялся на колени и помог встать Гаскону, который все еще ловил ртом воздух. Всадники выстроились вокруг двоих мужчин полукругом. Чтобы рассмотреть туарегов, Анри пришлось задрать голову. Учитывая, что туземцы сидели на верблюдах, от земли до них было не менее двенадцати футов. Их силуэты на фоне неба выглядели устрашающе и в то же время очень красиво. Анри был заворожен всадниками на верблюдах ничуть не меньше, чем они – его полетом и падением. Какое-то время французский граф и семеро всадников молча и настроенно всматривались друг в друга. Туареги были с ног до головы закутаны в темно-синие и ослепительно-белые одеяния. Свои лица они тоже закрывали, оставляя лишь прорези для глаз, а глаза у них были темными и непроницаемыми. Ткань своих тюрбанов они многократно оборачивали вокруг головы и плотно завязывали, что придавало им сходство со шлемами, а самих всадников делало еще выше и внушительнее. Туареги были вооружены копьями. Тяжелый меч в мастерски выделанных красных кожаных ножнах висел на плече. Их щиты из шкуры антилопы имели небольшие надрезы, которые образовывали подобие латинского креста. Всадники

восседали в седлах с высокой спинкой. Луки седел тоже чем-то были похожи на крест. Анри они напоминали средневековых крестоносцев, которые были и в его роду. Их портреты, среди прочих, висели в шато де Врис. Туареги выглядели королями.

Предводитель отряда был высоким импозантным мужчиной, державшимся надменно. На воздухоплателей он смотрел так, словно являлся венцом творения и властелином всех людей. Позади предводителя Анри с изумлением увидел женщину. Она была единственной в отряде, чье лицо оставалось открытым. Подъехав ближе, женщина остановилась, молча глядя на графа. Всякий раз, когда Анри смотрел на женщину, первыми он замечал ее глаза. Одежда, волосы, лицо, фигура – все это попадало в поле его зрения потом, ибо ничто не могло столько рассказать о женщине, сколько глаза. Глаза этой женщины сразу захватили его. Они были темно-карие, в них улавливались ум и чувство юмора. Они казались ему волшебными озерами, полными жизни и говорящими, что эта женщина обладает характером. На какой-то момент – удивительный момент – ее глаза полностью завладели его взглядом. Одевание женщины не отличалось от одежд ее спутников, однако Анри впервые видел североафриканскую женщину, голова и лицо которой оставались открытыми. Она была красивая; черты ее лица были столь же незнакомы Анри, как и ее язык. Ее облик отличался от арабских, африканских и европейских женщин. У нее были высокие скулы и светлая, гладкая, блестящая кожа. «Наверное, берберка», – подумал Анри. Не сразу, но отметил, что у нее изящная шея, а улыбка обнажает безупречные белые зубы. Длинные темно-каштановые волосы были заплетены в тугие косы. Держалась она с большим достоинством и, подобно своим спутникам, в седле сидела прямо и властно. Она с интересом смотрела на воздушный шар и с легким изумлением – на Анри, который к этому времени уже поднялся и отряхивался от пыли. Помогая встать Гаскону, Анри не сводил глаз с прекрасной всадницы. Эта женщина была для него непроницаемой тайной.

Когда она говорила, в ее голосе ему слышались уверенность и властность. Анри внимательно вслушивался, и ему казалось, будто он понимает ее слова, хотя она изъяснялась на совершенно незнакомом языке.

– Это называется *воздушный шар*, – объясняла она своим спутникам, продолжавшим спорить между собой о том, какое именно колдовское ухищрение они сейчас лицезреют. – Я такой видела в столице Алжира.

– Что значит «воздушный шар»? – спросил один из закутанных мужчин.

– Летающая машина, – обернувшись через плечо, ответила Серена. – Только эта, похоже, летает так себе.

– Если они не *дженумы*, их надо убить, а их вещи забрать себе, – сказал другой туареги.

Повреждение корзины и последующее падение расшвыряло по песку все ее содержимое, включая секстант Анри и барометр, чей бронзовый корпус поблескивал на солнце. Неподалеку валялись несколько кожаных мешков, саквояж, добротные накидки и фляги с водой. Туареги смекнули, что видят богатых чужеземцев, имевших при себе весьма дорогие вещи, а также непонятные штучки, посредством которых те наверняка общаются со злыми духами ради достижения своих целей.

– Их надо убить, а всю их поклажу сжечь, – заявил третий. – От них только зло, поскольку они *икуфары*.

Это слово обозначало «язычник» и употреблялось в отношении первобытных людей Европы. Несколько туарегов согласились с его предложением.

Гаскон с подозрением посматривал на туземцев. Их язык был для него сплошной тарбарщиной, зато он хорошо чувствовал угрозу в интонациях даже незнакомой речи. Сейчас он изучал всадников и инстинктивно оценивал свои шансы в сражении, пытаясь отыскать слабые места противников. Увы, таких мест почти не находилось. Туареги были вооружены, восседали на верблюдах и окружали его и графа полукольцом. Глаза Гаскона перемещались от всадника к всаднику, подмечая копья, мечи и истертые серебряные рукоятки ножей. Помимо видимого

оружия, у них наверняка имелось и другое, спрятанное под складками одежд. Эти люди были воинами, в чем он не сомневался, и без основательного вооружения ему с графом против них не выстоять. У Гаскона при себе был только нож, а граф – тот вообще безоружен. Гаскон оглядел разбросанное имущество, силясь отыскать взглядом хотя бы одну винтовку. В полете держать оружие наготове не имело смысла, а где оно теперь, вообще непонятно.

Хуже всего, что Гаскон не видел выражения лиц туарегов. Умом он понимал: перед ним обычные смертные, а вся эта загадочность вызвана несколькими слоями ткани, которая закрывала их лица. И все же он ощущал себя перед ними совершенно голым.

– Сир, мне не нравится, как они выглядят, – тихо сказал он графу.

– Человеку, который ест песок, не нравится, как *мы* выглядим? – резким тоном по-французски спросила женщина, настолько ошеломив Гаскона, что тот едва не подпрыгнул.

Потом она засмеялась. Смех ее был искренним и беззлобным. Веселым эхом он отразился от окрестных валунов и помог разрядить напряжение. И невольно Анри тоже засмеялся. Гаскон не разделял их веселья по поводу собственного облика, но вытер лицо, перепачканное песком со дна вади. Остальные туареги ничего не поняли; из всего отряда по-французски говорила только Серена. Анри незамедлительно ей ответил:

– Мадемуазель, меня зовут Анри де Врис, а моего спутника, который ест песок, – Гаскон. Мы оба из Франции. – Он слегка поклонился. – Удивлен встретить вас здесь и очень рад, что вы говорите по-французски.

– С крушением вас, Анри де Врис.

– Это не было крушением, – торопливо и с оттенком самооправдания возразил он. – Это было жесткое приземление.

Серена снова засмеялась:

– Упади вы с верблюда, я бы сказала, что вы шмякнулись. Верблюд потом еще и укусил бы вас.

– Какое счастье, что я не ехал на верблюде, – сказал улыбающийся Анри.

Эта женщина нравилась ему все больше.

– Серена! Что он там говорит? – спросил Тамрит аг Амеллаль, предводитель отряда.

Его раздражал ее смех и язык, в котором он не понимал ни слова. Он привык командовать. Серена оставила его вопрос без внимания.

– И откуда же вы прилетели на своем шаре?

– Из Бу-Саады.

– Из Бу-Саады! Так это же за Большим Эргом!

– Да. Мы провели в воздухе двое суток.

– А куда направлялись?

– В Марокко, – пожав плечами, ответил Анри.

Серена с изумлением посмотрела на графа:

– Марокко! Месье, вы потерпели крушение в трех неделях пути от Марокко.

– Знаю. Ветер был неправильный.

– Как ветер может быть неправильным?

– Он дул не в том направлении, на которое я надеялся.

– Вы летели на своей машине, уповая на надежду?

– Нет... да. Полагаю, что так.

Эта женщина из пустыни сбивала его с толку.

– Тогда вам было бы лучше отправиться на верблюде. – Она взглянула на небо. – Даже верблюду известно, что этот ветер унесет вас в Танезруфт⁶. – Она махнула на юго-запад. – Если

⁶ *Танезруфт* – песчано-каменная пустыня на границе Алжира и Мали; одно из самых безжизненных мест на планете.

бы не крушение, вы со своей надеждой долетели бы туда и там нашли бы свой конец. Танезруфт – гиблое место, – добавила она, констатируя очевидное. – Там вообще никто не живет.

– Со мной все было бы в порядке.

– Поначалу да, а когда у вас закончились бы запасы воды, вы бы оба погибли. Вам повезло, что мы встретились вам на пути.

– И куда вы направляетесь?

– В Арак, – ответила Серена, указав на юго-восток, – к подножию Атакора.

Она повернулась к Тамриту и на родном языке быстро пересказала услышанное. Туареги встретили ее слова недоверчивыми восклицаниями. Бу-Саада! Никто из них там не бывал, но все знали о селении, лежащем по другую сторону больших гор. Великий песчаный Эрг – это поле смерти – был непроходим. Обходной путь занимал недели нелегкого перемещения на верблюде. Все они видели, как шар летел, однако сама мысль, что он мог пересечь Эрг, была невообразимой и нелепой!

– Врут они! – заявил один из спутников Серены. – Тут налицо проделки *джемумов*! Мы должны убить их без промедления!

– Может, и не *джемумов*, а убить их надо!

– *Эуалла*, вот и я так говорю!

– Решено!

– Нет! – резко возразила Серена. – Мы отвезем их и летающую машину к аменокалю. Ему будет любопытно на нее взглянуть. А потом он решит, как с ними поступить!

– Ба! Летающую машину! Падать она умеет, а не летать! Распалась на куски и валяется среди скал! Ни один разумный человек не полетел бы на ней!

– Но они полетели!

– Какие они разумные? Они же французы!

– А куда приходят французы, по пятам следует ужас. Они воры и убийцы. Арабы на севере пострадали от их рук. Этих двоих надо убить!

– Арабы на севере заслуживают правление французов!

Спор становился все жарче.

– Ты знаешь, куда упали винтовки? – тихо спросил у Гаскона Анри.

– Я их не вижу, сир. Надо поискать повнимательнее. Куда ни глянь – сплошные обломки.

– Тогда ищи, и побыстрее, пока туареги спорят. Если найдешь, одну брось мне, но на них пока не наводи. Если не найдешь, у меня в саквояже пистолет. Будь начеку и смотри в оба. Думаю, сейчас они обсуждают, чем нас приканчивать – мечами или копьями. В случае чего беги туда.

Анри указал на два крупных валуна, располагавшихся почти вплоты. Позади была стена из песчаника. Не ахти какое прикрытие, но лучше, чем ничего.

– *Oui, mon comte*⁷.

Гаскон направился к обломкам корзины. Заметив это, Тамрит закричал:

– Смотрите! Он пошел искать оружие! У них есть винтовки! Остановите его!

Тамрит поднял копье. Остальные выхватили мечи и достали из складок одежды ножи. Рука Гаскона потянулась к ножу на поясе. Безоружный Анри мог лишь отступить.

– Стойте! – раздался голос Серены, которая видела, что ситуация становится неуправляемой, и понимала, что должна вмешаться; слова, прозвучавшие затем, были удивительны для нее самой, поскольку являлись ложью. – Оставь их, Тамрит. Слишком поздно. Я уже взяла их под свою защиту. Я дала им *аман*⁸ на безопасный проезд.

– По какому праву ты это сделала?! – взорвался Тамрит.

⁷ Да, мой граф (*фр.*).

⁸ *Аман* – гарантия безопасности, которую мусульманин дает немусульманину или врагу.

– По праву, которое у меня есть, и ты, Тамрит, прекрасно это знаешь. Французы погрузят свою летающую машину и вместе с нами отправятся в Арак.

– Серена, в этом путешествии я главный.

– Что сделано, то сделано! – хмыкнула она.

Разъяренный Тамрит вонзил копье в землю:

– Я не подчинюсь!

– В таком случае ты оскорбишь всех нас и будешь отвечать перед аменокалем.

Тамрит выругался. Эта женщина слишком независимая, слишком властная, а он безнадежно влюблен в нее. Он ухаживал за ней два года, дарил верблюжье мясо и прекрасные ткани, писал стихи и вообще делал все, на что способен влюбленный мужчина. Но она оставалась равнодушной и недосягаемой. А сегодня она посмела с ним спорить и унизила перед другими. Проклятая женщина! Конечно же, она была права. Если она даровала безопасный проезд, ему не оставалось ничего иного, как согласиться с ее решением. «Хотя бы до тех пор, пока не представится благоприятная возможность», – подумал он.

Серена заметила его нерешительность и поняла: удача на ее стороне. Теперь нужно побыстрее закончить начатое. Она подъехала к Анри и заговорила быстро и властно:

– Мои спутники подумали, что вы разыскиваете оружие. Я заверила их, что это не так, но если оружие у вас действительно есть и вы попытаетесь применить его против нас, ваша смерть, Анри де Врис, наступит очень скоро. Я собственноручно вас убью. Но если хотите, я предлагаю вам безопасный проезд. Можете отправиться с нами в Арак, где покажете свою летающую машину нашему правителю. А там примкнете к какому-нибудь торговому каравану и вернетесь на север.

Анри мешкал, просчитывая имеющиеся возможности, которые в данный момент были ограничены. Он не знал, можно ли доверять словам этой женщины. Она завораживала его и, похоже, пользовалась влиянием среди соплеменников. Чувствовалось, ее слова обладают большим весом. Невероятно, но она управляла мужчинами. Какая африканская или, если уж на то пошло, европейская женщина вела себя подобным образом? Он повидал достаточно базаров, городов и деревень на севере Африки, где женщины выглядели робкими и бесправными существами, закутанными в паранджу ничтожествами. Отцы и мужья держали их под замком, требовали от них беспрекословного подчинения и били, как мулов. Эта женщина не являлась робкой и бесправной; не она, а мужчины прятали свои лица. Что же это за народ такой – туареги? На севере он вдоволь наслушался рассказов о вероломстве туарегов и сообщений о десятках путников, убитых ими. Однако сейчас ему и Гаскону предлагали безопасный проезд. Анри знал: если ткань оболочки шара сильно повреждена, починить его в здешних условиях не удастся. А если слова женщины о ветре – правда, нужного ветра можно так и не дожидаться. Идти одним – сущее безумие. Даже если они с Гасконом и решатся на такое, есть опасность столкнуться с другим караваном и быть убитыми на месте.

Серена слышала недовольные голоса соплеменников и знала, насколько опасно сейчас медлить. В любой момент она могла потерять контроль над ситуацией.

– Решайте как можно быстрее, – поторопила она Анри. – От этого зависит ваша жизнь.

Анри взглянул на Гаскона. Тот, оценив их шансы, посчитал благоразумным согласиться, о чем и сообщил кивком.

– Ваше предложение с благодарностью принимается, – сказал Анри. – Сочтем за честь ехать вместе с вами.

– Тогда собирайтесь.

Воздухоплататели свернули шар, собрали и сложили в кучу уцелевшие остатки багажа. Анри разыскал винтовки, упавшие в песок и придавленные обломком корзины. Он вел себя предельно осторожно, стараясь, чтобы туареги видели каждое его действие и не могли превратно истолковать. Винтовки он завернул в покрывало и опустил в корзину, которую пред-

стояло погрузить на вьючного верблюда. Анри и Гаскон хотели помочь с погрузкой, но туарег по имени Бузу, одетый во все белое, бесцеремонно их отогнал. Он занялся этим сам, шипя, ругаясь и уговаривая животных без лишних капризов сделать то, что от них требуется. Бузу один возился с верблюдами. Остальные туареги молча сидели в тени. В них не ощущалось чрезмерной враждебности, но держались они замкнуто и недружелюбно.

Когда караван наконец-то был готов тронуться, Анри обнаружил, что выделенный ему ездовой верблюд имеет скверный нрав. Верблюд – животное, чье поведение отличается контрастами. В зависимости от настроения он может быть либо совершенно несносным, либо благородным и великодушным. К тому же он обладает способностью выглядеть совершенно естественно в любом обличье. Всадник забирается на верблюда, когда тот стоит на коленях, затем верблюд встает, и всадника резко отбрасывает назад, потом вперед и снова назад. Верблюд Анри дергался в разные стороны, отчего едва не сбросил его, вынудив схватиться за шею и сползти вбок, где Анри повис в опасной позе. Серена, уже находившаяся в седле, вовремя подоспела графу на помощь.

– А вы, месье, в корзине шара выглядели лучше, – весело сказала она, изо всех сил крепясь, чтобы не засмеяться.

Анри застенчиво взглянул на нее и покраснел. Кое-как он переполз по верблюжьей шее обратно в неудобное кожаное седло, попутно выронив сумку. Он тупо смотрел на упавшую сумку, раздумывая, как спуститься за ней и при этом окончательно не потерять достоинства. Гаскон уже сидел в седле, как и все туареги. И вновь графу помогла Серена.

– Сейчас подниму, – сказала она.

Она легко прыгнула с верблюда, подхватила сумку, протянула Анри и снова забралась в седло. Ее верблюду даже не пришлось становиться на колени.

– Мерсі, – благодарно закивав, произнес Анри. – Сколько дней займет путь до Арака?

– Восемь.

– Через восемь дней я стану превосходным наездником.

– Или вы с верблюдом поменяетесь местами, и он поедет на вас, – засмеялась Серена.

Они ехали быстро, двигаясь гуськом по узкому вади, змеившемуся вдоль подножия плато. Караван покрывал милю за милей, не останавливаясь и не сбавляя скорости. Ехали молча. Верблюды были превосходными животными, полными сил, шли быстро, ударяя копытами по мягкому песку и выдерживая темп. Подражая манере езды туарегов, Анри обвил ногами верблюжьей шее, но его верблюд не реагировал на движения ног. Упрямое животное так и норовило выбиться из цепи, чтобы полакомиться колючками или листьями редких кустов, однако Анри пресекал все поползновения, туго натягивая поводья. Несколько раз он дергал за носовое кольцо, ловя на себе злобный взгляд верблюда, а однажды тот попытался его укусить. Графу оставалось лишь надеяться, что за время пути между ними установится пусть и напряженное, но взаимопонимание.

Достав записную книжку, Анри попытался вести путевые заметки и делать зарисовки, однако качка делала это невозможным. Спрятав книжку, он довольствовался тем, что просто наблюдал, любуясь видами с высоты верблюжьей спины. Через какое-то время вади стало шире, и вскоре граф поехал рядом с Сереной.

– Вы меня радуете, месье де Врис. Вам удалось весь путь продержаться в седле!

– Он дожидается вечера, чтобы сбросить меня, – с грустью признал Анри. – Думаю, верблюду было бы предпочтительнее видеть меня в корзине воздушного шара. Главное – не забыть, что к нему нельзя поворачиваться спиной.

Серена показала Анри, как туареги сидят в седле, держат поводья и заставляют верблюда отвечать на движения ног. Для последнего графу понадобилось снять сапоги. Но верблюд не желал откликаться. Он громко возмущался и недовольно плевался, потешая Серену.

– Должно быть, ему не по нраву ваши французские ступни.

– А где вы так хорошо научились говорить по-французски? – спросил Анри.

– Мне шел десятый год, когда весной мы небольшим отрядом отправились в Эль-Гасси, – начала она. – Я оторвалась от своих спутников, забрела в сторону, споткнулась и упала со скалы. При падении я сломала ногу, да так сильно, что кость пропорола кожу и торчала наружу. Никто из нас не знал, что делать. Обычно лечением ведал *марабут*, но его с нами не было. На этом мое путешествие прервалось. В городке, куда меня принесли, жил французский миссионер из Алжира. Один из «Белых отцов»⁹. Он умел врачевать переломы, вернул кость на место и закрепил ногу. В довершение к сломанной ноге я подхватила лихорадку и чуть не умерла. Я долго пролежала, не в состоянии подняться с постели. Тогда-то он и стал учить меня французскому языку.

– И прекрасно научил.

– Он был добрым человеком. Выращивал овощи и раздавал жителям, хотя самому не оставалось. Он пытался обратить меня в свою веру. До этого он пытался обратить других, но безуспешно. Так никого и не обратил... А потом кто-то перерезал священнику горло, и мои уроки прекратились.

Анри поразило, с какой будничностью Серена поведала о гибели священника, словно подобное было совершенно естественным явлением.

– Кто это сделал?

– Не знаю. Думаю, что шамба. – В устах Серены слово прозвучало как ругательство.

Так называли арабов, обитавших в центральных оазисах севера, тогда как туареги относились к берберским народам. Между теми и другими веками велась кровавая вражда с нападением на караваны и разграблением лагерей, что омрачало жизнь многим поколениям.

– Они строго придерживаются ислама и терпеть не могут «Белых отцов». Рано или поздно того священника все равно убили бы.

– Тогда почему шамба не тронули вас?

– Они, конечно, *бен халиф*. Но даже эти сыновья свиней не посмеют причинить зло маленькой девочке. И потом, священник надежно меня спрятал. Он тревожился о моей безопасности. Боялся, что расправятся со мной, а оказалось – расправились с ним. Найди меня шамба в его доме, они бы взяли меня в плен, а потом продали бы моим соплеменникам. Шамба ненавидят нас сильнее, чем... вас, и любым способом хотят нам навредить. Им никогда не удавалось подчинить нас или заставить жить так, как они. Когда мы сражаемся с ними, им здорово достается. Для них это хуже смерти. Они зовут нас «покинутыми Богом», но Бог, как видите, нас не покидал. Он вокруг нас. – Широким жестом Серена обвела впечатляющую местность, по которой они ехали.

На западе тянулась цепь невысоких дюн. На солнце их склоны из твердого песка отливали медью. К востоку простиралась равнина, усеянная камешками всех мыслимых цветов: от оранжево-розового до темно-пурпурного. Впереди поднималось плато, испещренное зубчатыми расселинами, по краям которых росли упрямые колючие деревья с яркими цветами. В ландшафте не было никакой монотонности, ничего тусклого и пустого. Для Анри это был многоликий мир, где сюрпризы подстерегали на каждом шагу.

Ветер прибивал волосы к лицу Серены, и она их откинула. Анри поймал себя на том, что во все глаза смотрит на нее. Его поражала сложность характера этой женщины из пустыни, искренней в словах, свободной духом, непринужденно смеющейся и умеющей довольствоваться малым, но готовой в любой момент заглянуть в лицо смерти. Сахара была суровым местом, рождавшим крепких людей. Граф не сомневался: если понадобится, Серена с одинаковой легкостью способна поцеловать человека и убить его. Она была чистой и немного дерзкой. Ему это понравилось, особенно дерзость, ибо ее поведение сильно отличалось от того, что

⁹ «Белые отцы» – католическое миссионерское общество.

он всегда видел у женщин. Анри привык к женщинам, лебезящим перед ним из-за его богатства и положения. На Серену ни то ни другое не произвело бы ни малейшего впечатления. Казалось, все, что ей нужно, находится внутри поклажи ее верблюда.

Эти мысли отвлекли его от того, о чем рассказывала Серена. Она поймала его взгляд. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, затем она опустила глаза и продолжила рассказ:

– ...Северные оазисы. Там у меня была возможность поупражняться в вашем языке с французскими поселенцами. Пару лет назад я сопровождала моего дядю в Алжир. Он великий *марабут* и многому меня научил. – Серена пояснила, что *марабутами* называют святых людей, обучающих туарегов религии; они же исполняли роль врачей, а еще учили соплеменников астрономии, географии, ботанике, чтению и письму. – Дядя совершал паломничество в Мекку. Я осталась в городе и ждала его. Там-то я и увидела воздушный шар. Летающий, – добавила она.

Весна в пустыне была теплой, но не жаркой. Караван беспрепятственно двигался дальше. Время перевалило за полдень, а послеполуденные часы незаметно перешли в ранний вечер. Анри и Серена ехали рядом и говорили без умолку, забыв об остальных. Караван растянулся в длинную цепь. Верблюды шли уже не так резво, как утром. Местность постепенно становилась все более равнинной. Жесткий песок вади стал мельче и мягче. Среди песка поблескивали разноцветные камешки. Анри и Серена непринужденно разговаривали обо всем на свете. О птицах, которые им встречались, о съедобных и ядовитых растениях, о султанах Стамбула – Серену интересовало, правда ли, что он купается в золотой ванне, – о кораблях, бороздящих Средиземное море, о рогатых ящерицах и змеях. И конечно же, они говорили о пустыне: ее погоде, ночах, ливнях, заливающих все вокруг, о ее характере и красоте. Казалось, Серена знала о пустыне все и на все смотрела внимательными и восторженными глазами. Заметив что-то вдаль, она молча прищипорила верблюда и устремилась вперед. Вернулась она с изящной песчаной розой – пустынным каменным цветком, отшлифованным эонами ветров. Серена протянула розу графу. Чтобы принять подарок, Анри пришлось наклониться. Он едва не потерял равновесия, но Серена другой рукой подхватила его, одновременно передав розу. Их руки соприкоснулись. Прикосновение было мимолетным, но оба ощутили волшебство этого мгновения. Анри негромко пробормотал слова благодарности и взглянул на розу. Ее кристаллы сверкали на солнце. Граф бережно убрал розу во внутренний карман плаща.

Они с Сереной обменивались рассказами о местах, где успели побывать. Затаив дыхание, она слушала о реке Сене, которая лениво текла мимо его дома, образуя дугу, о заснеженных вершинах Французских Альп и скандинавских ледниках, которые ему доводилось пересекать. Она рассказывала графу о больших караванных путях и пещерах с древней наскальной живописью, свидетельствующей о том, что когда-то на месте пустыни были джунгли с плодородной почвой и обилием животных. Граф с интересом узнал об охоте на страусов, длившейся два, а то и три дня. Указывая на внешне неприметные места, Серена говорила, что там можно найти воду. Анри слушал и удивлялся. Еще более удивили его слова Серены о том, какой гром стоит над дюнами, когда восходит солнце. Было столько всего, о чем хотелось рассказать друг другу, столько впечатлений, которыми они жаждали поделиться. Оба захлебывались словами, не замечая хода времени.

Тамрит дважды подъезжал к ней, требуя прекратить глупую болтовню с французом и вести себя достойнее. Дважды она прогоняла его, и в ее голосе полыхал огонь. Тамрит хмуро удалялся. Ему было тошно. Его приводила в отчаяние пропасть, отделявшая его от предмета желаний и того, что он мог бы получить в случае благосклонности Серены. Год за годом она отвергала предложения потенциальных женихов. Тамрит знал, что значительно опередил других на пути к завоеванию ее сердца. Но сегодня он вдруг с предельной ясностью увидел контраст между тем, как она отвечала ему, и ее поведением с французом. Да, Тамрит любил слу-

шать ее смех, однако его терзало, что даже смех у нее изменился в общении с этим проклятым *икуфбаром*. С Тамритом она никогда так себя не вела и не смеялась так легко и заливисто. С ним она всегда держалась очень отстраненно и была слишком недосыгаемой. А разговор! Тамриту едва удавалось вытянуть из нее два десятка слов, а с этим дьяволом, свалившимся с неба, она трещала без умолку. Поначалу Тамрит испытывал скорее душевную боль, нежели гнев, но с каждым часом пытки, которую он был вынужден терпеть, равновесие сдвигалось, пока внутри не осталось ничего, кроме гнева. Жестко прищипорив верблюда, он оторвался от каравана и какое-то время ехал впереди, однако быстро вернулся, поняв глупость своего всплеска и чувствуя себя еще более отдаленным от Серены. Нет, лучше держаться к ней поближе и зорко следить за происходящим. Он выбрал такое место в караване, откуда видел обоих, хотя ему и было ненавистно смотреть на них. Этот день слишком долго испытывал его терпение. Постепенно фокус внимания Тамрита переместился с безразличия Серены к нему на дьявола с небес. Теперь его бурлящий гнев был направлен на француза.

Гаскон ехал почти в самом конце каравана. Он был озадачен поведением графа, который, как ему казалось, окончательно потерял голову от этой женщины. Туареги по-прежнему внушали Гаскону опасение. Увы, винтовки находились на вьючном верблюде и были недосыгаемы. Хорошо еще, ему удалось оставить при себе хозяйский саквояж, в котором лежал пистолет.

Когда караван наконец остановился на ночлег, Анри обнаружил, что после дневной езды у него ломит поясницу. Он довольно ловко слез с верблюда, не дав туарегам повода посмеяться над ним, отчего почувствовал изрядное облегчение. А главное, он не выставил себя неуклюжим увальнем в глазах этой грациозной женщины пустыни. Эта мысль заставила графа покраснеть и потрянуть головой. «Почему это должно меня волновать?» – подумал он.

Бузу быстро устроил лагерь. И вновь он все делал один. Никто из туарегов ему не помогал. Когда Анри и Гаскон попытались ему помочь, он сердито их прогнал.

– Он *иравеллан*, – пояснила Серена. – Раб. Позаботиться об устройстве лагеря – его обязанность.

От нее Анри узнал о кастовой системе туарегов. Оказалось, что Бузу – это не имя, а туарегское слово, обозначающее раба. За исключением Бузу, все мужчины в караване были знатными туарегами и военачальниками. Они служили проводниками и охранниками, а также патрулировали свои земли, защищая от набегов. *Марабуты*, о которых Анри уже знал, жили не во всех туарегских лагерях. В их иерархии были также *имрады* – вассалы. Эти трудились на земле, пасли стада и платили дань за защиту, а иногда сопровождали знатных туарегов в качестве оруженосцев. В самом конце цепи находились рабы, которые возделывали сады, ухаживали за скотом, а в путешествиях обслуживали караван. Общественное устройство туарегов поразило Анри. Оно, как и облик спутников Серены, отдавало Средневековьем.

Бузу разгрузил и стреножил каждого верблюда, связав им передние ноги, после чего отпустил бродить по окрестностям в поисках скудной растительности. Анри увидел, что раб развел огонь без кремня и кресала. Взяв зеленый прутик, заточенный наподобие карандаша, Бузу принялся водить им по сухой палочке. Там появилась бороздка, в одном конце которой соби­рались сухие кусочки древесных волокон. Эта кучка росла, затем начала дымиться и под конец вспыхнула. Над огнем слуга повесил помятый жестяной котел с водой для чая. Далее Бузу стал разогревать густую пшеничную кашу, по виду напоминавшую пасту. Взяв бурдюк из козьей шкуры, он добавил в кашу немного воды, имевшей почти черный цвет.

Туареги и Анри с Гасконом устроились вокруг огня. Миску с кашей передавали по кругу. Каждый зачерпывал себе деревянной ложкой, и миска переходила к соседу. Лиц туарегов французы так и не увидели. Те не снимали покрывало, а лишь приподнимали, чтобы поднести ложку ко рту. Но и это они делали, отвернувшись. Каша была сытной, невкусной, сухой и полной песка. Анри этого не замечал. Как и прежде, его внимание поглощала Серена. На десерт ели финики и пили чай. Финики туареги держали в особых сумках, позволявших сохранять их све-

жесть. Анри пришлось отвечать на бесчисленные вопросы. Серена переводила. Ее соплеменники, за исключением Тамрита, преодолели первоначальную враждебность и приняли французов. Вскоре все они смеялись.

Тамрит держался особняком. Втянув голову в плечи, он тихо сидел у костра, не принимая участия в разговоре. Тамрит больше не злился на чужеземцев. Гнев уступил место замыслу. Тамрит знал, как ему поступить. Их путь в Арак пролегал вблизи владений шамба. Как-то во время налета Тамрит убил араба, забрав у убитого нож. Под покровом ночи ему не составит труда неслышно подкрасться к спящим французским дьяволам и перерезать им глотки. Нож он оставит на всеобщее обозрение; пусть соплеменники видят, что вероломные шамба снова взяли за свое. Из всех лишь Серена усомнится. Возможно, даже огорчится, но с ней он сладит.

Гаскон оглядывался по сторонам, выбирая наиболее удобное место для сна. Ночевать рядом с туарегами ему не хотелось. Он интуитивно не доверял тем, чьи лица постоянно спрятаны за странными платками. Гаскон поделился своими тревогами с графом, но тот лишь пожал плечами. Нет, граф не утратил бдительности. Просто его это совсем не волновало. Что ж, тогда Гаскон сам позаботится о безопасности их обоих. Он выбрал место по другую сторону костра, где лежал шар и остальное их имущество. Конечно, до винтовок ему оттуда не добраться, но не хотелось, чтобы до них добрался кто-нибудь другой. Гаскон удовлетворился тем, что выбрал наилучшее место для ночлега. Подушкой ему послужит саквояж, а спать он будет, держа руку на пистолете.

Стемнело, однако луна еще не восходила. Взяв секстант, Анри с Сереной направился к границе каменистой равнины и дюны. Камешки сделались неразличимы среди песка, а сам песок стал глубже, и ступать по нему было тяжелее. Дюна оказалась значительно выше, и путь до нее занял больше времени. Поднявшись на гребень, Анри сел, скрестив ноги, и занялся наблюдениями. Он объяснил Серене принцип действия секстанта и рассказал, как, зная время и положение звезд, можно определить местонахождение. Для лучшего понимания он сделал несколько рисунков на песке. Серена быстро все поняла и возбужденно кивала, после чего сама приступила к наблюдениям. Анри показывал ей звезды, которые иногда брал в качестве ориентиров.

– Это Вега, – сказал он. – Вот там Цефей, а дальше...

– Ригель в созвездии Ориона, – перебила Серена.

Она стала указывать другие звезды и созвездия: Пегас, Кассиопея, Дельфин. К изумлению графа, названия были схожими или близкими к известным ему. Пусть Серена и не могла объяснить происхождение названий, но она знала их все и, похоже, обладала более обширными познаниями в астрономии, чем он. С некоторыми звездами были связаны истории, которые ей рассказывал *марабут*.

Анри зажег свечку и нанес на карту координаты места, где они сейчас находились. Следом он схематично обозначил путь, пройденный караваном за день, показав Серене местонахождение Бу-Саады и Большого Эрга. Она взяла у него карандаш и быстрыми, уверенными движениями значительно дополнила его схему, добавив на карту Тимимун, Арак, а далее Тасили-Ахаггар – высокое вулканическое плато в сердце пустыни. Там был ее дом. Серена нанесла на карту русла рек, горы и другие детали ландшафта, достойные внимания, ненадолго останавливаясь и прикидывая расстояния до каждого. Ее движения отличались быстротой и уверенностью. Даже не прибегая к секстанту, Анри не сомневался в точности ее пометок. Географию пустыни Серена знала хорошо.

Его удивила протяженность изображенных ею гор.

– Я думал, там окажется больше... пустоты, – признался он. – Больше песка.

– Песка там хватает, – засмеялась она, – но в тех краях, помимо дюн, есть еще много чего. Это удивительное место, изобилующее жизнью и смертью. Если у вас найдется лист побольше, я нарисую более подробную карту, – пообещала она.

Над долиной поднялась большая полная луна. Оба поочередно смотрели на нее в бинокль, захваченные величественным зрелищем. Вдали мерцал костер лагеря. Холод заставил их поежиться. Анри укутал плечи Серены одеялом и достал фляжку с вином. Глотнув вина, она закашлялась, но вино ее согрело. Они просидели на гребне дюны несколько часов, смеясь и разговаривая обо всем. Час был совсем поздний, когда они неохотно спустились с гребня, вернулись в лагерь и пожелали друг другу спокойной ночи.

Тамрит следил за их возвращением, и внутри у него все пылало. Он безотрывно наблюдал за ними. Когда Серена проходила мимо, он притворился спящим.

Серене не спалось. Она лежала на спине и смотрела на ослепительно-белый диск луны. Ее разум бурлил от мыслей о французе. Она чувствовала что-то сладостное, зарождавшееся в ней, и наслаждалась этим ощущением. Это сулило что-то необычное. Однако проходила минута, и Серена начинала бороться со своими чувствами, испытывая смущение и неловкость. Ну какие могут быть отношения между людьми из разных миров? Еще через минуту такой вопрос совсем переставал ее волновать. Она лишь знала, что ей очень хорошо в обществе Анри. Ни один мужчина, находясь рядом с ней, не дарил ей столько тепла и счастья. «Все это глупые мысли глупой девчонки, – мысленно сказала она себе. – Откуда у меня такие мысли? Я знакома с ним менее суток. Но какой замечательный день мы провели!» Пусть события развиваются сами собой.

И вдруг ночную тишину над лагерем нарушили негромкие звуки флейты, и в тысячный раз с момента падения воздушного шара на лице Серены появилась улыбка. Она не видела, кто играет, но безошибочно знала: это Анри, а не Гаскон. В мелодии было что-то от самого француза, что-то нежное, сладостное и теплое. У туарегов был обычай, когда мужчина слагал стихи для любимой женщины на церемонии *ахала*, чтобы продемонстрировать ей свои чувства. Анри, конечно же, не знал об этом обычае, но Серена решила сделать его музыку *ахалом*, адресованным ей. Она представила, что он играет только для нее и, кроме них, под луной и звездами нет никого. Она закрыла глаза и погрузилась в магию музыки. Уму непостижимо, откуда этот европеец знал, какой именно музыкой покорить здешние края. Он играл песню пустыни, песню, заставлявшую вспомнить вдохновенный призыв муэдзина, созывающего с вершины минарета верующих на молитву; песню тайн, сокрытых в движении песка, в течении времени и прекрасном неспешном ритме жизни.

Потом музыка смолкла, и Серена уснула.

Незадолго до рассвета Тамрит отбросил покрывало и бесшумно встал. Он замер, удостоверившись, что в лагере все спят. Шелестел ветер. Хорошо. Поможет заглушить его шаги. Зажав в руке шамбский нож, Тамрит крадучись двинулся к спящим французам. Убийцы здесь не оставляли следов, ибо земля под ногами была твердой и каменистой. Невозможно определить, откуда они явились и куда скрылись. С луной ему было не совладать, но луна не помеха. Французы спали в стороне от туарегов. Если эти летающие дьяволы что и увидят, не страшно, так как это будет последним, что они увидят. Сначала он убьет де Вриса, потом слугу, бросит нож и вернется на свою циновку. Когда рассветет, кто-нибудь обнаружит французов убитыми и поднимет тревогу. Вина падет на шамба. Тамрит будет негодовать наравне с другими, и делу конец.

Он двигался быстро, огибая спящих и тюки. Никто из соплеменников не шевельнулся. Верблюды вели себя тихо. Пригибаясь, Тамрит подошел к французам. Он неоднократно убивал на караванных тропах и в лагерях, расправляясь с шамба и другими врагами. Убивать в предрассветную пору, когда человеческий сон особенно крепок, легче легкого. Нож был острым. Чиркнет по глотке – и не услышишь как.

Он подобрался к спящему Анри. Француз спал, прикрывшись плащом. Собравшись с духом, Тамрит нагнулся и откинул край плаща.

Голос, раздавшийся у него за спиной, оглушил его, словно удар.

– Если ты, Тамрит, так легко нарушаешь данное слово, я своему верна, – тихо, но непреклонно прошипела Серена, силуэт которой темнел на фоне светлеющего неба; в руке она держала копье, готовая пустить оружие в ход. – Клянусь всем, что тебе свято: если тронешь его, я проткну тебя насквозь!

Острый стальной наконечник копья прорвал ткань на голове Тамрита и уперся ему в затылок. Пока Серена произносила эти слова, Гаскон пошевелился и выпростал из-под одеяла руку, в которой держал пистолет со взведенным курком, нацеленный Тамриту в лоб. Гаскон видел, как они оба подошли к его хозяину. Слов женщины он не понимал и торопливо стал решать, не придется ли застрелить и ее, но, когда увидел, куда направлено копье, все понял.

И тут Анри удивил всех. Оказалось, он не лежал под плащом, а сидел, прислонившись к корзине воздушного шара. Граф проснулся более часа назад и понял, что уже не заснет. Тогда он бесшумно перебрался к их с Гасконом имуществу, сел и стал глядеть в небо. К моменту несостоявшегося нападения Анри давно уже бодрствовал. В руках у него был нож.

Крушение замысла пронзило Тамрита до глубины души. Он был посрамлен и унижен обоими *икуфарами* и женщиной, которую любил. Он не делал попыток выставить себя невиновным. Опозоренный, он в одиночку покинул лагерь еще до рассвета. Взяв лишь одного верблюда и свои нехитрые пожитки, Тамрит двинулся по равнине. Он ехал куда глаза глядят. Его ум находился в смятении. Когда взошло солнце, он спешил и приготовился к молитвенному ритуалу, расстелив коврик в направлении Мекки и заменив воду для омовений песком. Тамрит произносил слова молитв, и его сильный голос звенел в безмолвии пустыни. Закончив молиться, он молча принес священную клятву мести неверному Анри де Врису. Клятва касалась жизни самого француза, его потомков и имущества. Тамрит клялся именем Аллаха и своими еще не рожденными сыновьями. Потом он вырыл в песке ямку, с помощью сухих прутьев развел огонь, заварил чай и съел горсть фиников. После этого Тамрит вновь сел на верблюда и поехал дальше... Пройдет более двадцати лет, прежде чем семья де Врис вновь услышит о нем.

Вечером Серена взяла Анри за руку и увела из лагеря. Оба шли молча, ибо слова были им не нужны. Они снова забрались на гребень уже другой дюны, но так, чтобы никто их не видел. Анри расстелил плащ и устроил мягкое ложе на песке. Серена отдалась ему, и они слились под звездами, не замечая холода, обнимая и познавая друг друга, смеясь и плача тихими слезами радости. Там они провели всю ночь, шепча друг другу обещания и делясь надеждами. Там же они встретили восход солнца.

Оставшиеся дни пути в Арак проходили словно во сне, где все грани были размыты и где все воспринималось реальным и нереальным, хрупким и невыразимо удивительным. Они утратили ощущение времени, кроме его быстротечности. Один день перетекал в другой. Спали мало, сражаясь со сном, поскольку боялись пропустить хотя бы секунду бодрствования. Когда сон все же наступал, они засыпали, крепко обнимая друг друга. У каждого это было впервые, и их целиком поглотил огонь и экстаз открывшейся им любви. Они отгородились от туарегов и Гаскона и ехали вдвоем, чтобы не расставаться ни на мгновение. Ели они тоже вдвоем. Это было медленное страстное путешествие, в котором они познавали ум и тело друг друга. Они играли в игры на песке, кувыркком скатываясь по склонам дюн. Анри учил Серену французским танцам, она его – танцам туарегов, после чего они затеяли свой, смешав все движения. Они весело танцевали, пока не свалились от усталости, и вновь предались любви.

Приближение к Араку ознаменовалось внезапным буйством красок и дикой геологической турбулентностью. Серена показывала ему приметные места ландшафта, который выглядел ожившими строками «Божественной комедии» Данте. Это были врата в Ахаггар – массивное базальтовое плато в сердце пустыни. В это время года, изобилующее дождями и кормом для скота, оно служило туарегам крепостью. Плато имело отвесные стены. Среди окрестных пес-

ков торчали крупные валуны. Анри заорожила красота и необычность этих мест. Скалы были похожи на величественные соборы и грандиозные фиолетовые и розовато-лиловые монументы со шпилями и парапетами. Анри ехал мимо них почти в благоговейном молчании, словно проходил по церкви. Путь по долинам и плато продолжался еще два дня. Наконец они подъехали к лагерю туарегов Ахаггара.

Эль-Хадж Ахмед, аменокаль ахаггарских туарегов, вождь туарегских племен и властитель Центральной Сахары, сидел на корточках в своем шатре под красной крышей и гневно разговаривал с сестрой. Он привык поступать так, как считал нужным. Его повеления определяли жизнь целых селений и племен. Его прихоти меняли направление караванов и влияли на состояние торговли в обширных областях пустыни. Однако сейчас он чувствовал себя почти бессильным, потому что сестра не желала его слушать. Он уже собирался свернуть лагерь и отправиться с караваном соли на юг, в Бильму, когда неожиданно появилась Серена и объявила о намерении выйти замуж за чужестранца, свалившегося с неба в воздушном шаре. Она была готова бросить все: родных, соплеменников, привычный образ жизни – и уехать с ним во Францию.

Вот так.

Она даже не спросила позволения, а просто объявила о своем решении.

Рядом с аменокалем сидел *марабут* Мулай Хассан, мудрый, почитаемый человек, проходящий ему и Серене дядей. Серена устроилась напротив, рядом с источником бед, свалившихся на аменокаля, – графом Анри де Врисом.

Граф сидел тихо, ибо не знал языка и принимать участие в разговоре не мог. Но он понимал, что ведется жаркий спор. Догадывался Анри и о содержании, достаточно было взглянуть на лицо Серены. «Какая же она стойкая!» – думал он. Серена противостояла двоим, выдерживая отчаянную словесную битву, но не собираясь уступать. Она то крепко сжимала зубы и подавалась вперед, то стискивала кулаки и пожимала плечами, взмахивала рукой, встряхивала головой. Анри с восхищением смотрел на нее. *Удивительная женщина!*

Спор продолжался несколько часов кряду, и явно не в пользу аменокаля. Он перепробовал все: увещевания, посулы, приказы, угрозы. Ничего не помогло. Он начал с логического довода, попросту запретив сестре брак с французом.

– Ты не посмеешь! – резко ответила она.

– Посмею и сделаю! Я прикажу убить его, а тебя пленить!

– Только подними на него руку – и я отсеку ее! Если посадишь меня под замок, тебе придется держать меня взаперти до самой смерти, поскольку ни на какого другого мужчину я не взгляну. – Она посмотрела на Анри и с яростной убежденностью добавила: – Прими мое слово, брат, ибо я дала его.

Аменокаль вздохнул. Если бы Серена могла видеть сквозь синюю ткань, закрывавшую его лицо, то увидела бы усталость и разочарование, отражавшиеся там. Он нередко убеждался, что арабы умеют лучше управляться со своими женщинами, Аллах тому свидетель. Там мужчина решал, выходить его дочери или сестре замуж и за кого, и его слово являлось законом. Обсуждения сводились к минимуму и касались в основном практических сторон. Такой образ жизни привлекал аменокаля своей управляемостью, предсказуемостью и спокойствием. А вот туарегская женщина бывала упрямее верблюда. Что же касалось Серены, ее упрямство превышало упрямство десяти верблюдов.

Аменокаль посматривал на Анри. *Выглядит сильным. Лицо говорит о характере. Но он икуфар. Неподходящая партия для Серены. От него только беды. Если они пожениятся, я разбогатею, однако у меня не появится наследника.* Аменокаль не помнил, чтобы кто-нибудь предложил за невесту такой выкуп, как этот француз за Серену. Он пообещал шестьсот верблюдов. Шестьсот! Огромное состояние! Анри начал с четырехсот, что вызвало удивленный

возглас аменокаля. Граф истолковал возглас по-своему, решив, будто предлагает мало. Тогда он незамедлительно добавил еще двести. Он преподнес аменокалю мешочек с золотыми и серебряными монетами и винтовку с запасом патронов. Польщенный аменокаль на редкость неумело выстрелил из нее по валуну, находящемуся в ста шагах, и промахнулся. Окружение улыбалось и делало вид, что выстрел был метким.

Но больше, чем выкуп, больше любых богатств, предлагаемых французом, аменокаль хотел наследника, которому после его смерти перейдет *тобол* туарегов. Тогда род аменокаля сохранит свое положение властителей пустыни. Сохранятся и туарегские традиции. Это было главной причиной, заставлявшей аменокаля возражать против союза Серены с чужестранцем.

– Ты прекрасно могла бы выйти замуж! Женихи из сотен семей отдали бы все, только бы стать твоим мужем!

– Ха-ха! На меня им наплевать. Они бы женились на мне, чтобы произвести на свет будущего аменокаля, только и всего.

– Ты ошибаешься, сестра, и ведешь себя слишком неуступчиво. Такая женщина, как ты, – желанное сокровище. Однако дело не в этом. Человек, что сидит рядом с тобой, – из другого мира. Пусть он выглядит вполне основательным. Но меня заботит не он и не твои сердечные привязанности. Твой нерожденный сын – вот кто меня волнует.

– Нет у меня никакого сына!

– Но он появится.

– Когда появится, тогда и поговорим.

– Тогда будет слишком поздно, и содеянного уже не изменишь. Думать о его жизни нужно сейчас. Серена, у тебя *обязательно* родится сын. И он будет одним из нас, а не полуфранцузом.

– Он будет *моим* сыном. И сыном своего отца.

– Этого недостаточно. Человеку нужно племя. Человеку нужно место, где он свой. Родив сына в чужом для него мире, ты обречешь его на жизнь между двумя мирами. Никакая мать в здравом уме не выберет такую жизнь своему сыну. И никакому ребенку не пожелаешь такой жизни. Серена, это жестоко с твоей стороны. Ты думаешь только о себе.

Услышав слова брата, Серена опустила голову, чтобы он не видел ее глаз. Он нашел самое уязвимое место, воззвав к чувству долга перед еще не рожденными детьми. Неужели она не вправе думать о себе? Что важнее: слушаться зова сердца или ублажить аменокаля желанным наследником? Не было никакой гарантии, что ее сын вообще *окажется* наследником. Поскольку наследование власти у туарегов передавалось по женской линии, существовали и другие претенденты, которые могли бы занять место Эль-Хаджа Ахмеда раньше ее сына, в том числе и ее двоюродный брат Ахитагель, сын ее тети по матери. Но судьба, возможно, когда-нибудь сделает правителем и ее сына. Чтобы стать аменокалем, каждому мальчику или мужчине требуется пройти невероятно трудный путь, тем более если в его жилах будет течь смешанная кровь от ее союза с Анри. Серена все это знала, однако не находила в себе достаточно сильного довода, который бы превосходил ее чувства к сидящему рядом мужчине. Она знала, как ей надлежит поступить.

– Если ребенку суждено стать аменокалем, если такова его участь, кровь не окажется помехой. А если нет, не поможет и чистота крови.

– Вразуми ее! – с мольбой подняв руки, обратился к *марабуту* аменокаль.

Мулай Хассан был учителем Серены. У него на глазах она превратилась из младенца в девочку, а затем в женщину. С тех пор как ее отец умер, *марабут* заменил ей отца. Своей близостью к ней и влиянием, оказываемым на нее, он не превосходил остальных туарегов племени. Серена являлась одной из лучших его учениц, схватывала знания на лету, а ее вопросы вскоре стали настолько серьезными, что он не всегда мог на них ответить. Она лучше *марабута* знала туарегские сказания и превосходила его в науках. Прекрасно зная характер Серены, он понимал всю бесполезность своих вразумлений. Она приняла решение, и ее не собьешь с выбран-

ного пути. Это он знал по собственному опыту. Но, желая потрафить аменокалю, Мулай Хассан предпринял усердную попытку и с треском провалился. Серена была хозяйкой своей судьбы.

– Я буду скучать по тебе, дитя, – оставив дальнейшие попытки ее переубедить, сказал *марабут*, и его глаза влажно блеснули. – Но обещай, что однажды привезешь сына сюда и познакомишь со своим народом. И с его двоюродным дедом тоже.

Глава 3

Марабут из Сахары отнесся к союзу Анри и Серены с куда бóльшим спокойствием, нежели святой отец из Франции, монсеньор Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура.

Когда не стало его отца, Мариус Мюрат был слишком мал и не понимал событий, приведших к этому. Его отец был небогатым торговцем. Достатком семья похвастаться не могла, да и просторным жилищем тоже. Однажды к ним явился посетитель – надменный человек в цилиндре, шелковом плаще и черных сверкающих сапогах. Он приехал в закрытой коляске с кучером, запряженной двумя гнедыми лошадьми. Подобные экипажи нечасто заезжали в их quartier¹⁰. Мюрат с восхищением взирал на красивых лошадей и богатую коляску. Вскоре он услышал истеричный плач матери.

Незнакомец привез ужасное известие. Мюрат живо помнил, как вместе с матерью и сестрой забился в угол комнаты, а между посетителем и отцом возник спор. Подробности были туманными и касались вложенных денег, собственности и неудачного стечения обстоятельств. Его отец ввязался в рискованную сделку с землей и не только потерял вложенные деньги, но и лишился дома и всего имущества семьи. Это означало, что сюда явятся люди и заберут всю скудную мебелировку: платяные шкафы, комоды, дубовый кухонный стол и резной кленовый умывальный столик, некогда принадлежавший бабушке Мюрата. Покраснев от стыда, мальчик смотрел, как отец рухнул на колени, умоляя пощадить, а незнакомец презрительно смеялся. Отец сжимал кулаки и кричал об обмане и мошенниках. Незнакомец резко оттолкнул рыдающего отца Мюрата, и тот упал на пол. Выражение на лице незнакомца Мариус запомнил на всю жизнь. То не был взгляд жалости или гнева. Незнакомец взирал на отца с самодовольным превосходством.

Вечером отец Мюрата ушел и долго отсутствовал. Домой он вернулся изрядно пьяным и с пистолетом за поясом. Отцовские глаза были налиты кровью и неистовыми. Отец что-то говорил, выкрикивал ругательства, сменявшиеся хныканьем. Брызги отцовской слюны летели во все стороны, попадая и на Мюрата. Отцовский гнев нарастал, пока Мюрат, сестра и мать снова не забились в тот же угол. Все трое в ужасе смотрели, как отец размахивает пистолетом, и слушали пугающие слова. Отец говорил, что ему не остается ничего иного, как убить незнакомца, себя и их всех. Потом он разрыдался и глотнул рома из бутылки, после чего вытер свои глаза банкротом и поплелся на кухню. Дом сотрясся от громкого звука. Запахло порохом и кровью. Потянулись долгие минуты, тишину которых нарушало лишь испуганное сопение матери. Мальчик оказался первым, кому хватило смелости пойти на кухню и увидеть последнее деяние отца.

Незнакомец вернулся еще до отцовских похорон, сопровождаемый префектом полиции. Вместе с префектом пришли угрюмые усатые люди с винтовками и бумагами, на которых стояли восковые печати. Семье разрешили взять только одежду и больше ничего, приказав покинуть дом.

Тогда Мюрат ничего не понимал в происходящем. Но с годами, превратившись из ребенка в подростка, он начал извлекать уроки из событий прошлого и настоящего. Он извлекал их из воспоминаний об отце. Из шатаний по парижским трущобам, где крысы жили лучше кошек, а кошки – лучше детей, где он жался к стенам домов, пропуская кареты знати и уворачиваясь от уличной грязи, летевшей из-под колес. Эти уроки он извлекал, таская тяжелые рулоны тканей и подметая полы на шляпной фабричке, где работал по двадцать часов в день за тридцать су. Он извлекал их из своего циничного отрочества.

Лучше быть изгнанным, нежели побежденным.

¹⁰ Квартал (*фр.*).

Лучше носить черные сапоги власти, чем подыхать под ними.

Только глупцы не имеют денег и живут как собаки.

Мюрат не скорбел по отцу, ибо с детства не испытывал чувств, присущих другим. В нем всегда существовала некая пустота. Он удивлялся истошным крикам сверстников, когда у тех что-то ломалось или терялось либо когда одноклассники их обзывали. Мюрат и сам умел обзываться. Его тоже обзывали, но Мюрата это не задевало. Он был безразличен к смерти домашних животных. Не торопился заводить друзей. Вид у него был отталкивающим, а серые холодные глаза напоминали волчьи. Держался он отстраненно. Иногда у него появлялись друзья, но вскоре уходили, устав от его задумчивого, угрюмого характера и властности. Мюрат не сожалел. Он не нуждался ни в друзьях, ни в их одобрении и откровенности. Дружеская близость была для него банальностью и ничего не значила. Его устраивало общество самого себя, и он держался особняком.

Время усилило в нем решимость сделать так, чтобы никто и никогда не явился и не забрал его собственность. Он не будет жить так, как отец, безуспешно гоняясь за жалкими суммами и целиком подчиняясь правилам, установленным другими. «Я не повторю жизнь отца, – твердил он себе. – Я стану влиятельным и богатым». Он повторял эти слова, садясь за стол, когда живот урчал от голода, а на тарелке лежала скудная еда. Он твердил их, ложась спать и просыпаясь по утрам, а также когда мать заставляла его садиться рядом и слушать ее плач. Мюрат ненавидел ее за эти сопливые хныканья и слабость. Ему было ненавистно сидеть с ней и делать вид, будто он утешает ее. Он смотрел в пространство, пока мать не выплакивала все слезы и не засыпала.

Я не повторю жизнь отца. Я стану отцовским хозяином.

Мюрат отличался холодным практицизмом и склонностью к тщательному планированию всего, что делал. Он искал способы осуществления своих замыслов. Возможности были ничтожно малы. В большинстве сфер французской жизни заслуги значили меньше, нежели происхождение, а поскольку он не родился аристократом, все его достижения должны быть обусловлены собственными усилиями. Коммерция представлялась ему занятием непрактичным. Он был вполне умен для такого рода деятельности, но не имел капитала и презирал постоянную борьбу за крохи в жалкой преисподней этого мира, находящейся между нищетой и успехом. Так жил его отец. Карьера военного, возможно, даст ему власть, но не богатство, да и власть будет ограниченной, ибо с его происхождением ему не пробиться в высшие чины. И потом, он не желал рисковать жизнью для достижения своих целей. Ремесла? И здесь его ждала жизнь впроголодь. Профессии были немногим лучше, да и обучение им стоило ощутимых денег. Он не имел таланта к искусствам – стезе, на которой опять-таки не приобретешь ни денег, ни власти. В убогой комнатенке, где они теперь жили, и на фабрике, вода метлой, Мюрат продолжал ломать голову над своим будущим. Он не делал поспешных шагов и выжидал.

И однажды, когда ему было семнадцать, на него снизошло.

Это было сродни озарению.

Это называлось Церковью.

К ним заглянул в гости дядя. Он был человеком верующим, и мать Мюрата настояла, чтобы они вместе с дядей отправились к рождественской мессе. В церкви Мюрат не бывал с тех самых пор, как его крестили. Холодным, ветреным утром они пошли в собор Нотр-Дам. Парижские улицы были заполнены народом, но еще больше народа собралось возле церкви, где в воздухе ощущались энергия и возбуждение. В храме яблоку негде было упасть. Мюрата и его родных грубо толкали и пихали. Пришлось удовлетвориться местом за колонной, близ заднего ограждения нефа. Мюрат ничего не видел. Тогда, держась за колонну, он забрался на перила ограждения и оттуда увидел такое, отчего его дух воспарил к великолепному сводчатому потолку.

Службу вел сам архиепископ Парижа. Он стоял в алтаре, перед главным престолом. Собор был настолько большим, что Мюрату казалось, будто алтарь находится на расстоянии

мили. Туда были благоговейно повернуты головы всех прихожан. Даже издали Мюрат мог видеть пышные облачения с блестящими поясами и ощущать величие этого человека. Архиепископа с обеих сторон окружали священники и служители. Его голос звенел над толпой молящихся, которые пели гимны, склоняли головы и взирали на человека, стоящего выше всех, на человека, чьи распростертые объятия обещали славу каждому, кто примет его истину. Служба проходила на латыни, и Мюрат, непривычный к этому языку, не понимал слов. Но в этих словах, летящих над головами притихших прихожан, чувствовалось всемогущество, присутствующее Слову Божьему. Голос прелата ударял в роскошные колонны собора и эхом разносился по нишам. Солнце, светившее сквозь великолепные витражи, озаряло золотую митру на голове архиепископа и его бело-пурпурные одеяния.

Мюрат смотрел на роскошные красные ковры у алтаря и драгоценные камни, сверкающие на стенках чаши, которую один из священников поднес к губам архиепископа. Мюрат смотрел на прихожан и видел, что даже бедняки в заплатах лохмотьях опускали монеты на тарелки для пожертвований и эти тарелки были серебряными. Стоило архиепископу взмахнуть рукой, и толпа верующих послушно вставала. Люди пели, когда он пел, и молились, когда он молился. Все здесь было совершенным и божественным: архитектура собора, свет и пространство. Вся энергия, жизнь и поклонение устремлялись к архиепископу и алтарю позади него. Казалось, что каменные арки парят в вышине, а массивная, богато украшенная люстра свешивается прямо с небес. Пел хор, золотые колокола возвещали славу Божью и, по крайней мере для Мюрата, еще большую славу Его церкви и Его служителей.

В то рождественское утро Мюрат, быть может, впервые в жизни испытал что-то близкое к глубокому чувству. От этого состояния на его лице появилась улыбка. Мать не видела лица сына, а то бы ужаснулась, ибо его улыбка была такой же, как у незнакомца, много лет назад явившегося к ним в дом, улыбка самодовольного превосходства и холодной уверенности. Мюрат нашел свой жизненный путь, дорогу к власти, доступную даже людям незнатного происхождения. Нашел широко открытую дверь. Со времен революции 1789 года Церковь страдала от жестокой нехватки священников. Сказывались те страшные дни, когда одних священников высылали, а оставшихся казнили. Спустя несколько десятков лет Церковь все еще не могла оправиться от нанесенного удара. Вакансии открывали возможности, а низкий уровень соперничества сулил больше преимуществ. Мюрат наконец понял, куда направит свои стопы, и его решение не имело ничего общего с желанием служить Богу.

На восемнадцатом году жизни он поступил в семинарию Сен-Мишель. Семинарская жизнь его не тяготила, он быстро приспособился к ее требованиям и стал усердно изучать ее условия и правила. Он прекрасно понимал, что нужно, чтобы стать священником. Он хладнокровно просчитал все ожидания церковной иерархии и самих прихожан и всячески старался каждым своим словом и действием производить надлежащее впечатление. Религиозные мысли редко посещали его ум, а когда такое случалось, в них было лишь механическое заучивание и ни капли убежденности. В Бога он вообще не верил, а когда молился, то просто заполнял пустоту такими же пустыми словами. Мюрат не ждал, что Бог ответит на его молитвы. Бог и не отвечал. Он никогда не искал Бога в том, что его окружало, не вопрошал, есть ли тут Бог. Мюрату это не было важно. Сан священника являлся для него разновидностью торговли, но не товарами, а человеческими душами. Веры в основополагающий принцип Бога ему требовалось не больше, чем биржевому торговцу – веры в основополагающий принцип фондовой биржи. Главное – убедиться, работает ли это. Если другие верили, он даровал им их веру. Если сам он не верил, но соблюдал все внешние условия, кто посмеет строго его судить? Он был умным хамелеоном, не испытывавшим неудобств морального свойства.

Исповедальня – вот где его талант приспособливаться достиг наибольшей высоты. Там он симулировал душевные муки и призывал к самым жестоким проявлениям раскаяния. Там он признавался в проступках, зная, что о них необходимо услышать его исповеднику по дру-

гую сторону ширмы. Мюрат признавал за собой некоторые грехи, а в тех случаях, когда грехи казались ему незначительными, он намеренно их преувеличивал и приукрашивал. Он стремился к реалистичному балансу. Признавался в жадности, но утаивал амбициозность. Говорил о пустоте внутри, умалчивая об отсутствии веры. Каялся, что гневается на человека, ставшего причиной самоубийства его отца, однако молчал о зависти, испытываемой к тому человеку. Он говорил все, что ожидали услышать от кающегося грешника его возраста, и знал, где остановиться. Одно дело – определенная доля откровенности в служении своим целям, и совсем другое – откровенность в служении правде без прикрас. Тут он не хотел заходить далеко. Он не рассказывал о женщинах, утехами которых продолжал пользоваться за пределами семинарии. И уж тем более он молчал об одном мужчине. Каждый понедельник после вечерней молитвы, когда семинария затихала и укладывалась спать, в комнатенку Мюрата тихо проскальзывал священник и оставался там до рассвета. Подобные признания были бы чрезмерными для исповедника за ширмой, и Мюрат держал их при себе.

Поведение Мюрата отличалось убедительностью. Преклоняя колени, он олицетворял собой чистое смирение. Во время молитвы в его голосе звенела убежденность. Требования своего ученичества он принимал всерьез, усердно изучая Священное Писание, историю Церкви и церковные обряды. Латынь давалась ему легко, как и проведение служб. Находился Мюрат перед обычным прихожанином, аристократом, епископом или королем, он всегда произносил нужные слова. Благодаря постоянным повторениям его блистательное искусство обмана стало восприниматься реальностью. Часы упражнений наполнили его голос Святым Духом, а жесты – гневом Господним. В его жилах текла праведность. Мюрат играл этот спектакль настолько убедительно, что сам начал верить в него. Аудитория принимала все это за чистую монету, и отклик слушающих добавлял ему сил. Наконец он достиг такого успеха, что, если бы рядом с ним поставить человека, чья душа чиста и чья жизнь искренне направлена на благочестивые мысли и добрые дела, невозможно было бы сказать, кто из них истинно верующий, а кто притворщик.

После окончания семинарии Мюрата направили служить в епархию Булонь-Бийанкур, где были еще два священника. С ними он заключил выгодное, хотя и негласное соглашение. Те священники окормляли души прихожан, а Мюрата больше заботило содержимое кошельков паствы. Он куда успешнее собирал пожертвования за закрытыми дверями, нежели в церкви, одной рукой раздавая благословения, а другой принимая благодарности. Но и в церкви ему сопутствовал успех. Там, где другие священники проповедовали надежду и спасение, Мюрат убедился, что страх перед Божьим гневом и вечным проклятием, надлежащим образом поселенный в душах прихожан, является более надежным способом облегчить их кошельки. Он стучал кулаком по кафедре и неистово выпучивал глаза. Его голос, громкий, сладкозвучный, полный ярости Господней, ударял по беспокойной совести прихожан, словно золотой молот Бога. И франки текли в его сундуки.

Однако его главная сила заключалась не в проповедовании страха. Он быстро продемонстрировал своему начальству, что является одаренным администратором и организатором и обладает талантами, в которых Церковь остро нуждалась. Во Франции Церковь и ее епископы были достаточно независимыми. Рим им не помогал, а государство помогало совсем незначительно. Мюрат нашел способы привлечь в епархию деньги и способы сохранить деньги епархии. Он привел в порядок хромающую отчетность и установил свои правила ведения бухгалтерских книг. Он стал напрямую общаться с банкирами, биржевыми маклерами и торговцами. Вскоре в конторы епархии хлынул неиссякаемый поток посетителей. Постепенно Мюрат получил непосредственный доступ к церковным счетам. Поначалу за его действиями зорко наблюдал епископ, но со временем степень его свободы возросла. Тогда-то Мюрат и начал проявлять то, что было его величайшим даром и наиболее высоко ценилось церковным начальством. Он был финансовым гением. Он спекулировал на бирже, непостижимым образом зная, когда надо

покупать, а когда продавать. Сначала совсем немного, ибо тогдашний епископ имел весьма расшатанные нервы и к тому же умел хорошо управлять своим аппетитом к азартным играм. Однако каждый успех Мюрата приносил больше свободы, пока наконец он вообще не перестал спрашивать позволения у епископа. Такую же гениальность Мюрат продемонстрировал в покупке и продаже имущества. Как и с акциями, он всегда знал, как поступить с имуществом и когда это лучше сделать. Одной сделкой по купле-продаже земли он мог принести Церкви больше денег, чем за двадцать лет стояния за кафедрой.

Если отец Мюрат и проявлял в делах резкость и даже беспощадность, то жалобы на него не достигали ушей епископа. Да, ходили слухи о каких-то его темных делишках и финансовых операциях на грани дозволенного, но, пока доходы епархии росли, епископа не тянуло проверять гроссбухи. Если другие священники не любили Мюрата, для него это почти не имело последствий. Если самому епископу не нравился отец Мюрат за холодный, пустой взгляд и отсутствие Божьей искры внутри, если он чувствовал некий холодок, когда слушал его разговоры, то все это отметал и сосредоточивался на более важных делах епархии, поскольку был человеком, понимающим толк в практических результатах и способным оценивать амбиции. И прежде всего он был человеком, умеющим считать. Его епархия всегда имела избыток долгов, а не наличных денег. С момента появления отца Мюрата прошло всего два года, а в епархии уже нашлись деньги для ремонта собора – впервые за двести лет. За этим последовали улучшения и ремонт в других местах, включая и дворец епископа. Теперь денег хватало даже для пожертвований на фонд ремесленников и сиротский приют. Епископ был очень доволен.

Деньги поступали и на счета, о которых не знал даже епископ. То были частные счета, открытые Мюратом и известные только ему. Поначалу там лежали скромные суммы, но каждый успех делал его смелее, и количество денег росло. Мюрату требовались деньги, чтобы действовать таким способом, который порой вызывал брезгливость у людей чувствительных. Были непростые сделки, требующие завершения, и чиновники, которых нужно было подкупить. Подобные действия его менее практичные начальники вряд ли одобрили бы. Но по мнению Мюрата, все это было вполне оправданно. В любом случае без него Церковь вообще не имела бы денег, а поскольку все это делалось во имя Церкви, его действия были совершенно приемлемы. Со временем граница между интересами Церкви и интересами Мюрата стала размываться. Он начал пользоваться деньгами для своих личных потребностей, число которых постоянно возрастало и которые свидетельствовали о его ненасытности.

Год за годом отец Мюрат действовал в избранном направлении, заводя знакомства с правительственными и муниципальными чиновниками, а также с аристократами, живущими на территории епархии. Он давал и получал взятки. Оказывал услуги и просил об их оказании, накапливая чужие обязательства на будущее. Он узнавал чужие тайны и одни запоминал, а другие разглашал. И все это время он гневно обличал моральные изъяны своей паствы, призывал людей к святости и проклинал грехи плоти, процветающие на ночных парижских улицах. Он делал это, продолжая спать со шлюхами и занимаясь плотскими утехами с мужчинами. Он грозил адом и продавал карты рая. В его приходе не было отбоя от желающих купить такие карты. Французы были нацией реалистов и скептиков, но Мюрата это не смущало. Он знал особенности человеческой природы и потому даже на поле скептиков собирал богатый урожай душ.

Он заключал сделки и проклинал грешников. И еще ел. При поступлении в семинарию он был тощим – сказывались долгие годы жизни впроголодь. В семинарии кормили обильно, но не то чтобы вкусно, и он немного набрал вес. Заняв должность приходского священника, он уделил еде самое пристальное внимание, и вскоре еда и вина стали изысканными и изобильными. Мюрат располнел и заказал себе новое облачение, затем располнел еще сильнее. За несколько лет он стал дородным и обзавелся двойным подбородком. Корпулентность добавила бархатистости его голосу, а голос – денег в сундуки.

Священник Мюрат далеко ушел от кухни, где оборвалась жизнь его отца. Люди почитали его, просили благословения и оказывали знаки уважения. Жизнь стала изобильной. Ему хорошо жилось. Но он не был удовлетворен и не считал, что достиг всего. Он только начал. Первым шагом на избранном пути были одежды архиепископа, на которые он когда-то смотрел во все глаза. Он не остановится, пока не наденет их, а затем и красную кардинальскую мантию.

Мюрат продвигался по избранному пути, заводя связи с министрами и правительственными чиновниками. Эти люди нуждались в деньгах, которые он мог им дать, а взамен получить от них сведения, необходимые для умножения денег. Президентом Франции был Луи-Наполеон, племянник Бонапарта. Мюрат с первых дней поддержал Луи-Наполеона. Каждый раз, когда этот человек нуждался в расширении своей власти, Мюрат был готов оказать ему помощь. А затем произошел государственный переворот, и Луи-Наполеона провозгласили императором. Такое развитие событий очень устраивало Мюрата, поскольку во Франции епископов назначал император, а не папа римский. Мюрат уже был знаком с большинством императорского окружения. Кое-кого из этих людей он сделал богатым. Помимо этого, Мюрат привел свои политические взгляды относительно Церкви и государства в соответствие с нуждами императора. То, что император требовал от епископов большей преданности Франции, нежели Риму, для Мюрата было совершенно логичным. Рим ничего не сделал для него.

Смена черной сутаны на фиолетовую представлялась ему лишь вопросом времени. Но требовалось проявить терпение, поскольку вакансии епископов имелись разве что в провинции. Такие места вызывали у Мюрата отвращение своей безнадежной бедностью и поглощенностью духовной рутинной. Он предпочитал возможности, которые давала близость к Парижу, и выжидал. Между тем в епархии появился новый епископ. Это был добрый человек, избегавший политики. Его обходительность и бесхитростная преданность учению Христа снискали ему любовь и уважение прихожан. Епископ был здоров и сравнительно молод – всего пятьдесят четыре года. Мюрат сознавал: новый епископ пробудет на своем посту еще много лет. Он задыхался под кроткой рукой этого пастыря, не позволявшего ему проявлять финансовые таланты, как раньше. Епископ отвлек Мюрата от денежных дел и заставил выполнять такие обязанности священника, как посещение больных и душеспасение прихожан.

– Да, сын мой, наши мирские нужды сейчас велики, – согласился епископ, выслушав возражения Мюрата. – Но добрый Господь позаботится о них. Ваша задача – осуществлять дело Господне в людских душах.

Никакие доводы не изменили решения епископа. Мюрат был вынужден подчиниться, по крайней мере внешне, но его нетерпение возрастало.

И представившаяся возможность была совершенно неожиданной, похожей на Божий промысел.

Ужасные весенние ливни привели к разливам Марны и Сены, отчего пострадали стоявшие по берегам дома прихожан. Епископ захотел своими глазами увидеть беды, постигшие его паству, и оказать помощь там, где это возможно. Он попросил отца Мюрата отправиться вместе с ним. Лично Мюрат не был склонен к экстравагантным благодеяниям. Ему претила мысль часами мокнуть под сильным дождем в бесплодных усилиях по спасению чьих-то жилищ и душевному утешению жертв наводнения. Он бы предпочел отправить деньги и других священников, более подходящих для такого рода помощи. Но епископ обратился с просьбой к нему, и он согласился.

Яростная буря не унималась, когда Мюрат с епископом поднялись на небольшой паром, чтобы совершить короткую переправу на другой берег. Ураганный ветер трепал их сутаны и норовил сорвать шляпы с голов. Вся поверхность воды вскипала злобными белыми барашками. Смеркалось. Мрачные тучи над головой лишь ускоряли наступление темноты. Паром по размерам был немногим больше плота и имел низкую осадку. Его сколотили накануне Революции, и с тех пор он десятки лет верой и правдой служил людям. Теперь он сопротивлялся наводнению.

Паромщик хватался за канаты, перекинутые над водой, двигая паром к противоположному берегу. Ему удалось добраться почти до середины реки, когда плывущее дерево ударило о край и частично развернуло паром. Дерево оттолкнулось и поплыло дальше, однако паром не смог сразу вернуться в прежнее положение. Накатившая волна ударила в край правого борта и слегка накренила паром. Этого хватило, чтобы вызвать беду. Крен сдвинул перевозимые ящики. Потеряв равновесие, мул соскользнул вбок, что еще опаснее накренило край. На борту начался ад кромешный. Кричал паромщик, ревел испуганный мул, шумел ветер. И вдруг край парома полностью ушел под воду, потянув туда же и пассажиров. Сам паром удерживался на плаву за счет натянутого каната, но теперь весь кренился к воде под немыслимым углом. Один пассажир скрылся в бурлящих волнах, цепляясь за спину истерично орущего мула.

Мюрат пошел ко дну и, пока разыскивал край парома, вдоволь наглотался черной ледяной воды. Он нащупал перила под водой, схватился за них и вынырнул на поверхность, ища опору понадежнее. Фыркая, он свободной рукой сражался с бушующими волнами, пытаясь сохранять вертикальное положение. Из-за воды, попавшей в нос и рот, он отчаянно кашлял. Нижняя часть его туловища по-прежнему находилась под водой. В этот момент он заметил руку епископа, высунувшуюся из воды, а затем и его голову. Храбрый святой отец яростно боролся с волнами, однако тяжелые одежды стесняли движение.

– Я не умею плавать! – увидев Мюрата, выкрикнул он, сопровождая слова фонтаном брызг изо рта. – Помогите мне!

Мелькнула ослепительная молния, на мгновение ярко осветив беснующуюся реку. Мюрат увидел, что епископ лишился шляпы, а из раненой головы течет кровь.

В то мгновение Мюрат понял: вот оно, решение. Он мог протянуть руку и спасти епископа. Или просто смотреть, веря, что Господь спасет своего верного слугу.

– Помогите мне! – вновь крикнул епископ.

Дождь припустил еще сильнее. Вторая молния осветила испуганное лицо епископа, по которому ручьем текла кровь. Мюрату это зрелище показалось уродливым: старый дурак, не умеющий плавать. Епископ давился водой, а когда открыл рот, туда попало еще. Мюрат огляделся, но не увидел ни паромщика, ни кого-либо из пассажиров. Все исчезли. Сердце Мюрата лихорадочно заколотилось в одном ритме с его мыслями. Затем мозг взял верх. Мюрат успокоился.

Он знал, как поступить.

– «Славься, Царица, Матерь милосердия, жизнь, отрада и надежда наша, славься. К Тебе зываем в изгнании, чада Евы...»

Голова епископа скрылась под водой. Его протянутая рука находилась в нескольких дюймах от Мюрата, который легко мог бы дотянуться до нее. Потом епископ вынырнул вновь. На его лице читалось отчаяние вперемешку с мольбой. Мюрат схватил обломок дерева, тяжелый, насквозь пропитанный водой. Он взмахнул обломком над головой епископа. В глазах утопающего мелькнуло понимание. Епископ догадался, что сейчас последует. Мюрат со всей силы ударил импровизированной дубиной. Послышался глухой хлюпающий звук. Он нанес второй удар. Епископ обмяк и ушел под воду.

– «...к Тебе воздыхаем, стена и плача в этой долине слез...»

Мюрат почувствовал, как что-то ударило о его ноги под водой. Испугавшись, он яростно замолотил ногами, отталкивая от себя этот кошмар. Предмет его страхов был мягким и податливым и вскоре исчез. Какое-то время Мюрат с ужасом ждал, как бы тот не появился снова. Этого не случилось. Течение поглотило и унесло пугающий груз.

Буря продолжалась. Дождь отчаянно хлестал в лицо отца Мюрата, цеплявшегося за край парома. На берегу он видел людей. Они размахивали фонарями и требовали спустить лодки. Значит, помощь вот-вот подоспеет. Пока Мюрат ждал, в нем сама собой зазвучала литания.

Он повторял эти слова, пока они не стали правдой: «Паром накренила десница Божья. И по воле Божьей епископ при падении ударился головой.

Да исполнится Божья воля. Да упокоит Бог его душу».

Тело утонувшего епископа так и не нашли. А через неделю из дворца Тюильри поступило известие: по милости императора Наполеона III в епархию Булонь-Бийанкур назначен новый епископ. Мариус Мюрат, сын бедного торговца, смиренный слуга Божий и верный друг империи, наконец-то переступил порог своей мечты. Когда кто-то в первый раз поцеловал его перстень, по спине епископа пробежала дрожь наслаждения, и он смаковал это ощущение, чем-то похожее на наслаждение от плотского соития. Позднее, в уединении своего дворца – *своего* дворца, от размеров и великолепия которого кружилась голова! – он позволил себе по-настоящему улыбнуться. Теперь его власть распространялась на тридцать округов, сорок один приход и двести восемьдесят пять викариатов. Нынешняя должность принесла ему неслыханную роскошь. У него были личные покои и комнаты для приемов, где висели хрустальные люстры. У него был просторный двор с садом и фонтаном в центре. В оранжерее из кованого чугуна цвели и благоухали экзотические растения со всего мира. Мюрат наслаждался мягкостью бархатных подушек, теплом стеганых плащей и великолепием фиолетовых епископских одеяний. Кучера были готовы отвезти его в одной из восьми карет, куда пожелает. Повара готовили фазанов, подстреленных его собственными охотниками. Мюрата окружали легионы юре и викариев, торопящихся выполнить его распоряжения. Ему более не требовалось скрывать сделки, проводимые от имени епархии, ибо епископ и *был* епархией, а епархия – епископом. Такое положение вещей великолепно отвечало замыслам Мариуса Мюрата.

Он пребывал в новой должности почти год, когда до его дворца дошли сведения о возвращении графа Анри де Вриса, который привез с собой из Африки языческую женщину. Епископ упрочил свою власть над многими сторонами жизни епархии, испытывая особый интерес к местной знати и их делам. Мюрат стремился распространить свое влияние и свой контроль на всех уровнях. Граф де Врис был человеком видным, хотя и не слишком религиозным и вдобавок ведущим себя независимо. Он владел обширными земельными угодьями, а его поместье являлось одним из крупнейших во Франции. Отец и дед графа были глубоко верующими и делали Церкви щедрые пожертвования. Они дарили землю и давали деньги на возведение школ и храмов. От Анри ждали того же. И вот теперь у него неожиданно появилась жена. Вполне естественно, что епископ заехал проведать графа, и столь же естественно и даже неизбежно, что сильная воля и независимое поведение туземной женщины по имени Серена вызвали епископский гнев.

В первый раз его рассердило ее отношение к вопросам совести и формальностям. Для епископа все это значило меньше, нежели ежедневное меню, но должность обязывала проявить внимание. В данном случае дело касалось крещения и перехода в католическую веру – необходимым требованиям, чтобы брак был освящен Церковью. Анри оказался здесь плохим помощником.

– Граф, она должна обратиться в христианство. А вы, разумеется, должны на этом настаивать.

– Монсеньор, я и не подумаю настаивать. Это не тот случай, когда я стану принуждать. Серена – свободная женщина, принадлежащая к другой культуре.

– Это, граф, не мое личное желание. Это повеление Господа Бога, дабы таинство брака было освящено. Она язычница. Без крещения не может быть перехода в христианство. А без перехода она пропащая душа, и ваш брак не имеет благословения Церкви. В глазах Бога вы с ней окажетесь сожителями в грехе. На этот счет у вас не должно быть сомнений. Она обязана подчиниться.

– При любом ее выборе она будет моей женой. И принимать решение ей самой.

– А что станет с детьми? Вы готовы пожертвовать их душами ради женского выбора? Вы позволите ей обречь на проклятие души еще не рожденных?

– Монсеньор, ни о каких жертвах речь не идет. Когда появятся дети, это поможет ей принять решение.

– Граф де Врис, я нахожу ваш подход легкомысленным и неподобающим человеку вашего положения.

– Мое положение здесь ни при чем. Таково мое убеждение.

– Церковь этого не одобрит!

Анри вздохнул и пожал плечами:

– Разрешаю вам поговорить с Сереной. Никакого принуждения с моей стороны не будет. Если она не пожелает принять христианство, так тому и быть, монсеньор. В этом случае мы оформим наши отношения гражданским образом.

Судя по тону, решение графа было окончательным и недвусмысленным.

Епископ не желал отталкивать графа и принял его требования. Во Франции было время великой духовной независимости и такого же великого лицемерия. Многие отличались антирелигиозными воззрениями, но при этом не забывали обрядовую сторону. Они крестили детей, венчались в церкви и жаждали получить от священника соборование. Им требовалось нечто вроде духовного страхового полиса, дававшего традиционное утешение, но не накладывающего ограничения на их поведение. Этот вид сделок епископ отлично понимал и широко пользовался для собственного обогащения. Если граф желает сожительствовать с языческой женщиной, но при этом остается в лоне Церкви и жертвует деньги на церковные нужды, епископ не станет ему препятствовать. Но побеседовать с язычницей и попытаться убедить ее обратиться в христианство – пастырская обязанность епископа. Формальности должны быть соблюдены.

Первая встреча прошла неудачно. Едва увидев Мюрата, Серена сразу же невзлюбила епископа.

– Бог послал меня по вашу душу, – властным тоном заявил он и протянул руку, но Серена не стала целовать епископский перстень.

Она ясно понимала: его рот говорит одно, а глаза – совсем другое. Он произносил учтивые слова, однако смотрел на нее с пренебрежением. «Язычница!» – кричал его взгляд. Благочестивые речи не мешали епископу открыто пялиться на грудь Серены и ее фигуру.

Епископ произвел на нее отталкивающее впечатление, но она вытерпела его присутствие. Она ехала сюда, зная, что ей придется жить в обществе, в котором вращается Анри. Он сказал, что они могут отгородиться от мира стенами шато и прожить так год или даже два, пока она не почувствует себя увереннее. Тогда все общение с посторонними будет сведено к минимуму. Но затворничество противоречило ее натуре.

– Если я приехала сюда, то должна жить вместе с твоими соплеменниками, а не прятаться от них, – сказала она.

Она решила узнать традиции и обычаи Франции, что включало и общение со здешними *марабутами*. Серена нервничала, испытывала неуверенность, однако держала свои чувства при себе, исполненная решимости быть сильной. Улицы Парижа, его краски и звуки ошеломляли ее. Быстрота парижской жизни, бешеный ритм здешнего мира были так не похожи на неспешные ритмы пустыни. Париж поразил ее обилием света и блеском. Вот что значит настоящий город, хотя до сих пор она ничего не видела, кроме столицы Алжира. Теперь тот казался ей бледной тенью по сравнению с шумным Парижем, где сияли фонари, где танцевали канкан, а по улицам проносились кареты. Серене отчаянно хотелось порадовать Анри и поскорее войти в здешнюю жизнь, и первой настоящей проверкой для нее стал этот толстый напыщенный человек, от которого разлило вином и который велел ей подчиниться, иначе она пожнет гнев Божий.

Она не испугалась ни епископа, ни его Бога и твердо решила: неприязнь к нему не должна мешать ей выслушивать его воззрения. И потому она терпела его присутствие и слушала.

Подобно многим туарегам, Серена не была мусульманкой, и ее вера в Бога отличалась простотой. Если бы обратиться к ней в христианство попытался кто-нибудь другой, а не этот епископ, возможно, попытка увенчалась бы успехом, поскольку ей хотелось, чтобы все обстояло как можно проще на трудном пути, избранном ею. Но издеваться над собой она не позволит. Серена никогда не была склонна к соглашательству и уступчивости и не собиралась менять свои принципы ради Мариуса Мюрата.

Беседы епископа с Сереной длились несколько дней. Он часами говорил о религии, однако в его словах слышались лишь тьма и страх. Он рисовал ей ужасные, пугающие картины, которые не давали никакого утешения, а наоборот, наполняли душу страхом. Ни одно его слово не вызывало в ней отклика.

В мрачные, тягостные минуты сомнений она спрашивала себя, не делает ли ошибку. Возможно, ее дядя был прав и пропасть между жизнью европейцев и туарегов слишком велика. Возможно, им с Анри вообще не стоит иметь детей. Но в конце каждой встречи, когда епископ замолкал, голова Серены оставалась высоко поднятой. Ведь у нее есть Анри, нежный, заботливый. Он целовал ей руку. Серена любила его до самозабвения и знала: все у них будет хорошо.

Епископ пытался взять ее измором, чтобы усталость сделала ее сговорчивой и обеспечила ему победу, которой он не мог добиться угрозами. Но Серена оставалась упрямой. Он еще никогда не сталкивался с такой сильной женщиной. Она была дерзкой и непочтительной. Епископ втолковывал ей, что ее душа поражена смертельной болезнью греха и что единственным лекарством является обращение в христианство.

– Вы должны это сделать ради спасения вашей души.

– Моя душа – не рабыня вашей Церкви.

– Тогда вы должны это сделать ради сохранения святости таинства брака.

– Мое замужество не требует ваших таинств.

– Зато женитьба графа требует. Вы должны это сделать ради него.

– Граф не ставил мне никаких условий. Я сама принимаю решение.

– Тогда вы должны это сделать ради ваших детей.

– С какой стати? Они сами это сделают, когда будут готовы.

– Вы должны это сделать, иначе будете гореть в аду, а дети последуют за вами.

– Но я ничего такого не совершила, чтобы попасть в ваш ад, и детей у меня пока нет. –

Серена покачала головой. – В пустыне я была знакома с человеком вашей веры. С одним из «Белых отцов». Он никогда ничем не грозил. Он говорил о красоте, а вы – о сплошных ужасах, хотя у вас с ним одна религия. Как такое может быть?

– Бог многолик.

– Думаю, его священники тоже.

– Оскорбления в мой адрес ничего не изменят. Вы должны это сделать, ибо таков закон Бога.

– Это *вы* так говорите. А я говорю: это ваш закон, и я ему не подчинюсь. Бог, которого я знаю, живет внутри меня. И мне не нужны ваши благословения, чтобы он оставался во мне.

– Это ложный Бог!

– Это *мой* Бог.

День за днем епископ водил ее кругами, выдвигая все мыслимые аргументы. Серена не поддавалась. Их взаимная неприязнь крепла. А их последний разговор был полон язвительности.

– Знаете, священник, разница между вами и скорпионом в том, что у скорпиона нет уловок. Увидели хвост – вот и скорпион. Я вижу крест у вас на шее, однако вас так и не увидела. Ваш хвост глубоко спрятан.

Находясь в комнате еще кто-нибудь, слышавший это оскорбление, епископ повел бы себя по-иному. А сейчас он просто опустил руки. Он понимал, что ссориться с графом нельзя.

– Все, женщина, я умываю руки, – мрачно изрек он. – Вы отвернулись от Христа и прямо идете в ад. Да явит Господь милосердие вашей душе!

Анри и Серена сочетались гражданским браком.

Епископ сказал себе, что Серена – не более чем комар на его толстой коже, докучливый, слегка попивший его крови. Но никто еще не вызывал в нем такого раздражения, как она, и внутри у него бурлило негодование. Эта сука насмеялась над ним и оскорбляла его. Отказавшись подчиниться существующим правилам, она совершила грех против его власти. Если она комар, однажды он ее прихлопнет.

Второй грех Серены по отношению к епископу вызвал у него неутраченный гнев, но причина была не духовного свойства. Причина касалась имущества.

В правление императора Луи-Наполеона Париж претерпевал грандиозную метаморфозу. Император поручил барону Эжену Осману преобразить облик города, и барон сразу же приступил к делу. Подобно искусному портному, он сорвал с города ветхий, пропыленный средневековый плащ и нарядил в величественную мантию изысканной красоты и блеска. Масштабные проекты общественных работ перевернули город вверх тормашками.

Осман начал с трущоб. Со времен Средневековья эти гнойники расплозились по всему Парижу. Подобно отвратительным раковым опухолям, они разрастались повсюду – от Отелыде-Виль до сумрачного Монмартра, – унижая достоинство города. Существование трущоб огорчало императора и позорило империю. И потому Осман снес их и сровнял с землей, пока от старых не остались лишь воспоминания, а новые не были скрыты от глаз. На их месте воцарилась великая геометрия кругов, квадратов и треугольников. Были проложены новые бульвары, построены мосты, разбиты парки, устроены общественные места. Освободившееся пространство застраивалось общественными зданиями и частными особняками с воротами из кованого железа. Появлялись впечатляющие кварталы, настоящие архитектурные самоцветы, способные затмить своим блеском Вену, Берлин и Прагу. Создавались настоящие украшения Парижа, на которые мог с гордостью указать император.

Если все это было лишь фасадом, то чертовски великолепным фасадом, ибо убожество уже не кололо глаза. Четыре пятых парижан, живущих в нищете, теперь были обречены влачить свое жалкое существование вдали от центра города. Париж не мог выглядеть по-настоящему великим, пока на его главных улицах дети дрались с собаками из-за пищевых отходов.

Ничто не стояло на пути прогресса. Если реконструкция приносила бедноте одни страдания, если людей лишали собственности, не выплачивая компенсаций, если сносили их грязные лачуги, город мог себе позволить платить такую цену за свое преобразование. Ведь это был Париж, а метла барона Османа олицетворяла прогресс.

Париж нуждался во всем и, теща свой эгоизм, всем обзаводился. Новыми церквями для живых. Новыми кладбищами для мертвых. Новыми рынками для голодных. Скучающим предлагались новые театры, опера и ипподром в Лоншане. Для путешественников строились новые железнодорожные вокзалы и дороги, связывающие Париж со всей Францией, а Францию – с остальной Европой. Перемены были поистине монументальными. Проложенные акведуки доставляли из провинции чистую воду, канализационные сети уносили нечистоты. Обновился Нотр-Дам, а Лувр после семисот лет строительства наконец-то достроили. Были высажены тысячи деревьев и устроены сотни фонтанов. Пяти улиц, ведущих к Триумфальной арке, оказалось недостаточно, а потому под снос опять пошли десятки домов, и теперь к площади Звезды сходилась уже двенадцать улиц. Тысячи новых газовых фонарей освещали новые парки и улицы, отчего по вечерам город сиял, словно россыпь бриллиантов.

Епископ принимал самое деятельное участие в преобразении города. Сведения о том, какие кварталы подвергнутся сносу, чтобы на их месте появились новые дома, передавались тайно, со всеми мерами предосторожности. Такие сведения делали людей богачами. Епископ и барон Осман хорошо знали друг друга. Там, где появлялся барон, появлялся епископ, и

наоборот. Разумеется, все происходило не на виду и делалось так, чтобы в дальнейшем избежать компрометации. Но благодаря знакомству с бароном епископ был теснейшим образом вовлечен в вакханалию купли, продажи и спекуляций.

По своим обычным каналам, ведущим в окружение барона, Мюрат однажды узнал о потрясающей возможности, открывающейся перед ним, – о создании внешнего бульвара на юго-востоке, который предстояло соединить с другими бульварами, опоясывающими город. Это грандиозное начинание подкреплялось выпуском специальных облигаций. Епископ встретился с бароном, и тот подтвердил место и время начала работ. По словам Османа, таков был замысел императора, который теперь предстояло осуществить. Новый бульвар будет широким и красивым. Рядом с ним возникнут парки, появятся магазины и жилые дома. Епископ немедленно подключил своих кюре к приобретению земельных участков: кусочек здесь, кусочек там. Он скупал землю под ветхими домишками, фермой и фабрикой. От масштабности проекта кружилась голова. Дел такого уровня епархия Мюрата еще не проворачивала. Это требовало вложения огромных средств, отчего сначала опустели счета епархии, а затем начали пустеть личные резервы епископа. И все равно денег не хватало. Епископ занял деньги у своих друзей в «Креди фонсье»¹¹, выдававшем ссуды лишь департаментам и коммунам. Но и в этом банке влияние Мюрата было велико. Он убеждал вкладчиков присоединиться к нему в качестве долевого партнеров. Он выкачивал деньги из приходов епархии и требовал еще. Мюрат был одержим новым проектом. Едва только о бульваре объявят публично, это принесет ему целое состояние.

А затем случилось непредвиденное. Епископа вызвал к себе месье Портье, его посредник из окружения барона, настоятельно прося приехать без промедления. Месье Портье был невысоким невзрачным человеком с пенсне на носу. Войдя к нему в кабинет, епископ застал Портье в крайнем возбуждении.

– Ваше преосвященство, проект изменился! Бульвар передвинули!

– Передвинули? – прогремел епископ. – Как такое может быть? Барон лично меня заверял!

– Да, он так и намеревался, ваше преосвященство! Так оно и было еще три дня назад. Но затем император *собственноручно* изменил местонахождение бульвара. Он ехал в карете, и ему не понравились линии бульвара! Они оказались недостаточно прямыми! Когда барон узнал об этом, то немедленно попросил о встрече с императором и получил аудиенцию. Барон даже спорил с ним. *Спорил!* Но все оказалось бесполезно. Император принял решение.

Портье неистовствовал. Он вложил в проект собственные средства. Он видел, как из-за императорского каприза теперь все рушится. Один взмах руки, один поворот больших усов – и вуаля! Новый бульвар проляжет не здесь, а там, и огромные деньги превратятся в прах. Внезапно, невероятным образом. *Линии*, черт бы их побрал!

– Вы глупец! – изрек епископ.

– Увы, ваше преосвященство, я не умею читать мысли императора!

– *Merde*¹², – забывшись, пробормотал епископ.

– Что вы сказали, ваше преосвященство?

Этого чиновника даже в паническом состоянии покорило словцо, сорвавшееся с уст епископа. Прежде чем вызвать Мюрата, Портье не знал, плакать ему или броситься с моста. Он боялся епископа, боялся его грузной фигуры, характера, власти и мести. Портье не сомневался, что тот разорен. Однако епископ больше не произнес ни слова. Он расхаживал по кабинету, погруженный в раздумья.

¹¹ «Креди фонсье» – старейший ипотечный банк Франции, созданный в 1852 году.

¹² Дерьмо (*фр.*).

Портье повернулся к большому шкафу с выдвигаемыми ящиками, в которых хранились подробные карты каждого округа Парижа. Достав нужную карту, чиновник разложил ее на столе. Пока епископ был поглощен мыслями, Портье всматривался в карту. И вдруг вскинул брови. Он усмотрел пусть и ничтожную, но возможность, о чем не преминул сообщить епископу.

– Ваше преосвященство, взгляните! Возможно, еще не все потеряно. Новый бульвар проляжет вот здесь. – Он пальцем прочертил невидимую линию. – Если вашему преосвященству удастся каким-то образом приобрести землю здесь, – он указал на крупную полосу земли, – а также здесь и здесь, ваши прежние приобретения сохранят свою ценность.

Епископ внимательно посмотрел на карту: так оно и есть. Участки земли, указанные Портье, соединят купленные ранее с новым маршрутом.

– Кому принадлежит земля?

Заново воспылав энтузиазмом, Портье поспешил в ту часть кабинета, где хранились поземельные книги. Взобравшись на стремянку, он снял с полки объемистую книгу. Чиновник торопливо листал страницы, шурясь там, где старые записи выщвели, кивая и бубня себе под нос. Так продолжалось, пока он не нашел нужное место.

– Вуаля! – торжествующе крикнул Портье, энергично тыча пальцем в страницу. – *C'est ça!*¹³

У всех участков земли был один владелец: граф Анри де Врис. *Де Врис!* Епископ мысленно выругался, сознавая шаткость своего положения.

– Мы должны реквизировать эту землю, – сказал Мюрат.

Портье покачал головой:

– Увы, ваше преосвященство, это невозможно.

– Почему? Барон регулярно реквизирует землю для проведения общественных работ!

– *Вien sûr!*¹⁴, ваше преосвященство. Вы правильно говорите, но... *за исключением* земли, принадлежащей знати. Император не желает настраивать против себя аристократов. Его распоряжения были недвусмысленными с самого начала: если землю нельзя выкупить, она не будет реквизироваться. И потом, реквизиция не дала бы результатов. Земля графа не играет никакой существенной роли для нового местоположения бульвара. Она существенно важна лишь для сохранения ваших... позволю себе сказать... *наших* вложений.

Епископу не оставалось иного, как отправиться к графу. «По крайней мере, одно обстоятельство говорит в мою пользу», – думал он, хваля себя за то, что не потерял самообладания, пытаясь вразумить сожительницу графа. Анри де Врис, как и любой человек, конечно же, ценил свою бессмертную душу. Дарование земли Церкви или даже ее продажа ослабит угрызения совести, которые, должно быть, испытывал граф, заключив брак без церковного благословения.

Мюрат нанес визит в дом Анри.

– Этот проект очень важен для жизни обновленного города, – говорил епископ. – Ваша семья всегда была более чем щедра по отношению к Церкви и поколениями доблестно служила Франции. Важно, чтобы эта традиция сохранялась и сейчас, когда наша жизнь стремительно меняется. Епархия считает этот проект благотворным для города и для себя самой. Как видите, здесь появится парк. – Епископ ткнул пальцем в карту. – А здесь школа. Император стремится, чтобы этот широкий бульвар...

– А кому принадлежит эта земля? – перебил его Анри, указав на участок, недавно приобретенный епископом.

Мюрат замаялся, подумав было солгать, но потом решил, что правда ему не повредит:

¹³ Вот в чем дело! (*фр.*)

¹⁴ Конечно, разумеется (*фр.*).

- Она принадлежит Церкви.
- Наверное, вашей епархии?
- Да, граф.
- И когда епархия приобрела этот участок?
- Не понимаю, почему это должно вас заботить.
- Мне надо знать ваши намерения, монсеньор. Хочу понять, чем вызван ваш визит.
- Я вам отвечу. Епархия владеет упомянутым участком, но непродолжительное время. Анри натянуто улыбнулся:
- Тогда я понимаю, монсеньор. Для вас это вложение. Без моего участка земли ваш теряет

ценность.

– Граф де Врис, вопрос стоит не о материальной ценности. Епархия осуществляет дело Господне. Вопрос стоит о наиболее разумном использовании земли. Император преобразил Париж. И Церковь, когда может, поддерживает его замыслы. Если вам невыгодно передать землю в дар городу, Церковь рассмотрит возможность ее покупки у вас с последующей передачей городским властям.

- Так, значит, вы подарите городу и тот участок или прибережете его для продажи?

Мозг епископа лихорадочно работал. *Черт бы побрал этого графа!* Так быстро улавливает суть и настолько прямолинеен. Если сказать правду, он раскроет деловые интересы Церкви. Но ведь Церковь и раньше участвовала в коммерческих сделках. Пожалуй, будет разумно признать некоторые коммерческие аспекты сделки и одновременно отдать городу часть земли. Однако раньше, чем епископу удалось ответить на вопрос графа, в гостиной появилась Серена. Увидев, кто у них в гостях, она недовольно поморщилась, но тут же придала лицу прежнее выражение. Епископ встал, однако не сделал попытки протянуть ей руку для поцелуя. Серена тепло поздоровалась с Анри и увидела на столе карту.

– Мы тут обсуждали передачу нашего участка земли на Монпарнасе под новый внешний бульвар, – пояснил граф.

- Это вблизи улицы Вожирар? – спросила Серена.

- Да, – улыбаясь, ответил Анри.

Серена не знала еще многих районов громадного Парижа, но уверенно знакомилась с городом. А в картах она всегда хорошо разбиралась.

- Я была в магазине Рамизы, – сообщила она.

Рамиза Хамад, уроженка Алжира, открыла на Монпарнасе магазин тканей. Серена познакомилась с ней вскоре после приезда во Францию, отправившись как-то в город за тканями. Рамизе был знаком оазис Эль-Гасси, где Серена в детстве сломала ногу. Эта женщина и члены ее семьи были постоянными гостями в шато де Врис.

– Там ужас что творится! – продолжала Серена. – Рамиза лишается всего имущества. Ее семья внесла арендную плату за три года вперед. Теперь эти деньги потеряны. Рамиза сказала, что их землю отдают Церкви! Анри, я как раз хотела спросить, можно ли им чем-то помочь. – Она бесхитростно посмотрела на Мюрата. – Но может, священник окажет им помощь.

- Монсеньор, это правда? – спросил Анри.

На сей раз Мюрат был вынужден солгать:

- Нет. Церковь никогда не имела и не будет иметь ничего общего с подобными делами.

- Вы хотите сказать, что мои друзья ошибаются? А ведь они там живут! Им ли не знать?

– Я лишь скажу, что они совершили ошибку, и только. Уверен, они руководствовались лучшими намерениями, – ледяным тоном ответил епископ. – И если позволите высказать свое мнение, возможно, графине следует заниматься домашними делами, а вопросы собственности оставить графу.

– Возможно, священнику тоже следует заниматься делами своей религии, а не скупкой земли, – парировала Серена.

Анри встал. Враждебность Серены к епископу была очевидна с тех самых пор, когда прелат безуспешно пытался обратить ее в христианство. Анри не питал надежд на дружеское примирение сторон. Лучшее, на что он мог рассчитывать, – это напряженный мир между ними.

– Ваше преосвященство, благодарю вас за визит. Я рассмотрю возможность непосредственной передачи моих владений городу.

– Это все, о чем я смел просить, – ответил епископ.

– Ты собираешься отдать ему землю? – спросила Серена, когда Мюрат уехал.

– Возможно. Прокладка бульвара – хороший замысел. Но сначала я узнаю, что там стряслось у Рамизы.

На следующий день Анри поехал на улицу Вожирар. Он поговорил с семейством Хамад и с другими владельцами окрестных магазинов. Все они вносили арендную плату вперед, причем внушительные для них суммы. И вдруг им объявили, что землю под их домами и магазинами реквизируют для прокладки новой улицы или устройства парка. Вернуть деньги за аренду у них не получилось. Эти люди никогда не имели дела с владельцем земли, только с агентами. Они даже не знали, как он выглядит. Одни говорили, будто землей владеет Церковь, другие это отрицали. Агенты ничего не сказали им и лишь посоветовали обратиться к городским властям. Те помочь отказались и не разрешили заглянуть в поземельные книги, назвав такие сведения конфиденциальными. Люди потеряли деньги и имущество, даже не зная, кому все это досталось.

Если бесправные арендаторы не могли получить доступ к поземельным книгам, то для графа Анри де Вриса подобных трудностей не существовало. Вскоре он уже листал записи в книгах, из которых узнал, что землевладелец, собрав с арендаторов деньги, затем получил деньги от города все за те же участки. Получалось, ему заплатили дважды: сначала арендаторы, а потом город. Эта была хитроумная схема, применяемая к бесправным людям и повторяемая сотни раз.

Анри наведаясь в другое место и просмотрел документы там, желая убедиться в отсутствии ошибки. И везде у десятков участков и клочков земли был один владелец. Листая тяжелую книгу, Анри встречал его имя на каждом документе.

*Msr. M. Murat, évêque de Boulogne-Billancourt*¹⁵.

Ошибки быть не могло.

Анри был в ярости. Он поехал во дворец епископа и прошел прямо в личные покои, игнорируя резкие возражения дворецкого. Епископ был занят с рабочим, который обивал кордовской кожей стены столовой. В императорском дворце в Фонтенбло стены были обиты искусственной кожей. Не желая уступать императору, епископ заказал натуральную кожу. Появление Анри немало его удивило.

– Граф! Какое неожиданное удовольствие.

Лицо Анри было хмурым, а голос звучал, как удар хлыстом:

– Никакого удовольствия для вас, епископ. Вы мне солгали.

– Оставь нас, – велел епископ рабочему.

Тот быстро собрал инструменты и поспешно вышел из комнаты. Епископ повернулся к Анри и тихо произнес:

– Не забываетесь, граф! Со мной никто не разговаривает таким тоном!

– Серена сказала правду. Ваша епархия украла деньги владельцев магазинов и их семей. Это мошенничество!

– Граф, вы говорите с Божьим служителем здешней епархии. Я не лгу.

– Я побывал в городских канцеляриях и просмотрел договоры на аренду. И документы на покупку участков земли тоже. На них стоит ваша подпись.

¹⁵ Монсеньор М. Мюрат, епископ Булонь-Бийанкура (*фр.*).

Епископ кивнул и наградил графа самой снисходительной из своих улыбок.

– Моя подпись стоит на многих бумагах. Каждый день мне их приносят не менее сотни. – Он взял с письменного стола папку, перевязанную голубой лентой и распухшую от бумаг. – Епархия владеет весьма обширной собственностью. Многие оставляются на усмотрение священников, занимающихся этими делами во имя Церкви. Я доверяю им, когда они мне что-то приносят. Признаюсь, я не читаю все бумаги. Если то, о чем вы сказали, – правда, возможно, в этом повинен кто-то из кюре. Уверю вас: если я обнаружу ошибку, то доберусь до самых ее корней.

Анри бросил на него насмешливый взгляд:

– Вы хотите сказать, будто вам неизвестно, что происходит в вашей епархии? В один или два случая я еще мог бы поверить. А когда их сотни? Когда это продолжается более двух лет? И вы возлагаете вину на какого-то кюре? – Анри покачал головой и пристально посмотрел епископу в глаза. – Как я уже сказал, я вам не верю. Вы – лжец!

Епископ отреагировал единственным знакомым ему способом. Он перешел в наступление. Тысячу раз он проделывал это с теми, кто посмел бросить ему вызов, и тысячу раз они отступали. Он выпрямился во весь рост. Его лицо побагровело, серые глаза приобрели свирепое выражение. Его рука дрожала от гнева, когда он махал кулаком перед лицом Анри.

– Говоря так, Анри де Врис, вы подвергаете опасности свою бессмертную душу! До сих пор я относился к вам снисходительно, уважая ваше положение. Я проявлял благоразумие в отношении вашей женитьбы...

– Вы смеете угрожать мне моей женитьбой? – спросил Анри, не веря своим ушам. – При чем тут моя женитьба?

– Я лишь напоминаю вам о страданиях, которые влечет за собой отлучение от Церкви! Напоминаю о вашем шатком положении! Напоминаю, что я проявлял к этому больше терпимости, чем от меня требует Святая церковь! Сделанное можно и отменить! Ваши титул, деньги и самоуверенность не защитят вас от гнева всемогущего Бога!

Анри смотрел на епископа, стыдясь своей прежней наивности. Каким же глупцом он был! Он не видел, какой человек скрывается за епископским облачением. Впрочем, ему и не требовалось присматриваться к епископу. Он лишь поддакивал Серене, когда та критиковала Мюрата. То, что Анри видел сейчас, наполнило его отвращением. Гнев покинул его, и он заговорил спокойно:

– Я не стану участвовать в вашем проекте. Что касается моей женитьбы, поступайте, как вам угодно... святой отец. Это на вашей совести.

Повернувшись, Анри вышел. Эхо доносило из коридора стук его сапог. Епископ вслушивался, пока оно не стихло совсем.

В тот вечер Мюрат сидел у себя в тускло освещенной спальне, скрючившись на стуле. Во дворце было тихо. Страсти, бушевавшие у него внутри, улеглись. У ног валялись две пустые винные бутылки. Глаза епископа были налиты кровью, язык распух. В голове пульсировала боль, и вино ее не сняло. Его ярость, словно гроза, бушевала целый день. По дворцу быстро разнеслась весть о настроении хозяина, насторожив лиц духовного звания и челядь. Кюре покинули дворец, вспомнив о делах в других приходах. Слуги неслышно передвигались по задворкам дворца, стараясь оставаться невидимыми. Всех страшил вызов к епископу. Его месть могла быть скорой и страшной.

Кто-то не проявил должной прыти. Епископ потребовал, чтобы месть Портье был уволен в тот же день, отправив записку барону Осману и подкрепив свое требование достаточным количеством угроз. Он вызвал писаря, робкого, но умелого священника, безропотно и образцово выполнявшего каждый приказ епископа. Ничего не объясняя, Мюрат перевел писаря в Вань, беднейший приход епархии. Он уволил дворецкого, впустившего Анри в личные покои.

Однако гнев в нем продолжал бушевать, яростный, желчный гнев, наполнявший его злобой и ненавистью, и в этой лихорадке ему вдруг стало ясно, кто повинен в случившейся беде.

– Серена сказала... – снова и снова слышался епископу графский упрек. – Серена сказала...

Эта дьяволица Серена де Врис. Эта языческая шлюха.

Она во всем виновата.

Когда он понял, что это правда, то рухнул без сил, впав в ступор. Окружающее пространство заволочло туманом. А потом, как бывало всегда, он услышал голос, твердый и успокаивающий.

Бог покарает ее за сопротивление Его деяниям. И я стану Его орудием.

Епископ встал на нетвердые ноги. Из-под шелкового одеяла на грузную фигуру Мюрата поглядывал мальчик лет одиннадцати. Мальчишке было страшно. Находясь в таком состоянии, епископ мог его покалечить. Ребенок лежал здесь больше часа, боясь произнести хотя бы слово и боясь даже шевельнуться. Неужели епископ столько выпил, что забыл о нем? Мальчик видел, как Мюрат качает головой, и слышал его разговор с самим собой. Не сбежать ли? Но затем епископ его увидел. Духовный пастырь забыл, что сегодня пятница. Каждую пятницу у него в постели появлялся мальчик. Этот был его любимцем. Такое юное, нежное тело. Но сейчас гнев мешал епископу сосредоточиться на ребенке. Он хотел, чтобы его оставили в покое.

– Убирайся! – рявкнул епископ. – Прочь с моих глаз!

Вслед мальчишке, успевшему шмыгнуть за дверь, полетела бутылка и разбилась, едва не задев его босых ног.

Глава 4

Берлин, 1870 год

– Все кончено.

Граф Отто фон Бисмарк, министр-президент Пруссии, выпил рюмку шнапса и тяжело привалился к спинке стула. Он находился в тускло освещенной комнате на втором этаже берлинского дворца Шарлоттенбург. Его поздний обед состоял из кровяной колбасы и хлеба. Компанию ему составляли начальник генерального штаба генерал Гельмут фон Мольтке, человек скверного характера, но блистательного ума, а также военный министр граф Альбрехт фон Роон.

В тот вечер трудно было бы отыскать на континенте более коварных, могущественных и умных людей, чем эта троица. За шесть лет они изменили баланс сил в Европе и границы государств на картах. Как марионеток за ниточки, они дергали королевских особ, бросали сотни тысяч солдат в сражения, которые определяют будущее двух континентов.

Однако настроение в комнате было мрачным, ибо существовала весьма реальная угроза упрочения мира с Францией. Мир только нарушил бы планы Бисмарка. Мир означал бы конец грандиозного замысла, который он тщательно вынашивал столько лет. Бисмарк был одержим мечтой о единой Германии – рейхе, где Пруссия играла бы доминирующую роль, рейхе, в котором он стал бы канцлером. Ради осуществления этой мечты требовалось объединить десятки независимых курфюршества и герцогств, где во многих имелись крошечные армии под командованием единственного генерала. Процесс объединения начался с войны против Дании, в которой Германская конфедерация легко одержала победу. Самыми сильными членами конфедерации были Пруссия и Австрия.

План Бисмарка пыльным цветом расцвел в сражении при Садове, массовой кровавой битве на Богемской равнине. Там Пруссия сражалась против своего бывшего союзника Австрии за главенствование над немецкоязычными народами. Управляемая Габсбургами, Австрия считалась вторым по силе европейским государством, уступая лишь Франции. Гарантий, что Пруссия победит, а Бисмарк не окажется на виселице, не было. Но Бисмарк и не стремился к безопасным путям. Он пошел ва-банк и за несколько коротких недель одержал победу. В результате этой победы возникла Северогерманская конфедерация. Баланс сил вновь сместился. Европа вздрогнула.

Теперь требовалось распространить власть союза на провинции Южной Германии. Эту цель Бисмарк намеревался достичь, втянув их в войну против общего врага – Франции. Такая возможность представилась, когда кучка испанских генералов свергла испанскую королеву Изабеллу. Бисмарк сговорился с генералами, заручившись их согласием на предложение испанского трона принцу Леопольду, племяннику прусского короля Вильгельма. Франция уже соседствовала с пруссаками на северо-востоке. Если Леопольд согласится, их соседство появится и на ее юго-западных границах, а германское влияние распространится на Европу.

Бисмарк знал: такой маневр приведет к одному из двух вероятных исходов. В первом случае Луи-Наполеон проглотит новое унижение, и позиции Франции на европейской арене еще более ослабнут. Во втором – Франция откажется поддаться на провокацию и объявит войну. Бисмарк делал ставку на второй вариант.

– Французское самолюбие ни за что не потерпит *bratwurst*¹⁶ на двух своих границах, – заверял он генералов. – Они надуют щеки, выхватят мечи и вновь проверят ваши армии на прочность.

¹⁶ Колбаски для обжарки на сковороде или гриле (*нем.*). Символ немецкой гастрономической культуры.

– Французская армия крупнее нашей, – напомнил ему фон Мольтке. – Они не падут столь легко, как австрийцы.

Услышав это, министр-президент пренебрежительно рассмеялся. Когда-то и он разделял господствующее мнение о Наполеоне III как о человеке, вызывающем страх и уважение. Теперь Бисмарк был иного мнения. Он видел, сколь нерешителен французский император в международных делах, как отчаянно спотыкается в принятии решений. Французский двор погряз в коррупции. Повсюду ходили слухи о болезни Луи-Наполеона и его склонности к легкомысленным развлечениям. Это был человек, предпочитавший плыть в потоке событий, а не творить их, как его дядя Бонапарт. Слабак, возглавляющий разваливающуюся империю.

– Я заглянул французскому императору в глаза, – продолжал Бисмарк. – Они пусты. Он сфинкс без загадки. Его страна не лучше. Издали Франция завораживает, а вблизи обнаруживаешь мишуру. Когда французы поймут, что мы задели их драгоценное самолюбие, то поступят так, как поступали всегда. Они будут воевать. Только сейчас они явятся на войну в доспехах чести и с мечом гордости, забыв про более существенное оружие. А мы поднимем против них всю Германию.

Генералов Бисмарка не требовалось долго убеждать в их превосходстве. Они были уверены в силе своих войск. Уже четыре года, с самой битвы при Садове, они перевооружали армию, готовились, планировали. Как всегда, генералам хотелось больше времени на то, другое, десятое. Но когда оказывалось, что времени нет, они были готовы действовать.

И на тебе! Ход событий и правитель страны угрожали грандиозным планам прусских генералов. Французы и в самом деле надували щеки и потрясали мечами. Французы негодовали. Им нанесли оскорбление. Их военный министр угрожал войной.

Прусский король Вильгельм не разделял энтузиазма Бисмарка относительно войны с французами; во всяком случае, не по этому поводу. Сам принц Леопольд прохладно относился к воцарению на испанском престоле, и ситуация была весьма неопределенной.

– Все кончено, – повторил Бисмарк, и в его голосе ощущалась тяжкая покорность судьбе. – Король пошел на попятную. Леопольд отказался от притязаний на трон.

– Я думал, вы заручились поддержкой его отца, – сказал фон Роон.

– Так оно и было. Я убедил отца принца, воззвав к его чувству долга пруссака. А отец убедил Леопольда. Казалось бы, цель достигнута. Леопольд попросил короля Вильгельма позволить ему занять испанский трон и получил разрешение. Но затем Вильгельм передумал. – Бисмарк сердито тряхнул головой. – *Gott im Himmel!*¹⁷ Вильгельм бесхребетен. Его одолевает страх перед французами. У него не хватает смелости шагнуть в неведомое. Если король и дальше пойдет французам на уступки, мне не останется ничего иного, как подать в отставку.

В этот момент массивная дубовая филенчатая дверь открылась. Вошел адъютант. Приблизившись к столу, он отсалютовал:

– Герр министр, срочная телеграмма, – и протянул Бисмарку поднос с конвертом.

– Это от короля, – вскрыв конверт, сказал Бисмарк. – Передано через Министерство иностранных дел. – Прусский король сейчас находился на водах в Эмсе; Бисмарк молча прочел несколько фраз. – Как явствует, у него сегодня была встреча с французским послом. – Бисмарк стал читать дальше, удивленно качая головой. – *Mein Gott!*¹⁸ до чего же они наглы! Им явно мало того, что король отказывается от поддержки Леопольда. Им от Вильгельма требуются гарантии, что Леопольд никогда более не заикнется об испанском троне. И еще они потребовали от Вильгельма извинений.

– Извинений? – недоверчиво переспросил фон Роон. – За что это он должен извиняться? Наш король безропотно выполнил требования французов!

¹⁷ Боже на небесах! (нем.)

¹⁸ Боже мой (нем.).

Бисмарк продолжал читать, не обращая внимания на слова фон Роона.

– Его величество отверг их требования и решил впредь не принимать французского посла. Он хочет знать мое мнение насчет того, нужно ли публиковать в газетах последние требования французов и его отказ.

Бисмарк передал телеграмму генералам, а сам задумался.

– Даже для французов это неслыханная наглость! – возмутился фон Мольтке. – Ваше превосходительство, все это должно быть немедленно напечатано в газетах. Пусть наш народ узнает, насколько отвратительны их требования.

– Это ничего не даст, – сказал фон Роон. – Теперь это всего лишь позерство. Шанс упущен.

Однако на лице Бисмарка появилась улыбка, в глазах вновь вспыхнул огонь.

– Господа, эта телеграмма не должна попасть в газеты.

– Думаю, вы не правы, ваше... – начал было фон Мольтке, но Бисмарк взмахом руки прервал его:

– Я сказал, *эта* телеграмма не должна попасть в газеты.

Встав, Бисмарк прошел к письменному столу у стены и взял авторучку. Затем он вернулся за обеденный стол, отодвинул тарелки, положил на освободившееся место телеграмму и начал внимательно править ее текст. Какое-то время в комнате слышалось лишь поскрипывание его пера. Бисмарк вычеркивал одни слова и добавлял другие. Закончив, он выпрямился и с бесстрастным выражением лица протянул генералам исправленную телеграмму:

– Господа, а вот об *этом* должен узнать весь мир.

Фон Роон и фон Мольтке вчитывались в измененный текст, и до них медленно доходил смысл его изменений, а когда они поняли, то их глаза сияли от восторга. Бисмарк был виртуоз. Простой отказ короля встречаться с послом он превратил в открытое оскорбление в адрес французов. Такое они вряд ли стерпят. Оба с восхищением смотрели на Бисмарка. Один он и осмелился.

У остальных кишка была тонка.

– Блестяще! – только и мог произнести фон Мольтке.

– Красная тряпка для галльского быка, – скромно улыбнувшись, согласился Бисмарк, наполнил рюмки шнапсом и поднял свою. – За объединенную Германию! – провозгласил он тост. – Господа, мы все-таки получим нашу войну.

Генерал Бернар Делакура вышел во внутренний двор Тюильри, резиденции Наполеона III, и сел в свою карету. Генерал состоял в элитной Императорской гвардии. Это был крупный мужчина с круглым лицом, красным от избытка свободного времени днем и ночных излишеств.

– В шато де Врис, – приказал он кучеру, а сам откинулся на спинку мягкого сиденья, приготовившись насладиться поездкой.

Был чудесный летний вечер. В темно-синем небе ни облачка. От заходящего солнца по двору ползли тени, становясь все длиннее.

Генерал предельно устал. Неделями он почти не отлучался из Тюильри. Сегодня он позволит себе немного отдохнуть от этого сумасшедшего темпа, отправившись в гости. Возвращаясь из России, граф Анри де Врис проезжал через Берлин. Генералу хотелось узнать его мнение о степени готовности пруссаков. Однако была и другая, куда более возбуждающая причина его поездки в шато: Элизабет, соблазнительная Элизабет, жена полковника Жюля де Вриса, младшего брата графа. Элизабет, прекрасная блондинка, полная желаний. Элизабет, неистовая, амбициозная и откровенная в своих желаниях. Генерал ерзал на сиденье и чувствовал, как начинает возбуждаться от одной только мысли о ней. Он улыбался ее настойчивости. Если бы его офицеры обладали таким же честолюбием, как она! Из-за стремительно ухудшающихся

отношений с Пруссией генерал отклонял все приглашения на светские вечера и приемы, но Элизабет потратила немало усилий, чтобы добиться его согласия посетить сегодняшнее торжество. Сначала она прислала записку, а затем и сама заехала в Тюильри. Размахивая зонтиком, словно мечом, и превратив свою решимость в невидимую дубину, она запугала адъютанта, и тот от имени генерала принял ее приглашение. Генерал ничуть не возражал. Он был готов к встрече с Элизабет, и не только к встрече. Сегодня он овладеет ею. Сегодня, в доме графа, вблизи от ее мужа. Эта мысль вызвала у него улыбку и приятную дрожь в чреслах.

За воротами дворца его карета повернула на восток. Путь к шато де Врис пролегал через лучшие районы Парижа: Пале-Рояль и сад Тюильри, где духовой оркестр его родной Императорской гвардии развлекал мужчин и женщин, которые наслаждались свежим воздухом, прогуливаясь по дорожкам среди цветов, деревьев и фонтанов.

Генерал проехал под раскидистыми каштанами, росшими вдоль улицы Риволи, и оказался на площади Согласия. Там его карета влилась в неиссякаемый поток экипажей, катящихся по улицам. То был своеобразный парад стремительности и великолепия. Кучера хлестали холеных чистокровных английских лошадей, везя элиту общества к местам дружеских и деловых встреч и обратно. Бесконечная процессия цилиндров, роскошных платьев, плащей, драгоценностей, направлявшихся на нескончаемые светские приемы, балы-маскарады, обеды, оперы, оперетты и спектакли. Все громадные финансовые, интеллектуальные и культурные ресурсы направлялись на предотвращение самого ужасного французского недуга – скуки. Повсюду рефреном звучали слова из популярного музыкального ревю «Париж в игре»: «Без блеска, роскоши и наслаждений была бы наша жизнь нелепа и пуста».

Погоня за наслаждениями была ненасытной, пронизывала каждую сторону жизни французов и поглощала каждую свободную минуту. Богатые коротали вечера в опере, средний класс отправлялся поглазеть на канкан в Бал-Мабиль, а бедноте предлагались питейные заведения низкого пошиба и двенадцатилетние проститутки, но чаще – вообще ничего.

Генерал проезжал по улицам, кишачим жонглерами и фокусниками, продавцами разных снадобий и шляхами. На тротуарах – сплошь и рядом – столики кафе. В кафе «Гербуа» можно было встретить Ренуара или Золя, тогда как в «Нувель-Атен» предатели вроде Клемансо и Гамбетта открыто поносили Наполеона III. Мысли генерала омрачились. Эти люди становились все более дерзкими, балансируя на грани предательства. Их нужно выслать, как писателя Гюго. Генерал Делакруа считал, что император слишком попустительствует смутьянам. Он слишком быстро перестал заботиться о чистоте Французского дома. Императору следовало бы поступить с ними так, как Осман с беднотой, но только вместо переселения в пригороды показать им гильотину. Даже высылка была бы для них слишком легким наказанием, неуверенным решением, которое можно отменить. Клинки и пули – вот что решило бы проблему раз и навсегда. Во имя блага империи Делакруа с большой охотой разобрался бы с писателями и художниками; с художниками вроде этого щеголя Мане, чьи холсты пестрели едва замаскированными экскрементами оскорблений в адрес императора; с композиторами вроде Оффенбаха, наполовину пруссака, который сочинял оперетты, высмеивая империи, армии и... да, генералов. Это было унижительно. Вольности зашли слишком далеко. Невозможно появиться в театре, не рискуя столкнуться с очередным наскоком на твою честность и род занятий или с оскорблениями в адрес того, кому ты служишь.

Но генерал знал: перемен не будет, ибо император болен, слаб и вдобавок находится под каблуком императрицы – испанки Евгении – и ее интриг. Власть над империей ускользает из его рук, его престиж среди других правителей находится на низком уровне, а это чревато для Франции войной, ибо там, где суверен некрепок, где нет уважения к его суждениям и решимости, возникает опасность войны. Даже в лучшие времена Наполеон III не был внушительной фигурой. А теперь его плачевное состояние видит каждый. Из-за камней в почках император едва мог ходить. Его глаза утратили блеск. Перешептывания во дворце становились все громче.

Император словно устранился от дел, поддался своим недугам и потерял хватку. Весной Париж захлестнула волна забастовок и ожесточенных уличных стычек, развернулась борьба между властью и свободой, бедными и богатыми. Нападки на императора ширились и становились обычным явлением. Ими пестрели газеты, полные яростного недовольства и лжи, потакающие вседозволенности недовольных. От возмущения генерал даже потрянул головой.

Карета проехала сквозь тень, отбрасываемую Триумфальной аркой на площади Звезды. Из всех уголков мира этот был самым любимым местом генерала, мемориалом великим войнам империи, подтверждением могущества Франции. Фризы арки запечатлели процессию победителей, везущих в отечество трофеи войны; воинов, овеянных славой прошлого, настоящего и будущего. Как всегда, на площади царило оживление и атмосфера приподнятости. Здесь в нынешние тревожные времена человек обретал уверенность. По мнению генерала, на площади можно было не только увидеть, но и соприкоснуться с теми, кто всегда спасет и сохранит Францию. Речь шла о военных, сильных, производящих впечатление, в шлемах, украшенных перьями, в золотых нагрудниках, с саблями на поясе и с винтовками в руках... Сангарды в небесно-голубых мундирах и высоких сапогах; уланы на белых лошадях; офицеры конного эскорта – эти аристократы в зеленых, расшитых золотом мундирах и с саблями, сверкающими на солнце; гусары; легкая кавалерия в лице африканских стрелков и зуавов на арабских скакунах; сахарские спаги. Повсюду глаз наткался на могущественные атрибуты нации, способной поставить под ружье полмиллиона человек – доблестных бойцов, вызывающих зависть мира. От Северной Африки до Таити, от Китая до Сомали, от Мадагаскара до Вест-Индии войска Франции соперничали с Англией, стремясь расширить французские владения и нести цивилизацию в мир. «Да, – думал генерал, – короли и императоры приходят и уходят, но Франция всегда будет уповать на своих военных, которые верно служат ее интересам и защищают ее Богом данную роль цивилизатора мира. Франция преодолет нынешние трудности, как преодолевала всегда».

А преодолеть их она просто обязана, ибо сегодня в вечернем парижском воздухе ощущалось нечто новое: какая-то особая энергия, возбуждение и ощущение опасности. В воздухе Парижа всегда можно было что-то найти: любовь или похоть, революцию или интриги. Сейчас в воздухе веяло перспективой войны с пруссаками, чей король оскорбил Францию. Это оскорбление выплеснуло на тротуары дерзкие, чванливые толпы, полные легкомысленной самоуверенности, какую всегда испытывают те, кому не придется воевать. Парламент раскалился от негодования, газеты исторгали огонь. Люди собирались на перекрестках и в парках, слушая зажигательные речи. Каждая стена была обклеена объявлениями. Слухи питали сплетни, сплетни становились новостями, а новости заставляли всю Францию негодовать.

Как здорово быть военным сейчас и наслаждаться уважением и почтением людских толп, салютующих каждому человеку в форме! Особенно в генеральской. На пути его кареты мужчины приподнимали шляпы, женщины восторженно махали, отовсюду доносились возбужденные крики «Vive la France!», «À Berlin!» и «Vive la guerre!»¹⁹. После четырех войн, повысивших его в чине, Делакруа находился дальше от поля битвы, но ближе к славе.

Элизабет испытывала экстатическое возбуждение. Это был ее светский прием, торжество, над которым она столько трудилась и на которое возлагала надежды. Конечно, не прием года или даже месяца, ведь здесь как-никак Париж. Возможно, прием недели, а для жены полковника список гостей сверкал обещаниями продвижения по службе для нее и Жюля. Список был плодом ее неустанного труда. Обратившись к одной влиятельной особе и убедив ту приехать на прием, Элизабет упомянула ее имя, чтобы пригласить другую, а затем – оба имени

¹⁹ «Да здравствует Франция!», «На Берлин!», «Да здравствует война!» (фр.)

для приглашения третьей... и так, пока все новые и новые гости не убеждались, что прием действительно стоит посетить.

Анри находился в очередном путешествии, отправившись куда-то вглубь России. Куда именно и зачем – этого Элизабет не знала, зато прекрасно знала другое: отсутствие графа позволяло ей занимать главенствующее положение в доме, распоряжаться бюджетом и менять убранство по собственному вкусу. А она должна была изменить убранство. Целых две недели ей усердно помогали дворецкий, повара, слуги и горничные. Все беспрекословно подчинялись ее распоряжениям и репетировали накрытие столов, следили за тем, чтобы каждый предмет был очищен от пыли и поставлен на свое место, чтобы в подсвечниках стояли свечи, медные части газовых фонарей сверкали, ковры были выколочены, а полы вымыты и натерты. Слишком многое предстояло переделать на ее вкус.

Элизабет терпеть не могла, как она говорила, разорение шато, учиненное Анри. Графу претила парижская роскошь. После смерти отца он убрал с глаз долой все, что считал нарочитым и глупым, то есть большую часть прежнего убранства дома. Камень и дерево заменили вычурные украшения и атлас. Вместо изысканных ковров появились грубые африканские ковры. Исчезли мягкие стулья, золоченые рамы картин, консоли в стиле барокко и столики, покрытые эмалью.

Она могла лишь с негодованием наблюдать, как, вопреки ее протестам, деверь уродовал душу дома. Элизабет спасала то, что могла, и украшала свои личные покои в шато, достигая в их убранстве того уровня богатства, какой позволяли эти остатки прежней роскоши и полковничье жалованье мужа. На украшения и наряды она тратила все до последнего су. Будучи полковником, Жюль получал хорошие деньги, но, чтобы считаться в глазах жены богатым, должен был бы иметь доход императора. Если бы не поддержка графа, они бы голодали, поскольку на запросы Элизабет и на еду жалованья Жюля не хватало.

Теперь, когда Анри находился далеко, а до светского приема оставались считанные дни, никто не мешал Элизабет менять убранство дома. Она действовала умно и решительно. Она тщательно обследовала кладовые и четыре чердака, где в пыльных сундуках нашла все необходимое. Когда-то это принадлежало старому графу, гораздо больше, чем Анри, ценившему впечатление, которое производят красивые вещи. На чердаках Элизабет обнаружила сокровища, о существовании которых даже не подозревала: бокалы из синего стекла с миниатюрными портретами придворных Людовика XIV, выполненными эмалью; блюда из твердого фарфора с экзотическими изображениями херувимов, карет и лесных пейзажей; расписной сосновый столик с инкрустацией бельгийским мрамором и имитацией эбенового дерева; мягкие кушетки и стулья с резными ножками, а также шелковые и шерстяные гобелены. Все ее находки были вымыты, вычищены и расставлены по местам, пока дом не начал в большей степени отвечать ее вкусам и понятиям о приличии.

На протяжении всех этих приготовлений Серена держалась в стороне, равнодушная к грядущему приему и не интересующаяся расходами Элизабет. Трудно было бы найти еще двух женщин, так разительно непохожих друг на друга. Серена родилась и выросла кочевницей. Она находила комфорт, обращаясь внутрь себя, тогда как для Элизабет он определялся исключительно внешними условиями. Если Серену устраивал сон на полу, Элизабет требовалась кровать эпохи Людовика XIV под балдахином. Серена была превосходной наездницей. Элизабет морщила нос от конского пота. Серена одевалась просто и обходилась без румян, белил и прочего. Элизабет меняла наряды по шесть раз на день. Каждое время года требовало нового гардероба. Раз в месяц она посещала парижские салоны мод: во-первых, чтобы ее там видели, а во-вторых, чтобы купить самые модные, только появившиеся вещи, будь то кашемировые шали, средства для ухода за лицом или ярко-красные туфли. У нее имелось семь зонтиков, двадцать три подвязки и тридцать одна пара обуви. Бесчисленные шляпы заполнили бесчисленные коробки, стоявшие рядами на глубоких полках в ее шкафу.

Серена вызывала у Элизабет замешательство. Жена Анри воспринималась ею мучительно... *чужой*. Элизабет было трудно познакомиться ее со своими подругами, поскольку Серена не обладала даром говорить о разных пустяках – даром, столь необходимым для гостиных и салонов. Что касается одежды, эта кочевница вообще ничего не смыслила в нарядах. Хорошо еще, что она отказалась от своих пустынных тряпок и приняла французскую манеру одеваться, но предпочитала простые платья без украшений. Элизабет была вынуждена признать, что в красоте Серене не откажешь. Ее угнетала способность этой туземки выглядеть свежей и красивой без всяких парикмахеров и многочасовых сидений перед зеркалом. Элизабет замечала, *как* мужчины поглядывают на жену Анри. Такое было просто невозможно не заметить. И пусть военные и их жены за глаза осуждали Серену, критикуя ее непохожесть, языческие привычки и все такое, тем не менее мужчины пялились на нее. Эти свиньи пялились на Серену. Элизабет взбесило, когда однажды она перехватила взгляд мужа, брошенный на жену его брата. Целый месяц Элизабет отказывалась спать с Жюлем, словно это могло погасить огонь страсти, которую он питал к Серене, в чем Элизабет не сомневалась. Если логика не была ее сильной стороной, то секс являлся оружием, которым она мудро и умело пользовалась. Военная служба подолгу разлучала Жюля с домом, а когда он возвращался, его обуревало вполне естественное желание вновь разжечь огонь брачных уз. Если Элизабет хотела что-то решить с помощью мужа – очередную схему, программу или план, требовавшие его вмешательства, помощи или попустительства, – это было самым подходящим временем. В пылу страсти Жюль становился животным и был склонен обещать что угодно.

Еще несколько лет назад Элизабет отказалась от попыток преобразить Серену в светскую даму, привить ей светские манеры, одеть надлежащим образом и научить вести себя, как положено графине. Ранний порыв помочь жене деверя сменился пониманием того, что в родовом гнезде де Врис должна быть настоящая светская дама. И эта дама – *она*. Всякое отсутствие у Серены светского лоска лишь добавляло такового ей самой. Между тем Элизабет порой чувствовала, что Серена ее обманывает. Правильнее сказать, Анри с Сереной обманывали ее и Жюля. Ведь это Жюль, а не Анри имел осанку графа, и Элизабет, а не Серена выглядела настоящей графиней. Только потому, что Жюль родился младшим сыном, он не имел ни титула, ни денег, тогда как Анри досталось и то и другое. Досталось напрасно, ибо ничего для него не значило. Эх, стань Жюль графом – как страстно она мечтала об этом! – шато де Врис вернуло бы себе былое величие и началась бы сказочная жизнь.

А вместо этого Элизабет была вынуждена занимать второстепенное положение, что вызывало у нее вспышки негодования. Жена не аристократа, а военного, она вращалась в менее блистательных кругах, чем те, куда она стремилась. В этом коренилась еще одна несправедливость, вызванная горестным фактом ее постоянного нахождения на вторых ролях. Будучи женой полковника, она могла доминировать над женами младших офицеров, влияя на их мнение и склоняя к определенному поведению и действиям. Но как жена полковника, она всегда будет находиться в подчинении у жены любого генерала, пусть даже второсортного и не заслуживающего генеральского звания. Эта мысль была для Элизабет просто невыносимой. И потому одной из главных жизненных целей она считала продвижение Жюля по службе и направление его мыслей в соответствующее русло. Она делала все, что в ее силах, дабы у мужа на карьерной лестнице не появлялись соперники. Она неумолимо толкала его вперед и убеждала стать таким, каким он ей требовался. В тридцать один год он стал подполковником, а спустя всего несколько лет – полковником. Элизабет хотела большего, гораздо большего. И как можно быстрее. Маршал Франции к сорока годам – вот что полностью устроило бы ее.

Но сегодня гости, собравшиеся в громадном доме, подтверждали ее значимость. Прием, устраиваемый ею, говорил о впечатляющем успехе. Подъездная дорога к шато была забита великолепными экипажами и красивыми лошадьми. В залах и гостиных фланировали роскошно одетые люди: офицеры в элегантных мундирах, дамы в глубоко декольтированных пла-

тях, с изысканными прическами и драгоценностями, аристократического вида мужчины в брюках, шелковых жилетах и фраках. Весь дом искрился красками и весельем. Если где-то и ощущался страх войны, то только не в шато де Врис. Здесь царили оптимизм и возвышенное сияние уверенности в себе.

В начале вечера Элизабет охватила паника. Анри пока не появлялся, а ведь некоторые гости согласились приехать только из-за него. Она сильно рисковала, зная, какое расстояние нужно преодолеть Анри. По правде говоря, у нее вообще не было уверенности, что он сегодня приедет. Элизабет стояла вместе с Жюлем, приветствуя гостей и поминутно с тревогой поглядывая на дверь. Спрашивающих о графе она успокаивала, выдумывая причины. Но наконец он появился. Из холла донесся шум. Это Мусса влетел в объятия отца. Серена приветствовала мужа гораздо тише и спокойнее. Увидев жену, граф тепло улыбнулся ей и стал пробираться между гостями. Серена шла рядом. Граф и графиня де Врис легко прошли сквозь толпу. Анри был худощавым обаятельным мужчиной с сильными руками, густыми черными волосами и синими глазами, в которых светились ум, любознательность и мудрость. Он явился в запыленных сапогах, на согнутой руке покачивался плащ, но даже дорожная одежда не могла скрыть силы его личности, сразу же распространившейся на помещение. Наконец он оказался перед Элизабет и криво улыбнулся. Жест его руки охватывал все: этот светский прием, гостей, мебель, возвращенную с чердака, и дерзость своей родственницы, решившей в его отсутствие поменять порядки.

– А ты, Элизабет, не сидела без дела, пока меня здесь не было.

– Анри! – Она одарила деверя ослепительной улыбкой и поцеловала в щеку. – Я так рада твоему возвращению! Я очень надеюсь, что путешествие *не слишком* тебя утомило. Здесь так много гостей, которые просто *жаждут* тебя видеть!

Выражение лица Анри показывало, что он совсем не сердится на нее. Сегодня он вытерпит ее гостей и все это великолепие, а завтра быстро вернет дому средневековый облик, столь милый его сердцу. Но сегодняшний вечер принадлежал ей.

– Удивляюсь твоему умению сделать так, чтобы я почувствовал себя столь желанным гостем в собственном доме, – засмеялся Анри.

– Но ты действительно желанный гость, дорогой брат! – воскликнула Элизабет, протягивая ему руку. – Тебе не мешает подкрепиться и освежиться вином, а затем встретиться с теми, с кем ты просто *обязан* поговорить.

– Минутку, Элизабет. – Он повернулся к брату. – Здравствуй, Жюль.

– Здравствуй, Анри.

Жюль сухо пожал брату руку. Его голос зазвенел под сводами зала, а рукопожатие отличалось железной твердостью. Жюль был крепко сбитым, мускулистым мужчиной с квадратной челюстью, пышными усами и тяжелыми бровями над темными, внушающими страх глазами. Он никогда не расслаблялся, никогда не горбился, словно к его спине был приделан стальной прут, и ходил как на параде. В его манерах ощущались напряженность, официальность и определенная помпезность, отчего младшие офицеры шутили меж собой, что полковник даже испражняется, стоя навывтяжку.

Военная служба была для него всем. Он жил ею, дышал ею и мечтал о ней. Он всегда был предельно серьезным и каждое свое действие подчинял исполнению командирских обязанностей. Взгляды Жюля не отличались широтой. Он абсолютно верил в превосходство всего французского. Он родился без чувства юмора и улыбался очень редко. Братья часто расходились во мнениях, поскольку Анри, поездивший по миру, критичнее относился к французским реалиям, а чувство юмора проявлялось у него с детства.

– Как тебе Берлин? – спросил Жюль.

– В самом деле, граф, нам всем любопытно!

Эту фразу произнес генерал Делакура, протолкнувшийся к Анри вместе с генералом Распаяем. Оба были высшими офицерами, но разительно отличались друг от друга во всем: Делакура рослый, крупный и экстраверт по натуре; Распай невысокого роста, щуплый и замкнутый. Делакура был общительным и держался непринужденно, Распай находился в постоянном напряжении, похожий на туго сжатую пружину. Делакура носил моржовые усы, а усы Распая были тоненькими, сильно напомаженными и загнутыми на концах. Жюль сначала отсалютовал своему непосредственному командиру, затем Распая. Делакура небрежно ответил и подал Жюлю плащ. Распай сделал то же самое, добавив шляпу. Полковник нахмурился, но едва заметно. Он пережил краткий миг унижения, ибо с ним обошлись как с адъютантом, однако ничего не подделаешь. Отыскав первого попавшегося лейтенанта, он передал тому генеральские плащи и направил дворецкого, несшего шампанское, в сторону генералов.

Генералы поздоровались с хозяевами шато. Делакура низко поклонился Серене и поцеловал её руку:

– Мадам графиня, как всегда, имею честь оказаться в присутствии самоцвета из Сахары.

– Здравствуйте, генерал, – сдержанно ответила Серена.

Делакура повернулся к Элизабет. Их взгляды встретились, и она покраснела. Надеюсь, что этого никто не заметил, она протянула ему руку:

– Я так рада, что вы смогли приехать, *mon général*²⁰.

– Я едва бы смог отказаться, мадам, – с улыбкой ответил генерал. – Мой адъютант доложил о вашем устном приглашении. Оно было излишним. Я бы ни за что не пропустил ваш прием.

Распай пожал руку Анри и сдержанно улыбнулся. Генерал недолюбливал графа, считал фривольным бродягой без надлежащего понимания обязанностей, налагаемых аристократическим происхождением, человеком, долженствующим при своем графском титуле олицетворять власть и порядок, но не питающим уважения к таким понятиям. В Крымскую кампанию Распай служил с отцом Анри и находил мало сходства между обоими.

Однако сейчас ум Распая был занят Бисмарком.

– Вы намеревались рассказать нам о Пруссии.

Лицо Анри помрачнело. Его путь из Москвы на родину занял полтора месяца. Прежде чем оказаться во Франции, граф проехал через Пруссию. Было ясно: обе страны готовились к войне, однако Анри глубоко встревожил контраст в приготовлениях у пруссаков и французов.

– Да, генерал, но прошу учесть, что мои наблюдения были ограничены. В Берлине я пробыл всего два дня. Навестил старых друзей, однако прусское гостеприимство относительно французских путешественников имеет свои пределы. Я старался проявлять максимум наблюдательности. Скажу одно: Пруссия лихорадочно готовится к войне. Повсюду только и видишь войска и военное снаряжение.

– Во Франции тоже повсюду войска и военное снаряжение, – сказал Жюль.

– Разумеется. Я в этом убедился собственными глазами. Но есть разница.

– Какая же?

– Пруссаки показались мне вполне подготовленными. Они серьезны, предельно серьезны, тогда как Париж по-прежнему веселится на балах и устраивает приемы. – Анри махнул рукой в сторону гостей Элизабет. – Вроде этого.

Распай нахмурился и отмахнулся от слов графа, поднявших в нем волну презрения.

– Возможно, мы более склонны к развлечениям, чем немцы, и можем себе это позволить. А к войне мы готовы всегда. Не далее как сегодня утром военный министр лично заверил императора, что мы готовы до последней пуговицы на солдатском мундире.

²⁰ Мой генерал (*фр.*).

– Возможно, министру стоило еще раз проверить, как это выглядит на самом деле. Мы уступаем пруссакам по части вооружений. Мы уступаем им по части подготовленности войск. В Берлине я повсюду видел упражняющихся солдат. Их пушки начищены до блеска. Стены казарм сверкают свежей краской. Наши казармы обветшали, а наши солдаты пьянствуют.

– Их *казармы*? – Генеральский голос был пронизан сарказмом. – Вы судите о готовности пруссаков по их *казармам*? Их *казармы* не выдержат натиска Франции! Из их *казарм* не раздается ни выстрела, а свежевывкрашенные стены не защитят их от нашей пехоты. Их *казармы* не выработают стратегии и не защитят пруссаков от лучшей армии мира.

– Генерал, одной гордостью в войне не победить, – возразил Анри. – Особенно пруссаков. Или вы забыли битву при Садове?

Битва при Садове была неприятным напоминанием для любого офицера. В этой битве полегло полмиллиона человек и было уничтожено более тысячи артиллерийских орудий. Та война длилась всего восемнадцать дней. Восемнадцати дней хватило, чтобы иллюзия австрийской военной мощи вдребезги разбилась об острие шлема Бисмарка. Франция, единственная на тот момент сила, способная вмешаться, не сделала ничего. И теперь Пруссия стучалась в дверь Франции.

Французский характер попросту не признавал подобных неприятных обстоятельств. Настоящий француз не испытывал ничего, кроме презрения, слыша, что ему надо бояться каких-то пруссаков.

– Вы допускаете серьезную ошибку, сравнивая австрийские вооруженные силы с французскими, – сказал Распай.

– Зато я не ошибаюсь относительно германских войск и их вооружений, – ответил Анри. – В Эссене фабрики Круппа работают круглосуточно. И они, генерал, выпускают отнюдь не штрудели. Они делают казнозарядные пушки²¹, причем тысячами. По железным дорогам безостановочно идут составы с вооружением.

– Видел я их пушки! – презрительно отмахнулся Распай. – Пруссакам хватило бахвальства показать их на Парижской выставке.

– В таком случае вы знаете, что их пушки тяжелее всех имеющихся у нас и по разрушительной мощи не уступают остальной артиллерии Европы.

– Они такие же тяжеловесные, как прусский юмор? – спросила Элизабет, изо всех сил стараясь разрядить обстановку.

– Нет, мадам, как их еда, – ответил генерал Делакруа, и все засмеялись.

– Тогда, боюсь, стол у Бисмарка накрыт основательно, – сказал Анри.

– Если так, брат, наша армия славно попирует, – заявил Жюль. – Мы изголодались по славе на полях сражений. Мы готовы пролить кровь во имя чести Франции.

Анри напрягся. То был давний спор между братьями.

– Жюль, ты ищешь чести для себя и за это готов заплатить жизнями солдат. Но война, если она разразится, не принесет никакой чести. Сама причина войны бессмысленна. Нам не нужна война с Пруссией из-за испанского трона. И даже если бы война послужила какой-то цели, Франция к ней не готова.

Генерал Распай ответил со всей насмешливостью, на какую был способен его голос:

– Чрезвычайно интересно слышать подобную военную мудрость из уст человека, никогда не надевавшего форму своей страны.

Анри слегка улыбнулся:

– Генерал, мне незачем надевать французскую военную форму, чтобы видеть то, что сделано из золота и набито соломой.

²¹ *Казнозарядные пушки* – новый для того времени тип пушек, заряжаемых не через дуло, а через тыльную (казенную) часть ствола.

Распай побагровел от гнева. Кончики его усов вздрогнули. Сделав над собой заметное усилие, он притушил гнев.

– Вы меня оскорбляете, граф, – прошипел он. – Вы оскорбляете честь Франции. Ваши слова отдают предательством. Если бы не ваш отец...

Намереваясь его успокоить, генерал Делакруа положил руку на плечо низкорослого Распая.

– Генерал, я уверен, граф не имеет в виду ничего подобного, – улыбнулся Делакруа. – Ясно, что он не знает об истинной расстановке сил. Давайте не будем сражаться друг с другом. Побережем наш пыл для прусских варваров.

– Генерал, вы просили поделиться моими наблюдениями, – сказал Анри, спокойно приняв вспышку Распая. – Вот я и поделился. Жаль, если они не совпадают с вашими.

– Поле сражения докажет, что ты ошибаешься, – упрямо заявил Жюль. – Многие веками сомневались в решимости и готовности Франции. И веками Франция доказывала ошибочность подобных сомнений. Франция веками показывала миру, что хорошо владеет искусством войны.

– И в этом твоя ошибка, Жюль. Ты упражняешься в искусстве войны. Пруссаки превращают войну в науку.

– Тогда наше военное искусство усмирит их науку, – весело произнесла Элизабет. – А теперь, поскольку мы уже казнили Бисмарка и выиграли войну, давайте оставим эту тему и поговорим о чем-нибудь другом.

А сверху за торжеством наблюдали два малолетних вуайериста, испытывая при этом несказанное удовольствие. Они ползли из одного конца дома в другой, перемещаясь по грязным половицам, проложенным под балками, и тайком подглядывали за взрослыми внизу. Год за годом скрытые проходы, соединяющие верхние комнаты шато де Врис, раскрывали этим изобретательным и вечно любопытным мальчишкам все новые и более волнующие тайны. Среди удивительных открытий были смотровые отверстия над некоторыми комнатами первого этажа. Даже граф, который в своем детстве вдоволь напознал по проходам, не знал о существовании этих отверстий. Они были искусно встроены в гипсовые карнизы, проложенные по периметру каждого потолка в шато, и из комнат казались элементом потолочных украшений. К тому же потолки отличались достаточной высотой, и потому снизу отверстия все равно нельзя было разглядеть. Маляры, красившие потолки, посчитали их вентиляционными. Однако те не являлись элементами украшений и не служили целям вентиляции, поскольку для открытия каждого требовалось приподнять половицу тайного прохода. Для этого на ней имелись маленькие выемки для пальцев, облегчающие подъем. Смотровые отверстия были проделаны каким-то забытым предком с какой-то неизвестной целью.

Сейчас они служили для развлечения ребят, находящихся прямо над головами нескольких гостей, которые окружили один из фуршетных столов в столовой. Оба жадно всматривались в нечто, надолго приковавшее их внимание. Этим нечто были пышные белоснежные груди баронессы Селестины де Шабрийян, чье низкое декольте казалось другим женщинам вызывающе смелым. Для мальчишек, глазеющих сверху, баронесса выглядела полуголой. Тугой лиф ее платья заставлял груди выпирать, делая похожими на две сочные дыни, разделенные глубоким каньоном, куда уходила река жемчуга. Баронесса была поглощена разговором с второстепенным дипломатом из австрийского посольства, который перебрал шампанского и не мог оторвать глаз от ее бюста.

– Как ты думаешь, зачем они нужны? – шепотом спросил Мусса.

– Жак говорит, их можно тискать.

Жак был соучеником и сверстником двоюродных братьев и, как им казалось, знал о мире гораздо больше, чем они.

– Ага. – Мусса скорчил рожу. – А тискать зачем?

– Не знаю. – Поль задумался. – По-моему, если их сжать покрепче, они лопнут.

– Merde, – ответил Мусса.

– Жак еще говорит, что их можно целовать.

– Жак готов целовать что угодно.

– Я однажды видел, как он ел саранчу. Так вот, прежде чем отправить ее в рот, он посмотрел ей в глаза и поцеловал.

– Merde, – повторил Мусса, так и не решив для себя, что менее противно: та тетка или саранча.

Он выпрямился и глотнул шампанского из бутылки, которую они стащили на кухне. Вкус заставил его поморщиться и вытереть рот рукавом. Голова кружилась. Мусса передал бутылку Полю, продолжавшему глазеть на гостей матери:

– Держи. Глотни еще.

Поль ошупью потянулся к бутылке, взял за горлышко, отчего бутылка наклонилась. Он выпрямился с такой поспешностью, что ударился головой о балку. В глаза хлынул мусор. Мальчишки лихорадочно схватились за бутылку и сумели ее поймать, но уже после того, как она покатила по полу, исторгнув большую лужу пены и содержимого. Ручеек шампанского потек прямо к смотровым отверстиям. Мусса округлившимися глазами следил, как вино быстро уходит вниз.

– Быстрее! Перекрой путь!

Поль наступил на ручеек и захихикал. Из-под его башмака полетели брызги шампанского.

– Тсс!

Муссу тоже разобрал смех, но он сорвал с себя рубашку и бросил на ручеек, возводя преграду.

– Готово!

Ребята молча прильнули к смотровому отверстию. Им не терпелось увидеть, как себя поведет ускользнувшее шампанское. Вино заполнило неглубокую выемку в гипсовом карнизе и вытекло сначала через одну дырочку, затем через другую, образовав два маленьких водопада, которые тут же иссякли, а шампанское полилось вниз. Одна струйка попала на туфлю дипломата, который не обратил на нее никакого внимания, а вторая – на грудь баронессы. Та не только обратила внимание, но и ужаснулась. Тихо вскрикнув, дама взглянула вверх, однако поток прекратился так же внезапно, как и начался.

– Отвратительно! – пробормотала баронесса и поспешила удалиться, вытирая грудь носовым платком.

Недоумевающий дипломат остался наедине со своим бокалом.

Генерал Делакура наконец-то сумел уединиться с Элизабет в уголке зала. На это понадобилось время и терпение, поскольку все гости жаждали расспросить его о пруссаках, а Элизабет вела себя, как и надлежит радушной и обаятельной хозяйке. И вот они остались наедине.

– Элизабет, вы сегодня бесподобно выглядите, – сказал он.

– Благодарю, – улыбнулась она, осторожно поглядывая ему за спину, дабы убедиться, что их никто не видит.

– Я вас хочу, – заявил генерал.

– Бернар, ну не сегодня же, – ответила покрасневшая Элизабет.

– Именно сегодня. Мне не дожидаться. Давайте найдем подходящее место.

– Пожалуйста, будьте благоразумны! Это же светский прием! Я должна заботиться о гостях!

– Элизабет, я тоже ваш гость.

– Вы знаете, о чем я. Здесь мой муж! Мы можем встретиться завтра.

– Завтра меня может не быть в Париже. Император вот-вот объявит войну. Элизабет, у нас нет времени.

Делакруа был на голову выше Элизабет и сейчас, глядя на нее сверху вниз, ощущал непреодолимое плотское вождление. Рядом с ним стояла красивая женщина. Ноздри генерала улавливали аромат духов в ее длинных светлых волосах, уложенных затейливыми локонами в высокую прическу. Ее покрасневшие щеки были нежными, глаза – зовущими, а полные алые губы – еще более зовущими. Для сегодняшнего торжества она надела облегающее шелковое платье. Элизабет всецело окутывала генерала собой.

Сегодня он овладеет ею.

– Элизабет, возможно, завтра мы все отправимся на войну, – напирал Делакруа. – В том числе и Жюль. Вы знаете, я могу ему помочь. Я и дальше хочу ему помогать. – Делакруа обернулся, взглянув в сторону столовой, где по-прежнему толпились гости. – К тому же он не обращает на нас никакого внимания.

Делакруа говорил правду. Жюль был поглощен разговором с другим полковником. В руках он сжимал большой бокал шампанского, далеко не первый за сегодняшний вечер. При таком скоплении гостей он ничего не заметит.

Это было слишком опасно, на редкость возмутительно и в то же время очень соблазнительно. Элизабет не испытывала плотского влечения к Делакруа. Ее влечение к генералу было иного рода, более всеохватным, нежели удовлетворение похоти. То было обещание власти, продвижения ее замыслов, возможность всего, что так много значило для нее в этом мире. Делакруа был могущественным; близость власти возбуждала ее, что, в свою очередь, возбуждало в ней плотское желание. Она посмотрела на генерала, ее сердце забилося быстрее, и она начала решать не когда, а где.

Естественно, она делала это ради Жюля. Все всегда делалось ради Жюля и его карьеры, ради семьи и да, ради Франции. Каждый сыграет свою роль: он на поле сражения, она – дома, и вместе они достигнут главной цели, к которой она стремилась, – жезла маршала Французской армии.

Она спала с генералом еще со времен Итальянской кампании, когда Жюль получил повышение и из подполковника стал полковником. Его направили в итальянский гарнизон, который столкнулся с противником возле Ментаны. Жюль командовал отрядом, чья численность составляла почти бригаду, и случайно наткнулся на гораздо меньшую и плохо вооруженную роту итальянцев, которые во время бури оторвались от основных сил их предводителя Гарибальди. Инцидент оказался одним из тех поворотных моментов войны, что происходят не благодаря стратегии и учету всех обстоятельств, а являются результатом полной случайности, становящейся настоящей удачей. Инцидент ничего не говорил о полководческих качествах Жюля или об отсутствии таковых, поскольку обе стороны испытали лишь крайнее удивление. Без единого выстрела, взмаха сабли или отдания приказа Жюль попросту появился на фоне крупного французского подразделения, состоявшего из пехотинцев и всадников, которое быстро окружило скромный отряд итальянских солдат. Все закончилось, не успев начаться.

Однако в Итальянской кампании, краткой и скучной, где ощущался серьезный недостаток боевых действий, эта стычка с каждым пересказом обретала все более героический облик. Подробности становились все ярче, а исход «битвы» выглядел все неопределеннее. К моменту прибытия в штаб уже повсюду знали о том, что Жюль де Врис – находчивый герой, командующий доблестными воинами. Это был триумф иллюзии. Жюль, оставшийся в составе основных сил, понятия не имел, почему банальная встреча с итальянцами получила такой отклик. Генерал, позднее сообщивший ему о производстве в полковники, не расспрашивал о подробностях. Жюль тоже счел за благо помалкивать.

Элизабет не знала, что сыграло решающую роль: ее связь с генералом, переспать с которым она решила еще до отъезда мужа в Италию, или удача самого Жюля на поле битвы. Вообще-то, ее это не занимало; главное – желаемый результат достигнут. Генерал Делакура быстро похлопотал о поощрении Жюля и с энтузиазмом поддержал его повышение в звании, дав понять Элизабет, что теперь станет присматривать за новоиспеченным полковником, беречь от превратностей воинской жизни и делать так, чтобы подворачивающиеся возможности доставались именно ему. Повышение в чине сопровождалось новым назначением на более сидячую работу в штабе Императорской гвардии. Это означало, что отныне Жюль будет служить в Париже и реже отлучаться из столицы. Элизабет это нравилось. Теперь муж сможет больше времени проводить с ней и Полем.

Элизабет ни на мгновение не считала свою связь с Делакура адюльтером. Она не была неверной женой, а лишь проявляла житейский практицизм. Их первая встреча произошла в Отель-де-Виле, в генеральских покоях с шелковыми занавесками, мягкими персидскими коврами и великолепной кроватью под балдахином, оставшейся от эпохи Людовика XIV. Поначалу Элизабет охватил трепет, ибо она знала, что делает, вступая на неведомую тропу, полную опасностей. Бабочки в ее животе стремительно запорхали еще до генеральских прикосновений. И когда он впервые вошел в нее, она закрыла глаза и прочувствовала, с кем спит – с могущественным человеком, сидящим рядом с императором и командующим французскими легионами. От этого ее охватил жар; она пришла в неистовое возбуждение и совоплялась как безумная. Длинные ногти Элизабет оставляли глубокие царапины на спине генерала, чьи постельные утехи никогда не знали такого вихря и ненасытности плоти.

Она продолжала любить Жюля, и ее любовь к нему не стала меньше. По сути, произошло нечто противоположное. Сейчас она ощущала близость к нему сильнее, чем прежде, сознавая, что играет ключевую роль в их совместных усилиях, направленных на его продвижение по карьерной лестнице. Она хорошо знала Жюля и подозревала, что он не обладает выдающимися воинскими навыками и что последние повышения по службе в большей степени обусловлены его способностью беспрекословно выполнять приказы, нежели его качествами стратега и полководца. В этом не было ничего плохого; вся армия держалась на выполнении приказов. Это лишь означало, что он может использовать каждую подвернувшуюся возможность для своего продвижения. Ее не смущало, что во всех местах, где решались вопросы, связанные с властью: от Тюильри до парламента и от императора и ниже, – плоть в данный момент была средством оплаты. Другие женщины, причем многие, делали то же самое, и потому ей приходилось втираться в доверие и подлизываться. Ее не утешало, что в подобных занятиях она далеко не одинока. Она не нуждалась в одобрении своих действий. Поступки других ее не волновали.

Элизабет стояла в зале с Делакура, наслаждаясь опасностью и возбуждением, которое испытывала от обилия генералов, дипломатов и аристократов, собравшихся под крышей шато. Она глянула поверх генеральского плеча, и ее пульс участился. Она приняла решение.

– Идите за мной, – шепнула она, слегка коснувшись его руки.

Стремительно повернувшись, она прошла в дальний конец зала, завернула за угол и направилась на кухню. Там была дверь в кладовую, которой пользовались редко. Идя туда, Элизабет надеялась, что выглядит вполне собранной. Только бы не столкнуться с мадам Леавр, ненавистной ей поварихой. Мысль об этом пугала Элизабет. Но повариха находилась в другом конце кухни и зычным голосом отдавала распоряжения слугам. Открыв дверь кладовой, Элизабет прошмыгнула внутрь. Через мгновение туда же вошел генерал, бесшумно прикрыв за собою дверь. Засова с внутренней стороны не было, зато была деревянная лесенка, по которой забирались на верхние полки. Генерал пододвинул ее к двери и втиснул поперечную скобу под дверную ручку так, чтобы дверь не смогли открыть.

Элизабет заключила генерала в объятия. Звуки дома стали тише. На кухне прислуга гремела тарелками и бокалами. Голоса слились в негромкий гул. Изредка доносился взрыв смеха.

Они целовались долго и страстно. Элизабет расстегивала пуговицы на генеральском мундире, а генерал возился с застежками ее платья. Снимать платье он не стал, а лишь приспустил с плеч.

Оба застыли, услышав, как снаружи кто-то дергает ручку. Убедившись, что дверь заперта, неизвестный удалился.

– *Ce n'est rien*²², – прошептала Элизабет. – Кто-то ошибся дверью. Но нам надо поторапливаться!

Генерал окинул взглядом кладовую. Вдоль двух стен, от пола до потолка, тянулись бурые деревянные полки, уставленные сотнями жестяных и стеклянных банок, а также бутылок. Возле одной стены, в углу, находился стол, используемый для консервирования. Сильные руки генерала подняли Элизабет в воздух и перенесли на стол. Попутно он захватил с полки несколько фартуков, соорудив из них импровизированную подушку. Делакруа лихорадочно расстегнул брюки и спустил их, преодолевая сопротивление собственного вздыбленного члена. Генерал тяжело дышал. Завернув подол платья Элизабет, он разложил ее на столе с распростертыми руками.

– Бернар, входите в меня побыстрее, – тихо произнесла она.

И в то же мгновение он вошел в нее. Его рука сжимала одну грудь, губы сомкнулись вокруг соска другой. Он полустоял, полулежал на Элизабет. Их тела начали двигаться в едином ритме страсти.

Мусса и Поль сидели в сумраке потайного прохода, сравнивали впечатления от слежки за гостями и допивали остатки шампанского. Пьяными они не были. После падения бутылки вина в ней оставалось совсем немного, но оба испытывали приятное тепло во всем теле и легкое головокружение.

– *Une soirée magnifique!*²³ – заявил Поль с уверенностью настоящего знатока, хотя до этого никогда не видел приемов ни в шато, ни в других местах.

– *Merveilleux!*²⁴ – согласился Мусса. – Особенно гусь.

Они славно повеселились. Большую часть времени мальчишки провели в тайном проходе, разглядывая сверху лысины, шляпы с перьями и телеса баронессы. А еще они сумели спрятаться под фуршетным столом и насмотреться на туфли, сапоги, нижние юбки и панталоны. Поль хотел было связать шнурки на туфлях у одного банкира, но тот отошел, не дав закончить. Затем мальчишки добавили уксуса в несколько открытых бутылок шампанского и натолкали редиски в торт. Набив карманы разными вкусностями, они ушли за дом, где устроились под деревом, наблюдая за приезжающими и отъезжающими гостями. Шнурки вдохновили Муссу проделать то же самое с конскими хвостами. Ребята прокрались за спинами ливрейных лакеев, стоящих у карет. Пригибаясь к земле, они привязали несколько конских хвостов к каретам, после чего связали поводья у разных карет. Изрядно нашкодив, мальчишки беспрепятственно сумели вернуться под дерево.

А затем произошла история с гусем. Когда это случилось, ребята были на кухне. Какая-то дворняжка, пробравшись сквозь лес ног гостей, юркнула под фуршетный стол, откуда выбежала в коридор и очутилась на кухне, где нагло схватила целого жареного гуся, которого мадам Леавр собралась нарезать. Повариха была женщиной дородной, всегда носившей простое черное платье и белый накрахмаленный фартук. Если повариху охватывало соответствующее настроение, ее действия отличались предельной серьезностью. При виде четвероногого воришки глаза поварихи вспыхнули свирепым огнем. Она схватила мясницкий нож и погналась за тщедушным псом, весившим почти столько же, сколько гусь, болтающийся в его пасти.

²² Ничего особенного (*фр.*)

²³ Великолепный вечер! (*фр.*)

²⁴ Чудесный! (*фр.*)

Оба выскочили из задней двери, настежь открытой для прохлады, и помчались по лужайке. Мадам Леавр была отнюдь не молодой. Мальчишек удивило, что она способна так быстро бегать, однако пес бежал быстрее. Кражу гуся повариха расценила как личное оскорбление. Поймай она дворняжку – располосовала бы вдоль и поперек. Однако псу повезло, и он улизнул вместе с трофеем. Для ребят это было главным событием вечера, чего не скажешь о мадам Леавр. Вспоминая о нем, оба были от смеха.

– Вспомнил про гуся и снова проголодался, – признался Поль. – Схожу-ка я на кухню и раздобуду нам еды.

– С такой-то чумазой физиономией? Уж лучше я пойду, или ты сначала умойся.

Даже в сумраке было видно, какое грязное лицо у Поля. На щеках белели борозды, оставленные шампанским. Это была особая чердачная грязь, которая при попытке ее смыть только размазывается по лицу. Если он появится внизу, подумают, будто его изваляли в луже, а идти сейчас умываться претило его душе.

У Муссы вид был не лучше. Верхнюю часть туловища покрывал слой все той же грязи, делавшей заметнее длинный шрам под грудной клеткой, оставшийся после столкновения с кабаном четыре года назад. Его рубашка, которой он преграждал путь шампанскому, валялась где-то в проходе. Но лицо оставалось сравнительно чистым.

– Ладно, – согласился Поль. – Иди ты. Надень мою рубашку. Пока ходишь, я слазаю за твоей.

Поль снял рубашку и протянул Муссе, который надел ее через голову и открыл потайной люк, ведущий в их комнату.

Поль двинулся по проходу. Миновав стену, окружавшую черную лестницу, он пополз дальше. По пути он останавливался и заглядывал в каждое смотровое отверстие. Заглянул в кабинет графа, где было темно. Заглянул в пространство кухни и увидел Муссу, разговаривающего с мадам Леавр. Потом заметил половицу с выемкой, которую они, кажется, еще не поднимали. Подняв ее сейчас, Поль опустился на колени и приткнулся к смотровому отверстию. Он увидел часть стола и две руки – мужскую и женскую. Похоже, внизу находилась кладовая. Поль чуть сдвинулся, чтобы видеть получше. Сначала Поль не понимал, что видит. Но когда его мозг уразумел виденное, глаза мальчика округлились.

На столе он увидел свою мать, лежащую на спине. Рядом был мужчина в военной форме. Генеральской. Поль заметил пояс Императорской гвардии. Генерал нагнулся над матерью; его брюки были спущены ниже колен. Оба качались взад-вперед, издавая странные звуки. Остальное Поль видел как в тумане. Его взору открылись материнские груди, которые прежде он не видел или видел очень давно и не запомнил; такие же, как у баронессы, груди, но это были груди его матери, совершенно голые. Ее платье было спущено с плеч. Мужчина мямл ее груди и целовал их – *он их целовал!* Мать лежала с закрытыми глазами. Поль догадывался, что мужчина не делает ей больно, но не знал, как называется то, чем они занимались. Он не понимал выражения материнского лица и не знал, что вообще происходит, кроме того, что мать была с другим мужчиной и оба как-то странно себя вели. Потом она поцеловала мужчину. Про поцелуи Поль знал. Однажды он видел, как отец целовал мать. Оба думали, будто Поль не смотрит на них. Но поцелуй матери с этим мужчиной отличался от поцелуя с отцом и еще больше отличался от поцелуев, которыми она награждала Поля... Он увидел, как глаза матери широко раскрылись. Она застонала, выгнула спину и произнесла:

– *Oui! Mon Dieu! Oui!*²⁵

Мать глядела в потолок, туда, откуда на нее смотрел Поль. Он испугался и подумал, что она смотрит на него, но потом вспомнил: мать никак не может его увидеть, особенно сквозь

²⁵ Да! Боже мой! Да! (*фр.*)

эти маленькие дырочки. Такое просто невозможно. И все равно он отпрянул от смотрового отверстия и сел.

Поль тяжело дышал, его лицо пылало, сердце колотилось, и эти удары отдавались в ушах. Так с ним было однажды, когда он выпал из замка на дереве и ему отшибло дыхание. Потом дыхание вернулось, но какое-то время оставалось судорожным. Сейчас Поль ощущал нечто похожее, только он находился не в замке на дереве и ниоткуда не падал. Он лишь увидел свою мать и того мужчину. Полю было страшно, страшно до зуда во всем теле. Он понятия не имел, как называется увиденное им, и только чувствовал: это что-то очень личное, что-то такое, чего его матери нельзя делать с чужим мужчиной.

Поль закрыл глаза, чесавшиеся от грязи, потер их и попытался разобраться во всем этом. Ему было стыдно подглядывать за матерью. Поль сознавал: он сделал что-то недопустимое, что-то ужасно неправильное, чего нельзя было делать. Ему нельзя было смотреть, но произошедшего не вернуть. Что сделано, уже не изменить. Лучше бы они с Муссой не забирались сюда, лучше бы он вообще не знал о дурацких смотровых отверстиях и проходах, а сидел бы сейчас в замке на дереве.

Из темноты послышался голос Муссы, звавший его:

– Поль! – (И снова тишина.) – Поль, ты где? Я принес еду. И стянул еще одну бутылку.

Поль!

Поль не отвечал. Он молча сидел, подтянув колени к груди, спрятав лицо в грязных ладонях и изо всех сил стараясь не заплакать.

Спустя четыре дня Луи-Наполеон объявил войну.

Жюль готовился к отъезду на фронт. Его дни превратились в безостановочный поток действий. Он уезжал в Тюильри рано утром и возвращался поздно вечером, едва выкраивая время на еду. Но даже дома, когда все спали, кроме Жюля и ребят, к нему приезжали офицеры и солдаты. Мальчишки следили за ними из окна своей комнаты, выходящей на дорогу к шато. Все делалось в спешке. Курьеры быстро подъезжали к дверям, соскакивали с лошадей и входили в дом, неся депеши. Они громко топали по полу холла. Затем наступала тишина, пока курьеры ждали, а потом топот возобновлялся. Курьеры уезжали, увозя ответные депеши.

Иногда по ночам мальчишки слышали, как Анри и Жюль спорят. О чем – этого они не понимали, улавливая лишь то, что споры касались войны. Мусса хотел выбраться в тайный проход и подслушать, но Поля это не занимало. Он сказал, что ему надоело ползать по грязи.

Поль благоговел перед отцом. Теперь, когда началась война, отец казался ему самым важным человеком в Париже, уступающим по значимости разве что императору. Жюль был самым большим, самым храбрым и наиболее могущественным из всех известных Полю мужчин. Мальчик раздувался от гордости, видя, как солдаты салютуют отцу, замирают в присутствии полковника де Вриса или спешат выполнить его приказ. Полю нравилось смотреть, как отец надевает форму. Отец делал это с отменной тщательностью; каждое движение было точным и упорядоченным, каждый сантиметр ткани отглажен, каждая пуговица начищена, каждая мелочь учтена. Когда полковника не было дома, Поль дотрагивался до его парадной формы, сабли, пистолетов и малиново-красного пояса и пытался себе представить, каково это – быть солдатом. Мальчик мечтал о форме, которую однажды наденет сам.

Два года назад, когда Полю исполнилось восемь, Жюль стал позволять сыну полировать свою саблю. Поль брал отцовскую саблю, словно святыню. Она была больше метра длиной, с эфесом из слоновой кости, заканчивающимся головой орла. Сабля принадлежала его прапрадеду и сослужила тому хорошую службу во время революции 1789 года. Поль проводил пальцем по клинку, делая это осторожно, ибо тот был острым как бритва и он легко мог порезаться. С помощью полировочного средства и мягкой тряпки Поль начищал клинок до тех пор, пока на том не появлялось его отражение. Закончив работу и считая, что справился на отлично,

он показывал саблю отцу. Полковник критически осматривал оружие, всегда находил изъян и выговаривал сыну, как новобранцу:

– Сабля – твой спутник, твой друг. Она продолжение твоей чести. Так покажи свою гордость, сын. Заставь ее выглядеть соответствующим образом.

Порой, как бы Поль ни старался, он не видел изъяна, однако безропотно начинал все заново. Нередко ему приходилось трижды полировать отцовскую саблю, прежде чем полковник принимал работу.

Сейчас, когда Жюль у себя в комнате собирал чемоданы, укладывая туда все: от форменной одежды до туалетных принадлежностей и бумаг, Поль снова полировал отцовскую саблю. Мусса стоял рядом. Ребята все делали вместе, кроме полировки сабли. Мусса помогал тем, что подавал тряпку и держал баночку с полировочным средством, но прикасаться к сабле Поль ему не разрешал.

– А где наши солдаты начнут войну? – спросил Мусса, наблюдая за работой Поля.

– Не знаю, – пожал плечами Поль. – Где-нибудь, где встретят пруссаков и станут их убивать. Наверное, в Пруссии.

– Бьюсь об заклад, твой отец убьет их видимо-невидимо.

– Может, целую тысячу.

Мусса присвистнул. Это казалось слишком много даже для дяди Жюля.

– А как он может убить столько пруссаков?

– Не знаю. Сначала пронзит их саблями. Вот так. – Поль взял саблю обеими руками и пронзил воображаемого пруссака. – Думаю, он и стрелять в них будет, чтобы наверняка.

– А если они в ответ тоже начнут стрелять?

Поль нахмурился:

– Все знают, что пруссаки не умеют целиться. Пруссак – он слабый.

– Не они ли разгромили австрийцев?

– Австрийцы тоже слабые.

Мусса знал, что это правда. Все так говорили.

Наконец Поль закончил полировать саблю. Мальчик был уверен, что та еще никогда не выглядела так великолепно. Он попросил Муссу проверить, и, хотя тот не касался сабли, Поль снова прошелся по клинку тряпкой, затем с величайшим трепетом передал отцу. Отец поднял саблю и стал всматриваться. Поль затаил дыхание, ожидая неминуемого приказа полировать заново. Жюль оглядел клинок с обеих сторон. Посмотрел на дневной свет. Клинок сверкал. Поль хорошо справился с работой. Сын достиг совершенства. Но Жюль не был склонен проявлять нежности и рассыпаться в похвалах. Он даже не мог себе позволить улыбки признательности. К Полю он обращался так, словно говорил с рядовым.

– Хорошо поработал, – сказал Жюль, сопровождая слова коротким кивком. – Принято.

Он положил саблю на стол и продолжил сборы.

Поль был в экстазе.

На следующее утро Жюль покинул дом еще до восхода солнца. Элизабет и мальчики поехали вместе с ним на Северный вокзал. Поль с отцом сидели на переднем сиденье кареты, Мусса и Элизабет – на заднем. После того вечера Поль сторонился матери, не зная, как смотреть на нее и что говорить. Ему было неловко находиться рядом с ней, и потому он старался держаться подальше. Элизабет, поглощенная своими мыслями, этого даже не замечала.

Невзирая на раннее утро, улицы бурлили военной лихорадкой. Карета едва протискивалась среди других карет и повозок. Разносчики продавали газеты, полные галльской страсти. Даже в лае собак и крике петухов ощущалась дерзкая самоуверенность непокорного Парижа. Куда-то спешили толпы солдат, двигаясь в разных направлениях. Из-за обилия фургонов с амуницией и тыловым обеспечением на дорогах постоянно возникали заторы.

Вся лихорадка улиц просачивалась и на железнодорожный вокзал. Движение пассажирских поездов было прекращено. К перронам – один за другим – подавались составы, куда – один за другим – грузились полки солдат. На боковых путях шла погрузка товарных вагонов. Составы отходили чуть ли не каждые пять минут. На вокзал безостановочно прибывали вооруженные люди. Порядок отсутствовал, везде царила неразбериха. Солдаты понятия не имели, куда направляются и где остальные их сослуживцы. Им лишь приказали явиться на вокзал, ничего больше не объяснив. Одни пришли раньше времени, другие опоздали, а некоторые вообще перепутали вокзалы. Многие были пьяны. Кто-то падал и засыпал прямо на платформах, и проходящие грубо пинали их. Женщины порывисто обнимали мужчин и прощались со слезами на глазах.

Жюль сердито проталкивался по платформе, возмущенный хаосом. Элизабет и ребята спешили следом, дожидаясь, когда он останавливался и отчитывал пьяного или приказывал сдвинуть тележки и ящики, загораживавшие проход. Это было безнадежным занятием, но Жюль не был бы Жюлем, если бы не попытался навести порядок.

– Эй, вы! Передвиньте эти ящики! Капрал! Пусть этого пьянчугу отнесут в здание вокзала! Проследите, чтобы его фамилия была отмечена в рапорте... Где ваш командир?.. Где ваша винтовка?.. Кто здесь главный?

Его усилия почти не давали результатов. Кто-то из солдат ухмылялся и показывал неприличные жесты за спиной полковника. Поль, видя это, удивлялся и тревожился, что отцовские приказы не выполняются. Мусса просто глазел по сторонам. Элизабет шла со страдальческим выражением лица. Она боязливо обходила пьяных, горы мусора и ящиков и всячески старалась ничего не задеть, сожалея, что ей не хватило ума проститься с Жюлем дома. Наконец они добрались до нужной платформы. Состав еще только подавали, и им пришлось ждать. Поль стоял рядом с отцом и смотрел, как паровоз выплевывает дым в потолок. Пронзительный свисток разнесся по всему громадному пространству вокзала. Из-под вагонов выплывали клубы пара, окутывая платформу белым туманным покрывалом.

Поль инстинктивно потянулся к отцовской руке, но полковник отдернул руку.

– Ты слишком большой, чтобы держаться за руку, – даже не взглянув на сына, бросил Жюль.

Мальчик опустил руку и почувствовал, как покраснело его лицо. Возбуждение утра сменилось ощущением, что отец действительно уезжает на войну. И это только начало другой жизни, в которую ему предстоит погрузиться. Отец уезжает. Поль не увидит его, возможно, долгое время. Поль не знал, сколько длиться войны. Он спросил Муссу, но тот тоже не знал и предложил спросить Гаскона, который обычно знал все. Но Гаскон лишь пожал плечами:

– Столько, сколько понадобится.

Поль чувствовал комок в горле. Жаль, что нельзя поехать вместе с отцом.

Элизабет стояла рядом с Жюлем. Ее лицо было спокойным, без тени напряжения. Она давно перестала волноваться о том, что муж может погибнуть в сражении. Она настолько уверилась в его маршальском будущем, что смерти придется отойти в сторону, пропустив вперед судьбу. Нынешняя война виделась Элизабет благословением. Именно это ей и требовалось... им обоим. Война потрясаяще ускоряла продвижение по службе. Она говорила *au revoir*²⁶ полковнику, а встречать будет генерала. Она улыбнулась мужу, готовому подняться в вагон:

– Жюль, я уверена, что ты привезешь нам доблестную победу.

Жюль сдержанно поцеловал ее в щеки. Проявление чувств на публике вызывало у него неловкость.

– Я напишу, когда обстоятельства позволят, – сказал он.

– Дядя Жюль, убей как можно больше пруссаков! – воскликнул Мусса.

²⁶ До свидания (фр.).

Жюль махнул племяннику и уже собирался поставить ногу на ступеньку вагона, когда к нему подбежал Поль:

– Отец, подожди! Я забыл! Я сделал тебе подарок!

Улыбаясь во весь рот, Поль протянул отцу фигурку, вырезанную из дубовой дощечки, грубую, но узнаваемую. Игрушечного солдата. Одна рука у него отломалась, поэтому Поль разыскал прутик и превратил в винтовку со штыком, приклеив на место отсутствующей руки. Он нарисовал солдатику лицо и пуговицы на мундире, а из скорлупы грецкого ореха сделал шапку. Деревянный воин слегка улыбался.

Жюль повертел солдата в руках. Подарок сына глубоко тронул его; он догадывался, сколько времени у Поля на эту поделку. Однако лицо Жюля осталось бесстрастным. С таким же лицом он обычно проверял состояние сабли, отполированной сыном.

– Твой солдатик покалечен, – сказал Жюль. – И наши солдаты не носят таких шапок. Тебе надо быть внимательнее. – Он опустил солдата в карман мундира. – Ладно. Сделай другого, поаккуратнее.

Повернувшись, Жюль скрылся в вагоне.

Глава 5

– Через неделю мы переправимся на другой берег Рейна, а через две будем в Берлине, – с уверенностью предсказывал Жюль, когда еще находился в Париже.

Такова была скорость продвижения французской армии во всех войнах, которые вела Франция последние двести лет. Но не в этот раз и не в войне с Пруссией. Известия с фронта вызвали отчаяние. Число поражений нарастало с ошеломляющей быстротой. Ожидавшегося вторжения в Пруссию так и не произошло. Задержки и нерешительность парализовали французскую армию, а в это время прусские войска и артиллерия хлынули во французские области Эльзас и Лотарингию. За скромной победой французов под Саарбрюккеном последовала стремительная череда унижительных поражений в Форбаке, Вёрте и Висамбуре. Страдая от телесных недугов, Наполеон III передал всю полноту командования маршалу Базену, армия которого оказалась запертой в городе-крепости Меце близ прусской границы. Пруссаки окружили город, взяв в железные тиски, перерезали телеграфные провода и стали сооружать временную железную дорогу, чтобы облегчить переброску войск для осады. А она, по всем расчетам, ожидалась длительной.

Французские войска оставляли одну линию обороны за другой: сначала позиции на реке Саар, затем на Мозеле и далее на Маасе. Нанси они сдали без боя четверым прусским солдатам. Оборона перевалов в Вогезах тоже пала. Страсбург был изрешечен вражеской артиллерией, Туль находился под осадой. В Живоне французские войска охватила паника от одного только вида надвигающегося противника, и они разбежались, попрятавшись по лесам. Части, находившееся в Гравелоте, оказались храбрее. Они подали сигнал к бою, стояли до конца и погибли. Над Францией разверзлись небеса, и в этой буре все громы и молнии принадлежали пруссакам, а дождь целиком состоял из французской крови.

Так было везде. За поражением следовала катастрофа. Кончилось тем, что Третья армия под командованием прусского крон-принца погнала войска генерала Мак-Магона вглубь французской территории, угрожая ударить по Парижу. Измученная, голодная и ошеломленная слувившимся, армия Мак-Магона отступила к Шалону.

Жюлю не было свойственно погружаться в донесения о неудачах и отступлениях. В невзгодах он всегда черпал силу, а поражение придавало ему решимости. Он находился в составе четырех корпусов новой армии, насчитывающих сто сорок тысяч солдат, и двигался на соединение с силами маршала Базена, успевшего передать по телеграфу свое намерение прорвать осаду Меца.

Ей-богу, Франция еще покажет этим пруссакам.

Покажет всему миру.

И хотя у Жюля был повод для оптимизма, его настроение оставалось мрачным. Происходили крупные сражения, тысячи солдат отдавали свои жизни, а его сабля дремала в ножнах, пистолет сверкал чистотой, и он ни разу не вынул из чехла винтовку. Он пока не видел ни одного пруссака, даже пленного. Вместо этого его полк переместили в тыл новой армии, где его солдаты ловили мародеров и поджигали французские склады, чтобы те не достались врагу. То и другое лишь отупляло солдат, понижая их боевой дух.

Там, где проходила армия, не оставалось ни прутика, ни кустика, ни травинки. Нижние ветви деревьев – и те срезались. Посевы целиком были втоптаны в землю. Все, что не успели вывезти, давилось колесами, копытами и сапогами до состояния неузнаваемого месива. Кажется, по здешним местам пронеслась огромная стая саранчи, пожирая все на своем пути. И вот по этой жуткой рукотворной пустыне Жюль вел свой полк, высматривая отставших солдат и бдительно следя, не появятся ли пруссаки. Однако те не появлялись. Расчет на соединение с Базеном зависел от скорости, но погода и местность словно сговорились, чтобы замедлить

продвижение. Над головами солдат разразилась сильнейшая гроза, сопровождаемая ливнями. Фургоны вязли на раскисших дорогах; их приходилось опрокидывать и оттаскивать в сторону. Пушки пришлось бросить. Без сухих дров невозможно было развести костры. Солдаты довольствовались сухим пайком, пили горькое вино и жались друг к другу в насквозь промокших палатках.

Жюлю с каждым часом прибавлялось хлопот в тылу армии. Число дезертиров постоянно росло; тех, кого ловили, арестовывали и отправляли обратно в Шалон. Повсюду встречались солдаты, оставшие от своих полков. Сначала их были десятки, затем уже сотни. Многие были пьяны до бесчувствия и падали в придорожные канавы. Армия прошла через Реймс, где не сумела достать провиант в нужном количестве. В результате солдаты стали грабить местных крестьян. Армия отбирала у них все: от скота и зерна в амбарах до запасов продуктов в кладовых. У крестьян остался лишь гнев, яростно выплескивавшийся на Жюля и его людей.

Негоже было гордому полковнику Императорской гвардии убирать за деморализованной армией. Где же враг, на битву с которым он рвался?

Жюль знал только один способ избавиться от дрянного настроения.

Нужно отыскать хотя бы нескольких пруссаков и уничтожить их.

– Здравия желаю, господин полковник, – отсалютовав, произнес майор Дюпре, эскадрон которого подъехал навстречу Жюлю. – Все спокойно. Ночные патрули доложили обстановку. Они углублялись на десять километров во все стороны. – Майор махнул рукой на юго-восток, где поднимались невысокие горы, затем на юг, где едва виднелась цепь деревьев. – Если пруссаки появятся, их надо ждать оттуда.

– Они непременно появятся, причем скоро, – кивнул Жюль, глядя в сторону стада коров, исчезающего в лесу позади армии. – Мы же не мчимся через всю Францию. – Он обернулся через плечо. – Дожди хотя бы прибили пыль. По крайней мере, теперь видно, что к чему.

Жюль вынул из рюкзака полевой бинокль и стал медленно, методично осматривать горизонт на юго-востоке. Там были пруссаки, в этом он не сомневался. Вчера целый день слышалась отдаленная канонада и эпизодические перестрелки. Однако и в бинокль он ничего не увидел. Дело дрянь.

С северо-востока примчался вестовой. Чувствовалось, он несся сюда во весь опор.

– Господин полковник! Генерал Мак-Магон поворачивает свою армию на север для пополнения запасов продовольствия в Ретеле. Вам приказано сосредоточить ваши патрули на юго-востоке. По мнению генерала, именно там произойдет столкновение с пруссаками.

– Генерал направляется в Ретель? – переспросил Жюль, желая удостовериться, что не ослышался.

– Да, господин полковник. У Седьмой армии до сих пор нет патронов. С едой туго. Раздобыть провиант у местных крестьян не представляется возможным. Генерал хочет растянуть имеющиеся запасы еще на четыре дня, пока наша армия совершает обход.

Отсалютовав, вестовой вновь умчался.

– Боже мой, господин полковник! Поворачивать на север – это безумие, – сказал майор Дюпре. – Мы и так еле тащимся. А теперь нам приказывают изменить направление и идти опасным путем. Пруссаки поймают нас в ловушку. Мы не успеем вовремя соединиться с войсками генерала.

Жюль сам не верил в такую возможность.

– Полагаю, вы правы, майор. Но раз Ретель, значит Ретель. Будем выполнять приказ.

На холмах Аргонны в окружении каменистых картофельных полей и островков берез и ясеней стоял небольшой крестьянский дом. Позади находился сарай. Оба строения были старыми, ветхими и разваливающимися, с протекающими крышами, треснутыми стеклами в

окнах и дверями, которые не закрывались. Все говорило о бедности этого места, способного еле-еле прокормить живущих здесь. За сараем виднелось русло речки, которая весной и в начале лета несла воды с холмов в Маас. Сейчас русло пересохло. Основная часть армии прошла западнее, поэтому у здешних жителей уцелели лошади, вол, свинья и куры.

Сарай полыхал. Испуганные животные кружили по двору, кричали, визжали и пытались перепрыгнуть через забор. У двери дома виднелась коновязь с шестью оседланными лошадьми, но людей вокруг не было.

Майор Дюпре, находившийся в нескольких километрах от дома, видел густой столб дыма над горящим сараем.

– Пруссаки? – спросил он, указывая на дым.

Жюль прильнул к биноклю:

– Возможно. Давайте разведем.

Они быстро поскакали к дому, внимательно следя за окрестным лесом. Там было тихо. Лес казался пустым, даже птицы не порхали. Осторожно приблизившись к дому, они увидели все тех же лошадей, привязанных возле входной двери.

– Это не прусские лошади, – сказал майор. – И не французской армии. – Он задумался. – Может, нерегулярные части?

– Если да, они не должны... – начал было Жюль, но осекся, услышав мужской смех, сменившийся ужасающим стоном, который становился все громче.

Из задней двери выскочила молодая женщина, прижимая к груди маленького ребенка. Свисавшие со лба волосы почти закрывали испачканное лицо. И тем не менее Жюль разглядел миловидные черты ее лица. Платье было разорвано на шее и свисало с плеча. Она бежала, вздымая пыль и волоча одну ногу. Судя по всему, у нее была деформирована стопа. Женщина бежала к фасаду дома и вдруг увидела Жюля и его солдат. Испугавшись, она резко выпрямилась. Стон превратился в пронзительный крик. Женщина в отчаянии оглянулась по сторонам и побежала к горящему сараю.

Жюль торопливо спешил к женщине. Майор Дюпре отправил двоих солдат проверить усадьбу по периметру. В этот момент из задней двери появился мужчина. На нем была форма капитана франтирёров. Он громко хохотал и хлопал в ладоши, словно в такт танцу.

– *Ma chérie!*²⁷ – крикнул он женщине вслед. – Ты так рано нас покидаешь! А мы только начали!

Женщина не переставала стонать. Она скрылась за стеной горящего сарая, волоча увечную ногу и держа путь к воротам. Капитан франтирёров устремился за ней. Следом за капитаном из дома вышли его люди. Все они были в серой форме, хлопали в ладоши, смеялись и пили бренди, передавая бутылку по кругу.

– Капитан! – Голос Жюля прогремел, как раскат грома.

Изумленный капитан обернулся. Увидев полковника, он застыл, перестав улыбаться во весь рот. Жюль не сводил с него глаз. Полковника замутило. Он уже догадывался, что здесь происходит. Жюль был наслышан о франтирёрах. Так называли нерегулярные войска, фактически являвшиеся партизанскими отрядами. Франтирёров мобилизовали после первых поражений французских войск. На них возлагалась обязанность чинить препятствия пруссакам, устраивать засады, перерезать линии снабжения и сеять смятение во вражеских рядах. Они же должны были сражаться с прусскими уланами, которых отправляли мелкими группами, чтобы наводить ужас на местных жителей. Франтирёры отрицали привычную армейскую дисциплину, предпочитая свободно перемещаться и использовать тактику различных уловок и ухищрений. Сражались они свирепо, однако получали немало обвинений в свой адрес за чрез-

²⁷ Дорогуша! (фр.)

мерную жестокость не только к врагам, но и к гражданскому населению. Говорили, что франтиреры с необычайным рвением резали глотки пойманым пруссакам, брали части вражеских тел в качестве трофеев, а придуманные ими пытки были затяжными и отвратительными. Жюль не знал, где тут правда и где домыслы. Он собственными глазами видел франтиреров в Шалоне, найдя их грубыми и неуправляемыми. «Половину из них следует отдать под трибунал, – подумалось ему, – а вторую выгнать взащей». Те, что находились сейчас перед ним, продолжали смеяться, хотя и тише, и все так же передавали бутылку по кругу. На Жюля и его солдат они смотрели с нескрываемым презрением.

– Майор Дюпре, отправьте нескольких солдат на тушение пожара. Пусть позаботятся о животных и выведут их за забор.

Отдав распоряжение, Жюль снова повернулся к капитану франтиреров. Вид у того был неопрятный, и от него разило алкоголем. Это был рослый, сильный мужчина с окладистой черной бородой, особенно выделявшейся на фоне гривы седеющих волос. Густые брови бросали тень на глаза, покрасневшие от обильной выпивки, но смотревшие дерзко и угрожающе. Всем своим видом капитан производил впечатление человека, которого насильно оторвали от важного дела.

– Капитан! Какого черта вы тут торчите?!

– Да вот, проезжали мимо и увидели нескольких...

– Капитан, обращаясь ко мне, извольте называть меня полковником! Или вы забыли, как приветствовать старшего по званию? Ваше имя! Как называется ваша часть?

Капитан нахмурился и с нескрываемым презрением кое-как отсалютовал:

– Имею честь представиться, полковник: капитан Виктор Делеклюз, Третий вузьеский полк нерегулярных войск, – медленно произнес он, нарочито растянув предпоследнее слово; кто-то из его солдат захихикал. – Как я говорил, полковник, проезжали мимо и увидели нескольких пруссаков.

– Здесь? Вы видели пруссаков в этих местах?

– Я ведь ясно сказал, правда?

– Господин полковник! Подойдите сюда! – послышался напряженный голос майора Дюпре.

Оставив капитана, Жюль поспешил за горящий сарай, где увидел увечную женщину с ребенком. Она сидела на земле, прислонясь к ограде, рядом с телом мужчины, явно ее мужа. Он лежал на спине, раскинув руки и ноги. Карие глаза смотрели в небо, но уже ничего не видели. Его убили выстрелом в лоб.

Пока Жюль шел, крестьянка плотно сжала колени и начала раскачиваться. Ее стоны превратились в непрерывное утробное мычание, чем-то напоминающее коровье. Она крепко, до белизны костяшек, прижимала к себе дочурку. Той было около трех лет. Девочка смотрела большими выразительными глазами и хлопала длинными ресницами. Глаза малышки распухли от слез. При виде Жюля и майора Дюпре она спрятала личико на материнской груди, и они обе стали раскачиваться взад-вперед, взад-вперед.

На них упала тень. Женщина взглянула за спину Жюля, сжалась и начала раскачиваться еще быстрее. Жюль обернулся и увидел Делеклюза.

– Ждите возле дома, капитан! – приказал Жюль.

– Чего ждать? – поинтересовался Делеклюз.

Глаза Жюля негодуя вспыхнули.

– Майор Дюпре! Проводите этого...

Делеклюз нахмурился и пошел назад, не дослушав приказа. Жюль снова опустился на колени перед женщиной.

– Мадам... – осторожно взяв ее за руку, произнес он.

Женщина отпрянула. Он убрал руку. Крестьянка испуганно смотрела на него.

– Мадам, я должен знать. Этот капитан, – он указал на удалявшегося Делеклюза, – этот капитан говорит, что здесь побывали пруссаки. Я должен знать, мадам. Это правда? Они издевались над вашей семьей? Пруссаки убили вашего мужа?

Женщина вздрогнула. Ее тело задрожало, как лист на ветру. Она не произнесла ни слова. Глаза по-прежнему были полны ужаса.

– Мадам, *s'il vous plaît*²⁸. Сейчас вы в безопасности. Расскажите о том, что здесь произошло. Если это пруссаки, мы должны быстро их найти.

Молчание.

Жюль сделал еще несколько попыток, но и они не дали результата.

– Майор, попробуйте вы ее разговорить, – сказал он Дюпре и вернулся к Делеклюзу.

– Поди наплела вам с три короба, полковник? – спросил Делеклюз.

– С чего ей врать? – резко спросил Жюль.

– Так она же истеричка. Может наговорить чего угодно.

– Что именно в ее словах так вас волнует, капитан? – спросил Жюль, окинув его холодным, оценивающим взглядом.

– Она же калека, полковник. Увечная крестьянка. От нее нет никакого толку.

– Капитан, вы вызываете у меня отвращение. Она француженка. А вам бы следовало вплотную заняться пруссаками.

– Мы и занимались.

– Только их не видно. Никаких признаков, что они здесь были.

– А они были здесь, полковник. Говорю вам, были. Четверо. Уланы. Я их видел и мои люди тоже. Мы их спугнули. Что скажете насчет убитого крестьянина, полковник? Думаете, он застрелился?

– Удивляюсь вам, капитан. Почему вы не отправились в погоню за уланами?

– Мы как раз собирались, а тут вы появились.

– Когда я здесь появился, вы собирались в погоню за этой женщиной.

– Бросьте, полковник. Я просто решил немного позабавиться.

В этот момент вернулся один из лейтенантов, отправленных на разведку вокруг дома.

– Уланов видели? – спросил Жюль.

– Нет, господин полковник. Никаких признаков. Мы сделали два круга. *Rien du tout, Colonel*²⁹.

Жюль пристально смотрел в глаза капитана. Он был уверен, что Делеклюз врет. Жюль не сомневался: перед ним убийца и вор, но, пока женщина не заговорит, он был бессилён что-либо сделать. Майор Дюпре тоже не смог вызвать ее на разговор. К тому же им нельзя было здесь застревать. Надо двигаться дальше.

– Похоже, ваши пруссаки, капитан, растворились в воздухе, – сказал Жюль.

– Этим мерзавцам, полковник, в сообразительности не откажешь, – усмехнулся Делеклюз.

Жюль подошел к нему вплотную:

– Я думаю, капитан, что вы лгун. Думаю, что вы убийца и трус.

Делеклюз оцепенел, его лицо стремительно покраснело, рука потянулась к эфесу сабли, но он опомнился.

– Убирайте ваших свиней прочь отсюда, Делеклюз! Чтобы и духу вашей вонючей орды здесь не было! Если я снова вас увижу, то арестую, даже если мне придется выдумать причину. С удовольствием бы посмотрел, как вы станете ухмыляться под ножом гильотины.

Капитан Делеклюз отсалютовал с веселой наглостью:

²⁸ Пожалуйста, будьте любезны (*фр.*).

²⁹ Вообще ничего, полковник (*фр.*).

– Да, господин. Je t'emmerde³⁰. Имел я вас, господин полковник.

Лейтенант, остававшийся в седле, услышал оскорбление и взялся за винтовку. Жюль почувствовал, как в нем бурлит кровь. За все время военной службы он не слышал подобных оскорблений в свой адрес. В Париже он бы сам приказал арестовать наглеца и отдать под трибунал. Даже в Шалоне, в условиях полевого лагеря, он бы сделал то же самое. А находишься Делеклюз в составе регулярных французских войск, Жюль устроил бы ему трибунал здесь и сейчас.

Но в данный момент Жюль готовился совершить величайшую в своей жизни ошибку.

Он презирал этого человека и не считал капитана частью военной элиты. Для него Делеклюз был вором, командующим шайкой бандитов и негодяев, а потому не стоил его плевка. Жюль не мог выделить солдат, чтобы арестовать капитана и препроводить в Шалон или Париж для суда. Он не сомневался, что разношерстная свора убийц уничтожит достаточно пруссаков, и это ошибочное предположение перевесило его потребность в справедливости.

Итак, Жюль не принял никаких мер, охладил пыл своего младшего офицера и позволил франтирерам уйти.

– Laissez³¹, лейтенант. Это пустяки. Эти... эти люди сейчас уедут.

Делеклюз улыбнулся во весь рот:

– Так точно, полковник. Удаляемся. – Он повернулся к своим. – Он u'va, messieurs³², – сказал он, слегка поклонившись полковнику и махнув своим людям.

Те, посмеиваясь и отпуская шуточки, покинули двор, быстро забрались в седла и уехали.

– Отребье, – поморщился лейтенант.

– Ублюдки, – сказал полковник.

Один из солдат вырыл неглубокую могилу и похоронил крестьянина. Женщина с безучастным лицом наблюдала за происходящим, продолжая сидеть на том же месте. Дочка выглядывала из-под материнской руки. Когда настало время уезжать, майор Дюпре помог женщине встать и отвел в дом.

Огонь быстро погас сам. Сарай и все, что в нем находилось, сгорели дотла. Над пепелищем поднимались ленивые струйки дыма. Распорядившись готовиться к отъезду, Жюль зашел в дом. Женщина сидела в сумраке бедно обставленной комнаты, прижимая к себе дочь. Жюль остановился перед ними. От всего, что произошло, на душе у него было паршиво, однако нужные слова не находились.

Он осторожно протянул руку и коснулся волос малышки. Они были мягкими и напомнили ему волосы Поля в младенчестве. Постояв еще немного, он повернулся и вышел.

Спустя полчаса Жюль уже находился на вершине утеса, откуда они с майором Дюпре вели наблюдение за местностью. На севере виднелась черно-серая масса армии, продолжавшей медленно двигаться в сторону Ретеля. Пруссаки если и появятся, то где-то на востоке, хотя пока он не видел никаких признаков неприятеля. Жюль отправил два эскадрона на северо-восток и один на юго-восток, приказав встретиться к концу дня в деревушке Маршо.

После тщательного осмотра горизонта Жюль направил бинокль к подножию утеса и в долину, расстилавшуюся под ними. В поле зрения попал крестьянский дом. Жюля и сейчас преследовали глаза увечной крестьянки и испуганные глазенки ее дочери. При мысли о франтирерах его горло наполнилось желчью. Ему было недостаточно сражения с пруссаками. Нужно разобраться и с этими скотами.

Как бы я хотел сейчас оказаться в авангарде этой армии, а не в ее тылу!

– Господин полковник! – вдруг тронул его за рукав майор.

³⁰ Идите к черту (фр.).

³¹ Оставьте (фр.).

³² Поехали, господа (фр.).

Жюль посмотрел туда, куда указывал Дюпре. Солнце находилось у них за спиной, что позволяло видеть на многие километры. Жюль смотрел, и на его лице появлялась улыбка. Солнце ярко освещало всю процессию: копые в руках первого всадника, золотистые эмблемы на шлемах, белые пояса поперек груди, малиново-красные полосы по вороту и на манжетах, голубые с красной окантовкой попоны лошадей. Даже издали было отчетливо видно, кто это. Шестеро прусских уланов осторожно пробирались среди деревьев, росших внизу. С дороги их было бы не увидеть, но с места, где сейчас находился Жюль, уланы представляли как на ладони.

– Позади них есть еще пруссаки?

– Non, Colonel, c'est une partie seulement³³, – ответил майор.

Прусский патруль был один, что соответствовало их практике действовать небольшими разведывательными группами. У Жюля сразу же повысилось настроение. Кровь понеслась по жилам. Пруссаки, наконец-то пруссаки! Чувствуя возбуждение хозяина, лошадь нетерпеливо перебирала ногами.

– Давайте угостим их, майор!

Жюль продолжил наблюдение и вдруг замер, когда в поле бинокля снова попал крестьянский дом.

– Merde! – выругался он.

– В чем дело, господин полковник?

– Франтирёры. Они вернулись.

Делеклюз и пятеро его головорезов все это время отсиживались в кустах, а когда убедились, что путь свободен, вернулись в дом. В бинокль Жюлю было видно, как они спешиваются. Делеклюз повел их в дом. Жюль знал, чего они хотят, знал, что сделают. При мысли о беде, которая вот-вот случится в доме, у него снова закипела кровь.

Раздумывал он недолго. Как бы ему ни хотелось сразиться с пруссаками, тех всего кучка. Дюпре легко их уничтожит.

А он разберется с капитаном Делеклюзом.

– Майор, я возьму с собой шестерых и вернусь в дом. Вы берете остальных и отправляетесь охотиться на уланов. Вы разделаетесь с ними без лишнего шума, если будете поджидать их вон в той рощице, где дорога сворачивает на Аттиньи. После того как вы разберетесь с ними, ждите нас там.

Улыбаясь во весь рот, Жюль указал место встречи. Дюпре кивнул и тоже улыбнулся. Ему было все равно. Пруссаки или Делеклюз – после недель томительного бездействия у них наконец-то появился противник.

Отряды покинули утес, спустившись по противоположным склонам. Жюль думал о женщине и понимал: нельзя терять ни минуты. Он пришпорил лошадь. Ей и самой надоело стоять на одном месте, и она легко одолевала спуск по каменистому склону. Они спустились в ущелье, миновали лесок и понеслись по каменистым полям. Когда достигли картофельных полей, принадлежавших крестьянской семье, гвардейцы Жюля выехали вперед, образовав цепь. Они мчались по полю под негромкий стук копыт своих лошадей.

А в доме Делеклюз поднялся с тела женщины и застегнул ширинку. Он был в бешенстве. Эта сука помешала ему получить удовольствие. Она не отпускала от себя девчонку, и ему пришлось вырвать орущую маленькую паскудницу и швырнуть одному из солдат, словно мешок с провиантом. С этого момента женщина дралась, как дьяволица. Такого он не видел даже у дерущихся мужчин. Она билась умело и злобно. Кулаком она ударила Делеклюза в висок, отчего у капитана зазвенело в ушах. Когда он схватил ее за руку, она другой попыталась выцарапать ему глаза, полоснув ногтем по главному яблоку. Он взвыл от боли и сильно ударил ее по зубам. Он бил ее снова и снова, слыша, как в ее щеке что-то треснуло. Но даже

³³ Нет, полковник, только этот отряд (*фр.*).

перелом не заставил женщину прекратить сопротивление. Она не собиралась уступать. И тогда Делеклюз полез за пистолетом, чтобы вразумить строптивицу рукояткой. В этот момент она ухитрилась ударить его в пах своей увечной ногой. Вот тогда-то его возбужденный член, до этого остававшийся твердым как камень – ярость женщины и напор ее ударов лишь добавляли возбуждения, – вот тогда-то его член обмяк и съежился. И когда она это сделала, когда вместо всплеска похоти его пронзила острая боль и заставила скрючиться, когда он услышал смех солдат, которые потешались над бессилием, вдруг постигшим капитана в его сражении с калеккой, Делеклюз перестал управлять собой. Его разум наполнился холодной яростью, глаза от гнева вылезли из орбит. Он швырнул женщину на пол, припечатал своим телом, впился пальцами в шею и стал давить. Он давил, слушая, как она кашляет и задыхается, давил до тех пор, пока большие пальцы не ощутили ее позвоночник. Она смотрела на него жуткими, полными ненависти глазами, выпученными, но непокоренными. Ее губы посинели, и наконец – ему это время показалось вечностью – ее руки стали обмякать, а ноги слабеть. Настал момент, когда она прекратила сопротивляться. Жизнь покинула ее, и она умерла.

– Проклятая шлюха! – проревел Делеклюз, выпрямляясь. – Сука!

Один из его людей засмеялся. Делеклюз обернулся и ударил насмешника, опрокинув того на пол. Что-то заставило капитана посмотреть в разбитое переднее окно, где он увидел Жюля с гвардейцами, несущимися по полю. Делеклюз понимал: ему и его людям не уйти. Ситуация не оставляла ему выбора.

Он знал, как им поступить.

В отряде Жюля никто не ждал сражения. Они ожидали небольшой потасовки с пьяными и недисциплинированными франтирерами, а затем арест всех шестерых. Они даже предвкушали эту потасовку. Излишне самоуверенные, они ехали цепью: гордые воины Императорской гвардии в белых мундирах с эполетами, красных брюках и черных сапогах. Гвардейцы, вызывавшие трепет. Перья на их золотистых шлемах развевались на ветру. Они быстро разберутся с этим сбродом и вернутся к майору, туда, где происходит настоящее сражение.

Когда они подъезжали к дому, изнутри грянул первый залп, убив четверых наповал. Лошадь полковника получила пулю в грудь и рухнула, сбросив всадника. Жюль сильно ударился о землю и потерял сознание. Ошеломленные случившимся, двое уцелевших гвардейцев туго натянули поводья, заставив своих испуганных лошадей встать на дыбы. Схватиться за винтовки они не успели. Из дома раздался второй залп. Оба гвардейца упали с лошадей. Один был серьезно ранен в лицо, другой убит. Между залпами прошло менее тридцати секунд. Раненый корчился в агонии. Его крики были единственными звуками вокруг.

Дверь дома приоткрылась. Кто-то из франтиреров осторожно выглянул наружу. Довольный тем, что больше противников нет, он подошел к раненому, взял винтовку гвардейца и выстрелил.

На картофельном поле перед домом вновь воцарилась тишина.

Очнувшись, Жюль обнаружил, что лежит ничком на грязном полу крестьянского дома. В ноздри ударил запах. Запах был знакомым, резким и раздражающим. Все еще оглушенный падением с лошади, Жюль, словно во сне, видел движущихся по комнате франтиреров. Они втаскивали тела его убитых гвардейцев. Дымка перед глазами мешала смотреть, но Жюль все же пересчитал тела. Все шестеро были мертвы; всех сложили в кровавую бело-красную грудку. Их бросали друг на друга, словно кукол, отчего руки и ноги убитых хаотично переплелись, а на пол стекали ручейки крови. Слышался смех и разговоры, потом двое франтиреров подошли туда, где возле стены лежал Жюль. Один из них пнул его сапогом в рот. Жюль почувствовал вкус кожи, грязи и крови. Затем солдаты подхватили его под мышки и поставили на ноги. Его оцепенелое состояние сохранялось, равно как и дымка перед глазами. Он увидел тело жен-

пины; ее платье было сорвано с плеч и сбилось в ком вокруг талии. Поперек груди лежала ее малышка лицом вниз, из спины девочки торчала черная рукоятка кухонного ножа.

Потом он понял, откуда этот запах. Кто-то из солдат обрызгал керосином пол комнаты, мебель, стены и тела. Боже, все тела стали мокрыми от вонючей жидкости! Солдат наклонился и чиркнул спичкой. Жюль зарычал и кинулся к солдату. Под руки попало что-то мягкое. Его ударили по затылку. Пламя занялось, а Жюль снова потерял сознание.

Вторично он очнулся, когда уже стемнело. Ему было не шевельнуться. Все тело окоченело. Везде болело. Руки были крепко связаны за спиной. Он не чувствовал пальцев и не знал, сгибаются ли они, подчиняясь приказам мозга. Жюль попытался перевернуться, но не смог. С губ сорвался стон.

Напротив него, в темноте, сидел Делеклюз. Капитан устроился на красной попоне, взятой у кого-то из убитых гвардейцев, и лениво потягивал из бутылки бренди.

– Так-так, наш гость проснулся. Усадите его! – распорядился Делеклюз.

Солдат схватил Жюля за плечи мундира, отчего один эполет оторвался. Солдат пялился на шелковые шнурки, болтающиеся у него между пальцами. Захочотав, франтирёр потянулся и сорвал второй. За эполетом последовала медаль Жюля за итальянскую кампанию, ленточка за Алжир, эмблема военной академии Сен-Сир – словом, все знаки звания полковника и истории его военной карьеры. Часть солдат прицепил на свою серую рубаку, остальные запихал в карманы.

– Ну вот, теперь я настоящий офицер Императорской гвардии, – заявил он и стал расхаживать, выпячивая грудь и придерживая эполеты на плечах.

Жюль попытался сориентироваться. Он не представлял, где находится. Костра не было, но полная луна на безоблачном небе позволяла увидеть окрестности. Похоже на рощицу, но где? Он не знал, какое расстояние успели покрыть франтирёры, пока он был без сознания. Жюль тряхнул головой, пытаясь избавиться от дымки. У него распух рот, на разбитых губах запеклась кровь. Голова раскалывалась, кровь стучала в висках. Через какое-то время в голове стало проясняться, он начал вспоминать произошедшее, отчего в нем снова поднялась ярость.

– Не желаете ли промочить горло, *господин полковник*?

Делеклюз протянул Жюлю бутылку, которую тот резко отшвырнул прочь. Видя это, капитан покачал головой, молча встал и подхватил опрокинутую бутылку.

– Негоже поливать землю таким прекрасным бренди, – сказал он. – Это из Шаранты. Вам следует быть поразборчивее.

– Я требую немедленно меня освободить, – заявил Жюль; невзирая на случившееся, его голос звучал сильно и абсолютно властно. – Вы должны мне сдаться.

Поначалу Делеклюз молчал, словно не расслышал требования, потом улыбнулся во весь рот, а его люди покатались со смеху.

– Ваша шутка чертовски смешная, – признался капитан, кивая в знак искреннего восхищения. – Но боюсь, *господин полковник*, у вас в голове случилась путаница. Это не я вам, а вы мне сдались.

– Черта с два я вам сдался! Я позабочусь, чтобы за учиненное вами вы жарились в аду.

– Быть может, полковник, вы и увидите меня в аду, но не за это, – покачал головой Делеклюз. – Нет, полковник, за это я не понесу никакого наказания. За то, что произошло сегодня, я буду раскланиваться на сцене знаменитого парижского театра, возможно, на сцене «Комеди Франсез». Я буду стоять перед толпой зрителей, видя, как они мне рукоплещут, забрасывают цветами и шлют воздушные поцелуи.

Жюль не понимал капитанских слов. Его мучитель сидел, склонив голову. Время от времени капитан вскидывал голову, и тогда в голубоватом свете луны Жюль видел его лицо. За пьяной остекленелостью глаз проглядывала сила, целеустремленность и изрядная злость. «Делеклюз не пьяница, – подумал Жюль. – Он сумасшедший».

– Вы безумны, Делеклюз.

Капитан встретил его слова довольным смехом:

– Да, полковник, безумен. Действительно безумен. Безумен до мозга костей. Вы не лишены пронизательности. – Делеклюз привалился к широкому бревну и закурил тонкую сигару, дым лениво поднимался в воздух. – Да, *безумен*. Верное слово. Точнее не скажешь. Безумен, но не спятил. Безумен я, безумен я... – Его голос звучал все тише, а сам он уносился мыслями куда-то далеко. Помолчав какое-то время, он взглянул на Жюля. – Я презираю вас, полковник. Вы мне отвратительны. Вы и ваши императорские гвардейцы – свиньи, ибо вы охраняете империю. Великого, блистательного, могущественного Луи-Наполеона и его двор воря. Вы стоите на его стороне, лижете его сапоги и творите зло по его приказу. Империя прогнила, а вы... вы... мерзавец... ее защищаете! Сохраняете ее!

Делеклюз пришел в ярость и сапогом ударил Жюля по голени. Его ногу обожгло резкой болью, однако в лице Жюля ничто не изменилось.

– Вы несете чушь, Делеклюз. Вы хотите сказать, что убили моих гвардейцев из-за своей неприязни к императору?

Делеклюз наградил Жюля презрительным взглядом:

– Не будьте глупцом, полковник. Я убил ваших солдат, потому что мы веселились, а они норовили нам помешать. Но если немного подумать... да, я убил бы их, потому что терпеть не могу императора. Да, полковник. Я бы убил любого, кто продлит дни этой гадкой империи. Ваш император убил моего отца. Сначала он украл отцовскую землю. Его барон Осман – этот великий строитель – решил, что там нужно проложить улицу. И ради улицы он отнял у моего отца жизнь. Отнял все: дом, магазин, средства к существованию. По приказу барона дом с магазином снесли, на их месте проложили улицу, а под улицей – сточную трубу, чтобы удалять из Парижа королевское дерьмо. Поганая улица ценой жизни моего отца! Он взамен не получил ничего. Ни денег, ни объяснений, ни другой работы, чтобы как-то компенсировать его потерю. Ничего! Когда отец вздумал протестовать, власти посмеялись ему в лицо. Никакой суд не брался его защищать. Он бродил по улицам, требуя справедливости, и его застрелили, словно бездомную собаку, а труп бросили гнить на той самой улице, пока мать не нашла его и не увезла. Улица и труба с дерьмом, оплаченные жизнью моего отца.

Делеклюз надолго припал к бутылке. Если до сих пор он не был пьян, похоже, теперь он собирался напиться. С минуту он молчал, глядя на луну и погрузившись в раздумья. Вдалеке слышалась артиллерийская канонада; гул войны, обошедшей их обоих стороной.

– Слышите, полковник? Это пруссаки дают пинка под зад нашей армии. Они победят в этой войне, полковник. Они уже победили. Бисмарк и его долбаные планы – он делает для нас то, что мы не смогли сделать сами для себя. Он вонзит шип своего шлема прямо в задницу Луи-Наполеона и избавит нас от лишних хлопот. – Делеклюз снова приложился к бутылке. – Если бы мог, то поубивал бы вас всех, но этого я никак не могу. Я отправлюсь в лес убивать пруссаков, поскольку этим сейчас и должен заниматься. Их я ненавижу еще больше, нежели толстую задницу империи. Больше, чем ненавижу вас. Но я не в состоянии убивать их в достаточном количестве, а вы и ваши подонки слишком слабы, чтобы это делать. И в конце концов пруссаки победят.

– Что вы намерены сделать со мной? – спросил Жюль.

Чувствовалось, вопрос увел Делеклюза далеко от поляны. Глаза капитана остекленели. Он долго не отвечал, и Жюль подумал, что Делеклюз не расслышал вопроса. Но затем капитан вернулся к действительности и посмотрел на полковника. В лунном свете глаза Делеклюза лихорадочно сверкали.

– Поскольку мы взяли вас в плен, я много размышлял над этим вопросом, полковник. Конечно, думал я и о казни на месте. Я бы мог попросту оставить вас в доме, освежить керосином и угостить сигарой. Я почти так и сделал. Почти. Но потом подумал: это была бы слишком

почетная смерть для такого напыщенного мерзавца, как вы. Кто-то решил бы, что прекрасный, благородный и храбрый полковник погиб в сражении. Такого я допустить не мог. Я не мог оставить ваших детей с уверенностью, что их отец был героем, погибшим на войне с пруссаками. Мне, полковник, было бы тошно, если бы они так думали, ибо героев в вашей империи нет. Идолов полным-полно, но не героев. – Делеклюз приложил руку ко лбу. – А затем мне в голову пришла мысль, и она была подобна грому. Я человек простой, но даже я не мог не восхититься красотой этой мысли. Вы превосходное орудие для моей мести. Спрашиваете, что я намерен с вами сделать? Я намерен отдать вас в руки ваших же офицеров. – Он улыбнулся. – Я отправлю вас в Шалон! Прямоком туда, и пусть ваши псы вас и терзают. Я отправлю вас туда и добавлю небольшое развлечение, которое наверняка сделает вашу жизнь интересной, хотя бы на какое-то время.

Жюль с недоумением смотрел на него, ничего не понимая.

– Видите ли, полковник, я желаю уничтожить не вас, а вашу честь, – сказал Делеклюз и кликнул одного из солдат: – Фонарь мне! И прикрути фитиль!

Порывшись в рюкзаке, Делеклюз достал бумагу и карандаш. Когда фонарь был принесен и поставлен рядом с ним на землю, капитан нагнулся, приготовившись писать.

– Какое сегодня число? – спросил он, но Жюль не ответил. – Не суть важно, – пожал плечами Делеклюз. – По-моему, двадцать четвертое.

Он склонился над бумагой.

Командиру лагеря Шалон

Я, капитан Виктор Делеклюз, командир Третьего вузьеского полка нерегулярных войск, сим передаю под Вашу опеку одного пленного. Двадцать четвертого августа сего года на глазах у нашего отряда этот офицер отправил своих солдат в сражение с прусским полковым патрулем большой численности. Сражение происходило близ деревни Маршио. Мой отряд находился слишком далеко от того места, чтобы вовремя примкнуть к сражению, а потому мы могли лишь наблюдать с высоты за ходом битвы. Его солдаты были полны решимости и поначалу храбро сражались с вражеским патрулем. Они стойко выдерживали залпы яростного огня пруссаков, и я лично ходатайствую о том, чтобы их храбрость была отмечена в приказе по подразделению. Однако затем мы стали свидетелями того, что пруссаки повернули ход сражения в свою пользу. Когда это случилось, мы увидел, как полковник, некто...

Делеклюз поднял голову.

– Как ваше имя, полковник? – спросил он.

– Де Врис. Жюль де Врис.

– Как я и ожидал, полковник, вы из благородных. А что, прекрасное имя.

Он продолжил писать.

...некто Жюль де Врис из Императорской гвардии, наблюдавший с холма, как гибнут его люди, развернул свою лошадь и галопом помчался прочь.

Мы предположили, что полковник отправился за подкреплением и что часть его сил осталась в другом месте, невидимом для нас. Но когда мы стали спускаться вниз, дабы помочь нашим собратьям во имя Франции, то обнаружили, что полковник спасается бегством и у него нет никакого подкрепления. Когда мы застали его врасплох, нашим глазам открылась неприглядная картина его действий. Он сорвал со своего мундира эполеты и все знаки различия с намерением (здесь мы можем лишь предполагать) обменять форму на одежду, принадлежащую гражданскому лицу. Пойманный за этим занятием, он отказался отвечать на наши повторяющиеся вопросы и стал излагать пространную лживую версию случившегося. Но относительно характера его преступления и непреложности факта, что он бросил вверенных ему людей и бежал с поля боя, как трус, не может быть никаких сомнений.

Только из-за его высокого офицерского чина я принял решение передать его под Вашу юрисдикцию вместо того, чтобы подвергнуть допросу в полевых условиях. Я нахожусь не в

том чине и не могу поступить с ним так, как требует совесть, как необходимо поступить, дабы сохранить честь Франции и ее сынов, которые сегодня проявили столько мужества и готовности умереть во имя родины.

Я и все, кто находится у меня в подчинении и кто своими глазами видел происшедшее сегодня, готовы принять самое действенное участие в официальном трибунале, когда он будет устроен. Но вследствие нахождения прусских войск в непосредственной близости от нас совесть не позволяет мне даже ненадолго отстраниться самому и отстранить своих людей от служения нашему народу исключительно для того, чтобы разобраться с таким отвратительным делом, как это. Посему я при первой же возможности свяжусь с Вами по телеграфу или почте, дабы мы могли довести это дело до справедливого конца.

Выражаю уверенность, что мои действия встретят Ваше понимание и одобрение.

Да здравствует Франция!

Капитан Виктор Делеклюз,

Третий вузьеский полк нерегулярных войск

Закончив писать, Делеклюз вновь привалился к бревну и глотнул бренди. При тусклом свете фонаря он ровным голосом и с довольным видом прочел Жюлю свой рапорт.

– Думаю, в целом вышло совсем недурно. Согласны, полковник?

Жюль начинал слушать, не веря своим ушам, однако под конец ему стало почти весело.

– Глупец вы, Делеклюз. Ваша писулька ничего не даст. Меня там все знают. Им известно, кто я такой.

Делеклюз улыбнулся и покачал головой:

– Ваш мир, Жюль де Врис, обречен. Когда закончится эта война, жизнь не будет прежней. Ни в коем случае. Вы будете жить среди шакалов, и никакой император вас не защитит. Никакая империя. Ваше сословие вас забудет. Они обратятся против вас и сожрут заживо.

– Вы ошибаетесь, капитан. Но это не имеет значения. То, что вы тут написали, – Жюль кивком указал на рапорт, – жалкие потуги идиота. Если это лучшее, на что вы способны, я вас переоценил. Вам бы лучше меня застрелить. Сколько бы времени мне ни понадобилось, я вас разыщу, и вы заплатите за свое предательство и зверские убийства.

Делеклюз учтиво ему улыбнулся:

– Не думаю, полковник. Это мы еще посмотрим. Ваша уверенность, что ваш мир сохранится, превосходит мою. Как бы там ни было, вас ждут интересные времена, в чем я уверен. А вашей угрозы разыскать меня я не боюсь. Больше мы никогда с вами не встретимся, полковник, Во всяком случае, на этом свете, в чем я тоже уверен.

Солдат, отправленный капитаном Делеклюзом для препровождения Жюля в Шалон, обращался с пленным грубо и презрительно. Он связал Жюлю руки спереди, да так крепко, что веревка до крови врезалась в кожу. Они ехали верхом, каждый на своей лошади. На дороге было не протолкнуться, в основном из-за обозов несчастных беженцев, спешивших прочь от опустошения, которое несла с собой война, разворачивающаяся к востоку отсюда. Жюлю пришлось дожидаться, пока не проедут длинные вереницы телег, запряженных волами и набитых постельными принадлежностями, обшарпанной мебелью, кухонной утварью и одеждой. И все они соперничали за место на пыльной дороге. Там, где возможно, женщины и дети ехали на повозках, прижавшись друг к другу, а там, где нет, шли пешком. Люди не знали, выигрывает Франция войну или проигрывает, и молча брели в пыльном безмолвии.

Кто-то с любопытством поглядывал на пленного. Если не по форме, то по манере держаться они понимали: этот человек занимает важное положение. Поначалу Жюль не обращал на них внимания, поглощенный своими мыслями, но затем, смутившись, сам пытался поймать их взгляды и удержать, когда это удавалось, словно убеждая беженцев: с ним произошла

ошибка, и он не заслуживает условий, в каких они его видят. Но никто не читал этого в его взгляде. Никто не понимал. Люди всегда отворачивались, и он молча ехал дальше. Через какое-то время он прекратил эти попытки и стал смотреть вперед.

Августовский день был нестерпимо жарким. Жюль ехал без шлема. Солнце пекло ему голову и высушивало изнутри. Ему отчаянно хотелось пить, но он не позволял себе просить конвоира о чем-либо, будь то еда, вода или какая-либо помощь. Скорее он заговорит с дьяволом. Солдат, всю ночь пьянствовавший со своими подельниками, страдал от похмелья и не обращал внимания на пленного, находясь в состоянии полудремы. Время от времени его голова свешивалась, и он клевал носом. Тогда он вдруг спохватывался и просыпался. Так они ехали час за часом, ни разу не остановившись.

Наконец они свернули на незаметную дорогу шириной не больше тропы, позволявшую срезать часть пути до Шалона. Конвоир избрал ее, чтобы избавиться от столпотворения на главной дороге. Вскоре шум обозов стих. Вдоль дорожки росли деревья, давая желанную тень и прохладу. Около пяти часов вечера они подъехали к речке. По насыпи, окружавшей узкий мост, солдат спустился вниз, чтобы передохнуть и напоить лошадей. Он спешил и так грубо стянул Жюля с лошади, что тот приземлился на собственный зад.

– Прямо на задницу, где тебе самое место, – захохотал солдат и повернулся спиной.

Жюль кое-как встал на ноги и осмотрелся. Вокруг никого. О побеге он не думал, ибо был уверен, что в Шалоне преобладают здравомыслящие офицеры и он тут же поменяется местами с конвоиром. Но едва тот повернулся спиной, Жюль усмотрел представившуюся возможность и действовал, почти не задумываясь. Это был его шанс! Он быстро подскочил к солдату, вскинул связанные руки и обвил его шею. Наэлектризованный внезапным действием, взбешенный своим пленением и убийством гвардейцев, а также злодейским убийством крестьянской семьи, Жюль ощутил, как все эмоции последних суток вырвались на поверхность. Набросившись на конвоира сзади, он завел руки под подбородок солдата и оторвал от земли. Тот отчаянно сопротивлялся, задыхался, не в силах крикнуть, хватался за шею в попытке ослабить железные тиски рук Жюля, сомкнувшихся вокруг нее. Солдат висел в воздухе, беспомощно молотя руками и ногами. Жюль не ослаблял хватку, намереваясь ввести конвоира в бессознательное состояние, а затем снять нож с его пояса и перерезать веревки. В горле солдата булькало, он брызгал слюной, но не мог противостоять напору и ярости нападения Жюля и постепенно начал обмякать, теряя силы.

Жюль ощущал пьянящее возбуждение победы. Еще немного – и он будет свободен. И в этот момент его с силой ударили сзади. Потеряв равновесие, он повалился на землю, увлекая за собой конвоира, которого и сейчас не выпускал из рук.

– А ну прекратить! – раздался резкий голос.

Жюль не видел, кто это, но продолжал сжимать глотку солдата, пока от жестокого удара сапогом в затылок у него не перехватило дыхание. Руки обмякли, и он разжал пальцы. Конвоир выкатился из-под него, шумно глотая воздух, кашляя и отплевываясь. Уткнувшись лицом в грязь, он тяжело дышал.

Жюль пришел в себя и оглянулся. Увидев, кто его ударил, он испытал несказанное облегчение. То был драгунский сержант.

– Сержант, хвала небесам, что вы появились! – прохрипел Жюль, с трудом поднимаясь на ноги. – Вы...

– Молчать! Кто вы такой, черт побери?! Я видел, как вы напали на этого человека!

Сержант посмотрел на связанные руки Жюля, затем на распростертого солдата, продолжавшего шумно дышать, и помог тому встать на ноги. После тисков Жюля конвоир все еще не мог говорить. Пока он очухивался, Жюль сделал новую попытку объясниться с сержантом, зная, что должен быстро овладеть положением, иначе все пропало.

– Сержант! – зычно произнес он. – Я полковник Жюль де Врис из Двести двадцатого полка Императорской гвардии! Этот человек под ложным предлогом взял меня в плен. Сам он убийца, один из шайки нерегулярных войск, действующих близ Вузье. Они захватили мой отряд врасплох и убили всех моих людей. Они убили гражданских...

– Молчать, я сказал! – оборвал его сержант.

Он недоверчиво, с подозрением, смотрел на Жюля. Сержант явно не понимал, кто перед ним, зато чувствовал, что этот человек никак не похож на полковника Императорской гвардии. Да, держался он властно, и манеры офицерские. Но его вид говорил об обратном: изуродованное лицо, все в синяках и ссадинах, порванный мундир с дырками на месте эполетов и медалей.

– Полковник, значит? Глядя на вас, я вообще не знаю, кто вы такой, но если вы опять вздумаете своевольничать, я угощу вас как следует! Я наведу здесь порядок, ей-богу, наведу!

Солдат наконец обрел дар речи.

– Сержант, этот человек – пленный, – хриплым, сдавленным голосом произнес он. – Вы его видели! Он пытался меня убить! Ему это не впервой. Он предатель по всем статьям. Мне приказано доставить его командиру военного лагеря в Шалоне. Вот, взгляните... Это рапорт.

Конвоир протянул сержанту рапорт Делеклюза.

Жюль в отчаянии поднял руки.

– Сержант, это сплошная ложь! – воскликнул он, однако драгун, увидев вскинутые руки, сделался еще подозрительнее.

Он оттолкнул Жюля, а сам попятился, развернул бумагу и стал медленно читать. Несколько раз он останавливался, поднимал глаза на Жюля, затем возвращался к чтению. Закончив, он покачал головой.

– Дело дрянь, – пробормотал себе под нос сержант. – Жуть какая-то.

– Сержант... – начал Жюль, но тот снова резко его оборвал:

– Молчать! Вы уже признали, что являетесь пленным этого человека. Или теперь станете отрицать?

– Нет, сержант, но если вы...

– Заткнитесь! Вы отрицаете, что пытались сбежать?

– Нет, но...

– Довольно! – Сержант повернулся к своей лошади, раскрыл ранец и достал самопишущую ручку. – Все проще простого. Если обвинения против вас ложны, вас освободят. А пока я должен позволить этому человеку выполнять его приказ, а также добавить к рапорту то, что видел собственными глазами. Этому требует справедливость. Больше я ничего не могу сделать... полковник.

Сержант стал быстро писать на обратной стороне рапорта Делеклюза, после чего вернул бумагу солдату, чье лицо расплывалось в довольной ухмылке от такого поворота событий.

– Вот, держи. Я написал начальству о том, чему был свидетелем. Тебе повезло, что я оказался поблизости. А ты хлипкий, это точно. Сомневаюсь, чтобы ваш сброд мог застать врасплох императорских гвардейцев. Против драгун вы бы и десяти минут не продержались. Следи, чтобы он снова не оказался у тебя за спиной. А теперь садитесь на лошадей и убирайтесь прочь с моих глаз!

Жюль смотрел, как конвоир прячет в карман рапорт с обвинениями, присовокупленными сержантом. Впервые с начала этого кошмара его охватило предчувствие беды.

Глава 6

Мусса и Поль лежали на спине у себя в замке на дереве, вдыхали дым и смотрели, как в небе пролетают стаи птиц. Внизу, на другом краю поля, Анри и Гаскон целое утро валили деревья. Они занимались этим не первый день, орудуя большой двуручной пилой с крупными, хищными зубьями. Соорудив огнезащитную полосу, они подожгли весь участок старого леса. Им помогала Серена, принеся мужчине еду. Пока Анри ел, она стояла рядом с мужем, обнимая его за талию. Они следили, как огонь пожирает великолепные раскидистые дубы; некоторым из них было больше тысячи лет. В глазах Серены блеснули слезы.

То же самое происходило вокруг всего Парижа. В Фонтенбло, Венсене и у подножия горы Мон-Валерьен сжигались леса, и небо над ними заволакивала густая пелена дыма. За последние несколько дней уничтожение деревьев добралось и до Булонского леса, великолепного парка, созданного по велению императора рядом с землями графа де Вриса. Лес подвергся опустошению, все его деревья были спилены, а великолепные массивные ворота сняты. Вместо них рабочие строили основательные каменные бастионы с бойницами для винтовок и насыпями для артиллерии.

В Париже собрался комитет обороны, постановивший сжигать леса, чтобы наступающим прусским войскам было негде укрыться. На востоке, вблизи прусской границы, вражеские части прятались в лесах, откуда совершали опустошительные атаки на французские войска. Маршал Мак-Магон попросил у императора разрешения сжечь леса, но император отказался, заявив, что не желает видеть гибель прекрасных уголков природы. Результатом императорского запрета стали тысячи погибших французских солдат. Париж не допустит подобной ошибки. В его предместьях пруссакам будет негде укрыться.

Однако лишь немногие в Париже верили, что пруссаки дойдут до стен столицы. С мест сражений поступали десятки противоречивых сообщений. Элизабет заспорила с Анри, когда он сообщил ей о решении комитета обороны и сказал, что начинается уничтожение обширных участков леса вокруг шато. Она изо всех сил пыталась сохранять оптимизм перед лицом становящегося все очевиднее факта, что Франции грозит серьезная опасность.

– Честное слово, Анри, – сказала она, – я ожидала, что ты проявишь *больше* стойкости и не подчинишься Трошю и его *неженкам!* – (Трошю был военным губернатором Парижа.) – Кстати, минувшим вечером я обедала с баронессой де Шабрийян. Она передала мне слова графа Паликао, которому из совершенно достоверных источников известно, что прусский кронпринц предстал перед императором, после чего застрелился.

– Я это тоже слышал, – сухо заметил ей Анри, – незадолго до сообщения о падении Бомона.

В Бомоне пруссаки атаковали французов около полудня и еще до наступления вечера принудили к спешному отступлению. А утренние газеты трубили о крупной французской победе.

– Анри, это ложь! Ты, никак, кормишься сплошь прусской пропагандой?

– Ты тешишь себя заблуждениями, Элизабет. Разве ты не видела беженцев, стекающих в Париж? Откуда, по-твоему, они бегут? Или ты не заметила оборонительных сооружений, которые начали возводить вокруг городских стен? Зачем все это, если мы так успешно воюем?

Элизабет старалась сохранить присутствие духа. Она терпеть не могла спорить с Анри. Он был таким спокойным, таким... *логичным*. Это ее бесило.

– Ты просто паникуешь, как и все остальные. А я-то ожидала от тебя большего.

Все эти недели Элизабет неутомимо трудилась, собирая сообщения о французских победах и повторяя их каждому, кто был готов слушать. Она рассказывала, как французские зуавы едва не схватили Бисмарка в Монтиньи, где его ублажала шлюха, и ему пришлось прыгать из

окна второго этажа; как маршал Базен загнал несколько прусских корпусов в каменоломни Жёмона, где они и нашли свой страшный конец. Атака доблестных французов была настолько яростной, что от пруссаков остались лишь окровавленные части тел и куски туш их лошадей. На протяжении августа Элизабет цеплялась за каждую обнадеживающую весть и приукрашивала ее, страстно желая, чтобы на самом деле так оно и было. От Жюля она получила всего одно письмо, вскоре после его отъезда. Муж скупко сообщал о собирающейся армии и грядущей кампании. Но в целом тон его письма был оптимистичным, хотя и туманным. Это письмо она перечитывала тысячу раз. У себя в спальне она разговаривала с портретом мужа. Она вырезала из газет обнадеживающие статьи, игнорируя другие, и вела свою персональную войну в гостиных и на светских приемах, которые продолжались, однако начали терять прежнюю веселость.

Если некоторые парижские кварталы были охвачены чувством уныния, нигде его тяжесть не ощущалась так сильно, как в душах Поля и Муссы. Однако причина их уныния не имела отношения ни к войне, ни к пруссакам. Лето близилось к концу, и ребят ожидало возобновление занятий в школе. Стараясь даже перед лицом войны сохранить детям нормальную жизнь, большинство приходских школ и часть государственных начали новый учебный год.

Муссе было тошно. Он ненавидел школу и не мог поверить, что взрослые даже заикнутся о ней. Минувшей зимой они с Полем пропустили целых четыре дня занятий, когда Париж завалило снегом и жизнь на улицах замерла. Прерывались занятия и весной во время разлива Сены, затопившей цокольный этаж собора Сен-Поль, где находилась школа. Еще одной причиной перерыва стала гибель монахини сестры Анжелики под копытами сбежавшей лошади.

Так почему же угроза вторжения прусской армии не может положить конец ненавистным занятиям в школе? Этот вопрос постоянно занимал Муссу. Он неутомимо донимал Анри, пользуясь каждой возможностью подорвать отцовскую решимость вновь отправить его в школу.

– Отец, в свете международной ситуации, – начал Мусса; эти слова он слышал от своей тети Элизабет, и они ему очень понравились, – ты не думаешь, что я должен помогать вам с Гасконом жечь лес? Нам необходимо подготовиться.

– Я думаю, что тебе необходимо пойти в школу, – ответил граф.

– Но, отец...

– Пока ты учишься, мы как-нибудь управимся сами. Ты гораздо лучше поймешь международную ситуацию, если сумеешь прочитать о ней.

Мусса был возмущен:

– Отец, я умею читать! Ты это знаешь!

– Да, знаю. Но тебе нужно учиться читать быстрее и увереннее.

Это было ужасно, особенно если учесть, какое замечательное лето они провели! Чем только они с Полем не занимались! Ребята были достаточно большими, чтобы самостоятельно исследовать Париж, по крайней мере в дневное время. Этим они и занимались целыми днями – ах, эти великолепные деньки! – бродя по улицам и изучая город. Они плавали в озере и тихой, ленивой послеполуденной порой ловили рыбу с берегов Сены, протекавшей по владениям графа. С помощью Анри и Гаскона мальчики соорудили плот, который спустили на воду близ Сен-Клу, и поплыли на нем в Мальмезон. На всем протяжении их плавания мужчины и женщины приветственно махали мальчикам с берегов и салютовали триколору, развевавшемуся на мачте плота. В Мальмезоне Гаскон дожидался их с телегой, чтобы отвезти плот домой. После плавания обоих десятилетних сорванцов распирало от впечатлений.

Граф считал очень важным научить сына и племянника владеть оружием. Вместе с Гасконом он каждое утро, перед завтраком, по часу учил их стрелять из новой армейской винтовки Шаспо. Поль и Мусса быстро сделались меткими стрелками. А вот сражение на деревянных мечах им не давалось. Мечи ударяли по рукам и головам, не причиняя никакого вреда и не

откликаясь на неуклюжие попытки мальчиков управлять этим непростым оружием. Глядя на них, Гаскон морщился.

– Сир, хорошо, что мы начали с деревянных мечей, – как-то заметил он графу, – иначе мы все утро собирали бы мальчишек по кусочкам.

Каждый получал от противника немыслимое число смертельных ударов, пока постоянные упражнения не сделали ребят проворнее и пока они не начали показывать пусть и скромные, но успехи. С величайшим терпением взрослые наставники учили их пригибаться, делать обманные движения и предугадывать действия противника; показывали, когда делать выпад и когда парировать удар, когда наступать и как правильно отступать. Все четверо успевали намахаться так, что с них ручьем лился пот. Порой они весело валились на землю в одну кучу, смеясь и тяжело дыша после утомительных занятий. Прошло достаточно времени, прежде чем деревянные мечи заменили стальными саблями, клинки которых Гаскон предварительно затупил на точильном камне, чтобы ошибки приводили к шишке на руке, а не к потере конечности. От взмахов тяжелыми саблями мускулы ребят становили крепче, они устойчивее держались на ногах и начинали лучше понимать тонкости и изощренность поединка.

– А парень-то научился ловко делать выпады, – сказал однажды в конце лета Гаскон, глядя, как Поль атакует Муссу. – У него инстинкт бойца.

Поль по темпераменту был матадором, Мусса – быком. Мусса был сильнее, увереннее, в поединке действовал методичнее, одолевая противника за счет одной лишь решимости. Поль предпочитал дразнить противника и выводить из себя, провоцируя на ошибку.

– Согласен, – кивнул Анри. – Они оба вырастут великолепными бойцами.

Он с гордостью смотрел на ребят, довольный их успехами в поединках на саблях и овладении другим оружием. Мусса и Поль учились метать ножи и даже стрелять камнями из рогатки. Здесь Мусса превосходил двоюродного брата. В послеполуденную пору, при соответствующей погоде, граф часто брал их на соколиную охоту.

Славное времечко, если бы только школа все не испортила.

– Меня зовут сестра Годрик. Господь Бог благословил меня этим собором и возложил на мои плечи обязанность вас учить. Если вы будете в точности исполнять то, что я говорю, если будете усердно учиться, следить за своими манерами и не подпускать к себе дьявола, Он и вас благословит. Если нет... – Она извлекла из складок одежды дубовый паддл³⁴, высоко подняла и с такой силой ударила по крышке стола, что мальчишки хотя и пристально следили за паддлом, но все вздрогнули. – Если нет, *это* станет Божьим орудием исправления, которым управляет моя смиренная рука.

Все, что видели ученики у новой учительницы, – это черное покрывало, из которого глядело тощее острое лицо и жесткие черные глаза. Монашеское одеяние полностью скрывало фигуру этой невысокой женщины. Сплошная тайна в черном, за исключением холодного лица и костлявых рук, крепко сжимавших дубовый инструмент послушания мальчиков.

– Когда мы молимся, вам надлежит держать головы склоненными, – объявила она, и сейчас же головы всего класса послушно склонились.

Кроме одной. Сестра Годрик медленно двинулась по проходам между партами, произнося слова молитвы твердым и несколько пронзительным голосом:

– Отец милосердный, через Твою совершенную благодать мы собрались здесь, дабы приобщиться к поучениям Твоего благословенного сына, Доброго Пастыря Христа, и познать удивительный мир, который Ты сотворил по Твоему образу...

Получай!

³⁴ Паддл – инструмент в виде вытянутой пластины с рукоятью. Использовался при телесных наказаниях.

Без предупреждения паддл ударил Муссу по руке. Он задохнулся от боли и отдернул руку. Удар оставил зловещий красный рубец. Мусса оцепенело посмотрел на монахиню. Ее глаза были закрыты. Она продолжала молиться. Он следил за ее приближением, однако случившееся застало его врасплох.

– Да напитаеть Ты, всемогущий Боже, Твоей благодатью, и да дарует нам Христос, наш небесный учитель, Свой свет и непреходящую любовь.

Получай!

И снова паддл просвистел в воздухе. И снова ударил Муссу, на сей раз по костяшкам другой руки, которую он не успел убрать. По щеке скатилась слезинка. Мусса поднес саднящие костяшки ко рту, его глаза в страхе смотрели на призрака в монашеском одеянии.

– Аминь, – произнесла сестра Годрик.

– Аминь, – повторил класс.

Монахиня возвышалась на Муссой, словно гора черного ужаса; паддл в ее руке – подобие молнии – застыл в воздухе, готовый ударить снова.

– А теперь, молодой человек, быть может, ты расскажешь нам, по какой причине не склоняешь голову во время молитвы.

Мусса не знал, что сказать. Когда остальные молились, он никогда не закрывал глаза. Сам он не молился. Точнее, молился, когда был помладше. Он горячо молился Богу, прося сделать так, чтобы соученики оставили его в покое. Он просил в молитвах, чтобы мальчишки прекратили насмехаться над ним. Молитвы не помогали. Мусса молился и по другим поводам, прося игрушки, прося о везении и защите от разных бед. Его не удивляло, что ответов на молитвы не приходит. Потом он и вовсе перестал их ожидать. Он не винил Бога и обстоятельства. Своим десятилетним умом Мусса просто пришел к выводу, что Бога поблизости нет или Он не слушает детей. Значит, молитвы бесполезны. Они ничего не приносят, а потому в них нет никакого смысла. Иногда, приличия ради, он шевелил губами вместе с молящимися и бубнил себе под нос, однако слова, которые он бормотал, касались рыбалки или еще каких-нибудь занятий, но не были обращением к Богу. Бывало, он действительно произносил заученные слова молитв, желая проверить, сработают ли они на этот раз. Но обычно он просто наблюдал за происходящим и не закрывал глаза ради бесполезной молитвы.

И в классе он вел себя точно так же, как всегда.

– Я... Простите меня.

– Простить тебя?

– Да, сестра. Я не хотел вас оскорбить.

– Тебя, молодой человек, должна заботить не я, а Господь Бог.

Мусса в этом сомневался, поскольку дубовый паддл находился у нее. Он взглянул на Поля, сидящего рядом. Тот всячески старался не привлекать внимания сестры Годрик. Голова двоюродного брата была опущена. Поль старательно разглядывал текстуру дерева на своей парте. В уголках глаз Поля Мусса увидел едва заметный намек на улыбку. Ничего, братцу он отомстит потом.

– Как тебя зовут?

– Мусса.

– Повтори!

– Мусса.

– Что это такое – «Мусса»? – спросила монахиня.

– Это мое имя, сестра.

– Понятно, но что оно означает? – (Мусса не знал, как ответить, и лишь пожал плечами.) –

Так я вам скажу, что оно означает. – Сестра Годрик обращалась ко всему классу, и в ее голосе звучала насмешка. – Это языческое имя. Безбожное имя. Нечестивое имя неверующего.

– Но это мое имя, сестра, – повторил Мусса.

– Мусса, Мусса, Мусса! – звонким, презрительным и сердитым голосом произнесла монахиня. – Это имя дикаря, а мы находимся в христианском классе. Мусса, у тебя есть другие, христианские имена? – (Мусса печально пожал плечами.) – *Мусса*, я не услышала твоего ответа!

– Не знаю, – промямлил он.

– Не знаешь? Не знаешь христианских имен или не знаешь, есть ли у тебя одно из них?

– Не знаю, – только и смог повторить Мусса.

Он уперся глазами в парту. Лучше бы ему сейчас умереть.

– В таком случае какое твое полное имя? Это ты знаешь?

– Да, сестра. Мусса Мишель Келла де Врис.

– Де Врис! Так ты из семейства де Врис! – воскликнула монахиня, словно эта фамилия что-то значила для нее. – Запомни, юный де Врис: имя Мусса должно быть изгнано из этой Божьей обители. Мы будем звать тебя Мишелем. Это имя архангела-хранителя у евреев, которые сами лишь на полшага выше язычников, но все-таки выше. Думаю, это лучшее, что мы можем сделать. – Найдя решение с именем Муссы, сестра Годрик обратила внимание на других учеников. – Итак, дети, вы познакомились с Мишелем, который наверняка больше уже не оплошает. А теперь пусть каждый из вас встанет и назовет свое имя. Вставать по очереди. Начинайте!

Сестра Годрик помнила время, когда ее звали Селестой.

Почти все воспоминания были ужасными. Они и сейчас будили ее по ночам, сжимали грудь ужасом и заставляли преклонять колени на холодном каменном полу, где она молилась, чтобы Бог простил ее и даровал забвение прошлого.

Она помнила мать, печальную милостивую женщину, заплетавшую ей косы. Тогда они жили в крохотной мансарде на пятом этаже, где единственной мебелью был стул, а спали они прямо на полу, постелив несколько одеял. Окон в комнате не было, отчего там всегда царил сумрак. Крыша протекала. Зимой их комнатенка промерзала насквозь, а летом превращалась в пекло. Еды в любое время года не хватало. В одну из зим, когда Селесте было шесть, мать подхватила лихорадку, свирепствовавшую в городе. Она кашляла кровью и молча обнимала дочь, а потом умерла.

Отца Селеста не помнила, зато знала, кто он. Ее тетка Филомена постоянно вдалбливала ей это нечестивое имя, добиваясь, чтобы оно навсегда врезалось племяннице в память: Жерар Флоран. *Отец* Флоран, лицемерный священник, прельщенный похотью и уведенный с пути истинного. Совершив великий грех прелюбодеяния и зачав Селесту, он вновь вернулся на Божью стезю, бросив дочь и ее мать. Мало того, он взошел на кафедру и прилюдно унизил и проклял мать Селесты, хорошенькую любвеобильную прихожанку, заманившую его в сети блуда. Селеста и Жерар никогда не видели друг друга.

– Ишь, какой праведник! – твердила Филомена. – Забыл Бога, обрюхатил твою мать, потом снова нашел Бога и бросил тебя.

Жизнь сделала Филомену озлобленной. А тут еще на нее свалилась шестилетняя племянница. Изволь теперь растить девчонку, когда денег самой не хватает. Это лишь усилило озлобленность Филомены и навсегда превратило девочку в мишень для теткинских нападок и придинок.

Когда Селесте исполнилось двенадцать, тетка заплела ее мягкие золотистые волосы в косы, подрумянила щеки и продала за тридцать су торговцу тканями. Тот продержал девочку у себя шесть дней, никуда не выпуская. Он издевался над ней и насиловал, когда вздумается. За каждую жалобу Филомена нещадно избивала племянницу. Торговца тканями сменил кузнец с грязными ручищами и зловонным дыханием, потом пьяный стряпчий, весивший почти триста фунтов. Далее она попала к военным местного гарнизона, в основном к офицерам. Те дни напролет пускали ее по кругу. Так прошло три года. Менялись клиенты, отвратительных

сцен становилось все больше, и каждая последующая была ужаснее предыдущей. Тетка лишь считала получаемые денежки, лупила Селесту тростью и подыскивала очередного клиента.

Кто-то из мужчин угостил Селесту ромом. Попробовав, она убедилась: если выпить достаточно, совокупления воспринимаются уже не с таким отвращением. Одна порция перед очередным клиентом вскоре превратилась в три и четыре. Потом она стала выпивать и после. Еще через какое-то время Селеста уже пила на ночь и по утрам, едва проснувшись. А дальше все завертелось и понеслось в черноту. Так прошло полгода или даже год. Селеста пребывала в вечном ступоре, пока в один из зимних дней не проснулась с кочергой в руке, покрытой кровью и чужими волосами. Рядом на грязной простыни лежал мертвый мужчина с пробитым черепом. Похоже, она убила его этой кочергой. Селеста ничего не помнила.

Она выбралась из комнаты, спустилась по лестнице и вышла на заснеженную улицу. Целыми днями она кружила по безымянным улицам, не зная, куда идет, озябшая и промокшая. Идти ей было некуда. По ночам она спала под грудями мусора или в сточных канавах, где было теплее, но по ногам бегали крысы. Отчаянно хотелось выпить. Она клянчила еду... Уже на грани смерти, измотанная лихорадкой, обессиленная, она забралась в нишу величественного каменного здания и потеряла сознание.

Очнувшись, Селеста увидела над собой заботливые лица монахинь, которые ее и нашли. Дни напролет она бредила, сражалась с лихорадкой, то проваливаясь в кошмары, то выныривая из них. Часто она просыпалась с криком и яростно отталкивала нежные руки, пытавшиеся ее удержать. Потом лихорадка отступила. Селеста молчала, не желая говорить ни с кем. Она удалилась в безмолвный мир, где каждую ночь выплакивала все слезы и лишь тогда засыпала. При ней всегда находился кто-нибудь из монахинь, держа за руку и пытаясь успокоить. Ей приносили суп, чистую одежду и старательно выхаживали. Ее не спрашивали, кто она, через что успела пройти, чем занималась и как оказалась в нише их монастыря.

Убийца? Шлюха? Похоже, монахиням до этого не было дела.

Селеста осталась жить в монастыре. Потянулись месяцы. Ей разрешили помогать в огороде, где она обнаружила, что под ее руками все растет. Она помогала белить стены тесных келий. Она работала на кухне, готовила и мыла посуду. Поначалу Селеста ела у себя в келье, но постепенно стала делить трапезу то с одной, то с другой монахиней. В монастырском дворе был курятник. Селеста чинила проволочные клетки, меняла солому и собирала яйца. Она мыла полы и стирала в ручье постельное белье и одежду. Она безропотно соглашалась на любую работу, кроме той, которая требовала покидать спасительные стены монастыря, ставшего ее крепостью.

Она убедилась, что ей нравится такая жизнь, нравится жить среди монахинь, не задающих никаких вопросов и равнодушных к ее прошлому. Она полюбила простоту монашеской жизни. Но больше всего она полюбила жизнь вдаль от мужчин. Она вновь начала говорить.

Почти через год Селеста умерла и родилась сестра Годрик. Годрик было мужским именем с англосаксонскими корнями. Она взяла себе это имя, поскольку в нем отсутствовало что-либо женское, а еще потому, что в переводе оно означало «Божья сила». Над ней разверзлись небеса, и невидимые струи, хлынувшие оттуда, омыли Селесту и погрузили в совершенство ее новой жизни. Подобно многим новообращенным, она была опьянена этой жизнью, полностью перестав замечать все остальное. Она целиком, без ограничений, увилваний и сомнений, отдалась безраздельному служению Богу.

Она стала целеустремленной женщиной, решившей очиститься от прежней жизни и избавиться от всего нечестивого. Ею двигала потребность освободить сердце от привязанности к материальным предметам, она жаждала жить в отрешенности и бедности, отказаться от собственной воли, предпочтений, фантазий и капризов. Когда устав монастыря показался ей недостаточно строгим, она поняла, что может подвергнуть себя еще большему самоотречению и освободиться от всех мирских удовольствий и удобств.

«Умерщвляйте внешние чувства», – поучала монахинь аббатиса. Годрик почувствовала, что это ей нравится; более того, в ней открылся настоящий талант к этому. Поначалу во время простой монастырской трапезы она старалась думать о чем-то неприятном, чтобы пища казалась как можно менее вкусной. Осознав, что ей по-прежнему нравится вкус помидора или моркови, она стала брызгать овощи квасцами, превращая в горькие и сухие. Если ей попадалось что-то сладкое, она немедленно это выплевывала. Если она ловила себя на том, что любит картину, предметом мебели или даже обложкой Библии, то тут же выбирала самую неприглядную часть помещения и смотрела туда, ища покаяния в созерцании чего-то тусклого и однообразного.

«Несите в мир ваши страдания за нашего Господа», – призывала аббатиса, и Годрик превосходила других, изобретая способы подвергнуть плоть всяческим неудобствам и свыкнуться с отталкивающими проявлениями внешнего мира. Даже зимой она ходила только в стоптаных сандалиях на босу ногу и молилась в снегу, пока не переставала чувствовать пальцы ног. Во время благочестивых размышлений она стояла на одной ноге, а когда перенапряженные мышцы не выдерживали и она падала на пол, то тут же повторяла упражнение на другой ноге. Зимой она спала без одеяла, чтобы холод мешал по-настоящему высыпаться, а летом, наоборот, накрывалась всем чем только можно, обливаясь потом. Она сшила себе платье из старой, потертой материи, но затем выбросила, поскольку ткань оказалась недостаточно грубой и не натирала тело. Мылась она только холодной водой, беря мыло, в которое был добавлен песок, и до крови сдирая себе кожу.

«Избегайте легкомыслия ума», – требовала аббатиса, и Годрик научилась выбирать книги исключительно духовного и философского содержания, а не те, что могли подстегнуть ее воображение. Излишнее любопытство мешало преданности Богу; таков был урок Евы.

«Избегайте тщеславия», – наставляла аббатиса, и Годрик намеренно обкромсала себе волосы, спрятав остатки под плат. Она сбрила брови и укоротила ресницы, которыми так восхищались мужчины в черные дни ее прошлого, еще до появления Годрик. В монастыре не было зеркал и вообще каких-либо напоминаний о мирском облике, который она так ненавидела.

«Будьте послушными», – велела аббатиса, и Годрик беспрекословно выполняла любую порученную ей работу. Ей было хорошо, поскольку послушание избавляло от необходимости думать самостоятельно.

В неистовом стремлении стать совершенной монахиней Годрик наткнулась на неожиданную сложность. Она старательно упражнялась в умерщвлении плоти, изгоняла тщеславие, изобретала новые способы страдания и вдруг поняла: чем сильнее она издевается над собой, тем больше ей это нравится. Чем больше болезненного содержалось в том или ином упражнении, тем более приятные ощущения это вызывало. А чем больше приятных ощущений, тем сильнее чувство вины, поскольку приятные ощущения относились к проявлениям тщеславия и противоречили ее системе самовоспитания. Она изобретала новые способы наказать себя за то, что посмела испытать приятные ощущения. Она без конца постилась. Ночью она лишала себя сна, сидя на холодном полу своей кельи. Она отказывалась заводить дружбу с другими монахинями, поскольку дружба пробуждала внутри теплые чувства, а они являлись грехом, ибо относились к самоудовлетворению. У монахини в друзьях могут быть только Бог и Его сын Иисус Христос. Такой дружбы более чем достаточно.

После пяти лет монастырской жизни, протекавшей безмятежно и без каких-либо перемен, аббатиса приказала сестре Годрик начать учительствовать в приходских школах. Поначалу она возненавидела новое послушание. Ей было страшно вновь оказаться во внешнем мире. Общение с мирянами ужасало ее, даже если ей предстояло учить мальчишек нежного возраста. Тот мир – мир мужчин – был долгие годы для нее закрыт. Однако она нашла выход из затруднительного положения: раз ей так не нравится новое послушание, значит это хорошо. Она поняла, что справится.

Когда от епископа Булонь-Бийанкура поступил запрос на учительницу для четвертого класса, аббатиса выбрала Годрик. Вот так она появилась в приходской школе при соборе Сен-Поль, чтобы обучать Муссу, Поля и остальных ребят их класса.

– Поскольку высокомерие не позволяло тебе, Мишель де Врис, уподобиться остальным и склонить голову в молитве, возможно, ты размышлял об особенностях нашей учебы в этом году. Можешь сказать, что нам предстоит изучать? – (Мусса покачал головой.) – Так я и думала. Слово *тривиум* для тебя что-нибудь значит?

– Нет, сестра.

– Ах, какой высокообразованный и высокомерный мальчик! – Из дальних углов послышалось чье-то хихиканье, и монахиня подняла руку, требуя тишины. – А *квадривиум*? Что это такое? – (Молчание.) – Так я и думала. Как вижу, ученость не поспевает у тебя за самомнением. Быть может, ты все-таки выбросишь из головы разные глупости и уделишь внимание учебе. За этот год вы достигнете развилки, откуда расходятся три дороги: грамматика, риторика и логика. Затем вы познакомитесь с *квадривиумом*, включающим в себя геометрию, астрономию, арифметику и музыку. Ничего особо трудного для ваших пустых голов, но этим мы будем заниматься вместе. Вы будете учиться во славу Божию, а я – вести вас по этой дороге.

Так продолжалось все утро. Мусса еще трижды становился предметом внимания сестры Годрик, и всякий раз это кончалось для него плохо. Но худшее наступит впереди, когда начнется перемена. Тогда произойдет то, что каждый год происходило с ним в первый день занятий. Мальчишки станут его задирать, дразнить. Могут и драку затеять. Какие-то годы были хуже других, но никогда первый день в школе не проходил гладко. Муссе подумалось, что повышенное внимание к нему со стороны сестры Годрик лишь усугубит его положение. Он оказался прав. Перемена не продлилась и пяти минут, как все началось. Пьер Валлон, мальчишка из их класса, стоял в углу двора с кучкой дружков. Когда Мусса и Поль появились в дверях, Пьер стал показывать на Муссу пальцем, хохотать и произносить слова дразнилки:

– Полукровка, ду-ду-ду! Жариться тебе в аду!

– Почему Мишель? – подхватил кто-то из дружков. – Почему не Имбецил? Хорошее христианское имя!

Кто-то, поддавшись настроению, стал выкрикивать глупые и обидные имена. Вскоре в воздухе просвистел камень, ударив Муссу в плечо.

Дни, когда Мусса относился к этому безучастно, прошли, равно как и дни, когда издевательства вызывали у него слезы. Он так и не мог понять, что заставляет ребят его дразнить. Он лишь сознавал: да, он чем-то отличается от них, он другой, и этого не изменить. Когда в пять лет его впервые обидели и он помчался за утешением к Серене, она посоветовала сыну терпение.

– Не обращай на них внимания, – сказала она. – Откажи им в удовольствии видеть, как ты наполняешься злостью. – Она и сама достаточно настрадалась из-за того, что не похожа на других. – Пусть себе кричат, а ты не отвечай. Они лишь завидуют твоему благородному происхождению, – утверждала Серена, пытаясь смягчить резкость детских оскорблений. – Когда тебя называют полукровкой, ты должен помнить о настоящем значении этого слова. Оно означает, что ты лучший в двух мирах: лучший среди французов и лучший среди туарегов.

Пока Мусса сидел на материнских коленях, ее советы казались правильными и мудрыми, однако в школьном дворе они быстро испарялись. Терпение лишь поощряло его мучителей к большей изобретательности по части пакостей, к тому же они обвиняли его в трусости и называли слабаком. Если он плакал, это только подхлестывало их злость.

Однажды, когда Анри увидел своего уже восьмилетнего сына с расцарапанной щекой и спросил о причинах, Мусса признался отцу во всем.

– Мама по-своему права, – выслушав сына, согласился Анри. – Но сейчас, думаю, твои обидчики заслуживают хорошей трепки. Ты должен их проучить. Лучше бы обойтись без этого, но они уважают только силу.

После этого Мусса усиленно старался помнить материнский совет, хотя постоянно убеждался, что кулаки действуют успешнее. Поначалу большинство драк кончалось не в его пользу, но остаться с разбитым носом после драки устраивало его больше, чем когда тебе просто расквасят нос. Постепенно благодаря урокам, получаемым от отца и Гаскона, он стал одерживать верх. Вскоре одноклассники убедились: связываться с Муссой себе дороже. Даже если им и удастся его поколотить, это потом им аукнется, и еще как.

И потому сегодня Мусса не стал терпеть и бросился на Пьера. Замелькали кулаки. Вскоре Пьер уже лежал на спине, а Мусса беспощадно его молотил. У Пьера была разбита губа. Он отбивался, как мог. Трое его дружков ввязались в драку, что заставило и Поля примкнуть к двоюродному брату. Они вдвоем дрались против четверых. Поль с Муссой дубасили мальчишек, но тех было больше, и они начали одолевать братьев и пинать ногами. И тут, словно из ниоткуда, появилась сестра Годрик со своим паддлом. Она вклинилась в гущу дерущихся и принялась раздавать удары направо и налево, хлеща со всей силы. Вопли боли смешивались с ударами деревянного паддла по рукам, локтям и головам. Наконец монахине удалось прекратить побоище и выстроить всех в ряд. Мальчишки тяжело дышали.

– Сестра, это он виноват, – едва обрета дар речи, сказал Пьер, ткнув пальцем в сторону Муссы. – Он начал.

Дружки Пьера закивали.

– Де Врис начал! – подтвердил один из них.

– Да, так оно и было! Де Врис бросился камнем!

Пылающие глаза сестры Годрик оглядели Муссу.

– Это правда?

Мусса отказывался отвечать. Никакой монахине, никакой учительнице не уладить этот конфликт, и он не собирался искать у нее защиту. Позже он сам все решит. Поль попытался что-то сказать, но Мусса сердито пихнул его локтем под ребра.

– Твое молчание красноречиво, Мишель де Врис.

Монахиня вновь окинула его взглядом, уже холодным. Мусса не знал значения слово «красноречиво», однако чувствовал: добром это не кончится. Он старался не показывать виду, а просто выдерживал взгляд сестры Годрик без бунтарства, но и без робости, пока страх не заставил его отвести глаза.

– Гляжу, в тебе избыток гордыни, Мишель. Она побуждает тебя насмеяться над миром. И это приведет тебя к погибели. В классе ты отказываешься склонять голову перед Господом, во дворе прибегаешь к насилию... Что ж, тогда идем со мной. Посмотрим, как нам повлиять на твою гордыню. Мы поможем тебе узнать, являешься ли ты центром мира.

Она привела Муссу в помещение, открыла хозяйственный шкаф и достала оттуда большое ведро, пару щеток, ветошь и коробку со щелоком. Взяв все это, они с Муссой направились за школу, в отдельно стоящий домик, где находилась уборная. Не постучавшись и не спросив, есть ли кто здесь, она втолкнула Муссу внутрь. Там к одной стене примыкал невысокий каменный выступ с дырками, куда ученики приходской школы справляли естественные надобности. День выдался жарким, что делало вонь особенно удушливой. Муссе даже по нужде было противно туда заходить. Мерзкое место. Он скорчил недовольную гримасу. Сестра Годрик опустила ведро и взмахом руки указала на выступ:

– Посмотрим, долго ли продержится твоя гордыня здесь, пока ты трудишься, стоя на коленях. Я вернусь через час. Убирая грязь, очищай и свою душу.

Работа подвигалась медленно. Весь воздух был пропитан вонью. Брызги от щеток летели на лицо, а несколько капель попали даже на язык. Мусса поперхнулся и долго отплеывался,

пока во рту не осталось слюны. Убирая, он все время следил, не покажутся ли где пауки. Он ненавидел всех пауков, однако самый большой страх в нем вызывали те, что жили в уборных: отвратительные, черные и ядовитые. Иногда они прятались под кромками и кусали зазевавшихся в самые болезненные места.

Орудя щетками, Мусса думал о своем положении, не сулившем ему ничего хорошего. Он чувствовал, что по горло сыт этой монахиней. Она не обладала чувством юмора и, кажется, уже была настроена против него. Он не понимал, что успел натворить, но чувствовал: что бы он ни сказал и ни сделал, для сестры Годрик это будет *merde*. Даже его *имя* вызвало у нее раздражение. Это показалось ему несправедливым. Никому в классе новая учительница не уделяла столько внимания, сколько ему. А потом еще и свалила на него вину за драку. По мнению Муссы, так вести себя нечестно. Она не приняла чью-либо сторону, однако почему-то наказала его одного. Непростая штука эта сестра Годрик.

Где-то через полчаса в уборную пришли другие мальчишки. Мусса подозревал, что сестра Годрик нарочно отпустила их пораньше, чтобы унижить его еще сильнее. Нагнувшись, он продолжал скрести каменный выступ. От раздавшихся хихиканий и шуточек у него вспыхнуло лицо.

– Никак это сын *графы* де Вриса убирает дерьмо?

– Не знаю. Я вижу лишь его задницу.

– Это не может быть Муу-у-ус-с-а-а-а. Африканцы не убирают свою мочу. Они ее *пьют!*

– Так он же наполовину француз. Наверное, Мишель убирает свою половину, а остальное выпивает Мусса!

– А дерьмо африканцы едят?

Жар внутри Муссы нарастал, но он по-прежнему не поднимал головы. Оскорбления одноклассников и вызываемая ими душевная боль эхом отражались от каменных стен и звенели у него в ушах. В горле стоял комок, губы дрожали. Глаза увлажнились. Он знал: еще немного, и оттуда хлынут слезы.

Я уже слишком взрослый, чтобы плакать! Я не заплачу, ни за что! Раствором щелока он чертил на серой осклизлой поверхности большие белые круги, двигаясь по часовой стрелке.

«Не обращай на них внимания, – советовала ему мать. – Откажи им в удовольствии видеть, как ты наполняешься злостью».

Он поменял направление и теперь водил руками против часовой стрелки, все сильнее давя на щетку.

«Задай им хорошую трепку, – говорил отец. – Пусть заплатят за свои забавы».

Мусса обмакнул щетку в воду, плеснул на пол и нарисовал еще несколько кругов. Раздававшиеся звуки напоминали царапанье когтей. В уборной не умолкал смех, а оскорбления лишь подогревали ярость Муссы. Потом голоса зазвучали тише и стали неразборчивыми. Он уже не слушал, погрузившись в себя. Мусса научился отгораживаться от внешнего мира и уходить в то место своего разума, куда не мог проникнуть никто посторонний.

Он твердил себе, что это не задевает его. Уверял себя, что ему наплевать. Но он знал, что врет. Все это очень даже задевало его. Ему было не наплевать, что они думают о нем и как поступают. Он ненавидел сверстников за это, ненавидел себя, оказавшегося постоянным предметом их шуток. Муссе отчаянно хотелось, чтобы одноклассники его любили. Он жаждал быть обыкновенным мальчишкой, быть как все. Он не понимал, почему с такими родителями, как Анри и Серена, он вынужден страдать. Он любил мать с отцом, но иногда ловил себя на мысли: «Лучше бы они были...» Какими именно – он не знал, но лучше бы они были нормальными, как родители остальных ребят. Но больше всего Муссе хотелось, чтобы ребята попросту оставили его в покое.

После долгих раздумий он принял решение, как ему быть дальше. На уроках он будет следовать советам матери и стойко переносить все издевательства. А вот после занятий он вспомнит отцовские советы и вышибет мозги своим обидчикам.

Пока мальчишки болтали и шутили, Пьер отделился от них и как ни в чем не бывало приблизился к месту, где трудился Мусса. Мусса поначалу этого не заметил, но вскоре был грубо выбит из своих раздумий. Пьер вздумал облегчиться рядом с ним, и теплые брызги мочи попали Муссе на лицо. Пьер завыл от смеха:

– Пей, де Врис! *Le meilleur de France!*³⁵ Отнеси чашечку домой и угости свою мамочку!

Мусса накинулся на него, и смех мгновенно стих. Пьер не успел отреагировать и защититься. Мусса с силой ударил его по носу, а затем окунул голову Пьера в ведро с водой, ставшей уже основательно грязной. Никто из ребят не пришел Пьеру на помощь. Видя разгневанное лицо Муссы, они оцепенели от его яростных ответных действий и не осмеливались вмешиваться. Грязно-коричневая вода в ведре стала коричнево-красной от крови, капавшей из носа Пьера. Пьер булькал и сопротивлялся, однако Мусса держал его крепко. Лицо его самого стало красным. Он тяжело дышал. Никогда еще он не испытывал такого гнева. Щадить своего противника он не собирался.

– Мусса, прекрати! Остановись! Отпусти его! – Поль что есть силы встряхнул двоюродного брата. – Говорю тебе, прекрати! Ты его утопишь!

Мусса не откликнулся. Он держал Пьера за затылок, не позволяя поднять голову. Пьер отчаянно и беспомощно молотил руками в воздухе. Тогда Поль обеими руками схватился за воротник рубашки Муссы, норовя опрокинуть на пол. Мусса разжал руки. Голова Пьера, словно пробка, выскочила из ведра. Он лежал на полу, отплевываясь, размазывая кровь, кашля и плача. Его глаза, воспалившиеся от щелока и мочи, которой в воде хватало, были закрыты.

Сидя в классе за столом, сестра Годрик услышала плач, донесшийся из уборной. Она отложила перо и вслушалась. Вой посрамленной гордыни, как она и ожидала. Монахиня кивнула, уверенная, что ее способ возымел действие. Больше ей не придется умирять строптивого де Вриса. Когда она вернулась в уборную, дабы оценить работу, Пьера там не было. Отсутствовал он и на дневных занятиях. Когда она спросила, где он, никто понятия не имел, куда он подевался. Сестра Годрик недовольно покачала головой и пометила у себя в журнале. Завтра утром она разберется с этим прогульщиком.

На дневном занятии изучали латынь. Мусса решил, что древний язык нравится ему не больше, чем уборка отхожих мест. Годрик раздала ученикам тетради в твердой обложке и велела написать на первой странице свое имя. Мусса не участвовал в спряжении латинских глаголов. Остальные бубнили в унисон:

– *Rego, regis, regit, regimus, regitis...*

Его губы шевелились, но это была та же имитация, что и во время молитвы. Мусса тербил карандаш, вложенный в переплет тетради. Случившееся с Пьером не доставило ему удовольствия, но и огорчения по этому поводу он тоже не испытывал. Наверное, теперь ему станет полегче, и это уже радовало. Возможно, нынешний учебный год окажется не таким уж скверным. Несколько мальчишек даже попытались с ним помириться, самые слабые и бесхарактерные. Теперь его на какое-то время перестанут задевать, а это уже что-то.

– *Superatus sum, superatus es, superatus est, superati sumus...*

Он смотрел на имя, выведенное на первой странице тетради. «Де Врис Мишель». Ему было странно писать это имя, словно оно принадлежало кому-то другому. Мусса никогда не писал это имя и не использовал. Никто никогда не называл его Мишелем. Это было его второе имя, лежавшее мертвым грузом вплоть до сегодняшнего дня. Мусса стал рисовать карандашом

³⁵ Лучшее, что есть во Франции! (*фр.*)

петли вокруг крупных печатных букв. «Мишель», – мысленно произнес он, крутя имя у себя в голове. Оно ему не нравилось. Это было его имя и в то же время не его. Сестра Годрик не имела права менять его имя.

«Они уважают только силу», – говорил ему отец.

Кончилось тем, что Мусса стал водить карандашом по имени, пока не проделал дыру в листе. Имя исчезло. Тогда он вырвал поврежденную страницу и начал писать заново. Он писал крупными печатными буквами посередине листа, стараясь не вылезать за линейки и обводя каждую букву дважды, чтобы выглядела красивее.

ДЕ ВРИС МУССА

Он почувствовал себя лучше. Это снова выглядело правильно.

В конце занятий сестра Годрик велела ученикам сдать тетради. Ребята выстроились цепочкой и по очереди подходили к ее столу. Монахиня открывала каждую тетрадь и проверяла, в нужном ли месте написано имя и выполнены ли задания. Чем ближе оказывался Мусса к столу сестры Годрик, тем быстрее билось его сердце. Наконец подошла его очередь. Монахиня открыла тетрадь и смотрела на страницу, ничего не говоря. Ее лица Мусса не видел, только черный плат ее одеяния и белую кайму надо лбом. Затем сестра Годрик подняла голову, и их глаза во второй раз за день встретились. Мусса переминался с ноги на ногу, но выдерживал ее взгляд. Смотреть в ее глаза было все равно что в глаза отцовских соколов. Глаза у сестры Годрик были узкими, холодными и не имели бровей. Он ничего не мог в них прочесть. Они смотрели Муссе внутрь, туда, куда даже он сам не заглядывал.

Класс замер. Чувствуя, что что-то происходит, мальчишки молча смотрели. Не говоря ни слова, сестра Годрик начала вырывать страницы из тетради Муссы. Одну за другой. Она вырывала их и бросала в мусорную корзину возле стола. Когда были вырваны все страницы, в корзину отправилась и обложка.

Наконец сестра Годрик заговорила, и ее голос пронзил тело Муссы насквозь, словно осколок льда:

– Если, *Мишель*, ты не начнешь выполнять задания как положено, тебя исключат из этого класса, – сказала она. – И тогда, по воле Божьей и по распоряжению епископа, в будущем году ты снова встретишься со мной.

– Я вот думаю, смогу ли я пойти в армию, – сказал Мусса Полю, когда они возвращались домой.

На берегу Сены они остановились и стали бросать в воду камешки. Солнце все еще высоко стояло над головой. Мусса был уверен: сегодняшний день – самый длинный в его жизни. Война вряд ли может оказаться хуже школы, а пруссакам стоило бы кое-чему поучиться у сестры Годрик.

– Сомневаюсь. По-моему, туда берут с шестнадцати лет. – Поль пустил камешек по воде, и тот несколько раз подпрыгнул, прежде чем исчезнуть. – Целых пять раз! – восторженно произнес Поль.

Мусса тоже бросил камешек, предвкушая, как тот запрыгает по воде. Однако сегодня ему не везло во всем, и даже камешек немедленно бултыхнулся вниз.

– При такой скорости событий сомневаюсь, что я *дотяну* до шестнадцати, – горестно вздохнул он.

Глава 7

Казалось, эта маленькая деревянная телега не пропускала ни одной выбоины на дороге. Две спицы сломались, и их скрепили проволокой для вязки тюков. Потом не выдержала и починка, которую, в свою очередь, стянули кожаными ремнями. Каждый новый ремонт приближал телегу к полному развалу. Однако пока она тряслась и грохотала, двигаясь по дороге. Ее тянул мул, выглядевший еще хуже телеги. За ней двигались обозные телеги, а за ними – две цепочки по семьдесят три человека. Каждый идущий был прикреплен железным кольцом к цепи. Сама цепь одним концом крепилась к задней стенке последней обозной телеги, а другой волочился по земле, гремя, клацая и вздымая пыль. Впереди колонны ехал сержант жандармерии, а по бокам и сзади – несколько вооруженных стражников.

В телеге Жюль сидел один. Он ехал, тогда как другие шли. То было жестоким снисхождением к его рангу. Отделенный от остальных, он привлекал к себе внимание и выглядел чем-то диковинным на дороге из Мо в Париж, по которой сейчас двигалась колонна. Его ноги сковывали железные кандалы. Хорошо еще, что снаружи кандалы не были заметны, однако всякий увидевший его понимал: это такой же арестант, как и остальные.

Шалон промелькнул перед ним, как в тумане. Приехав туда с солдатом Делеклюза, он обнаружил, что военный лагерь почти пуст. Основная часть солдат и офицеров гарнизона покинули Шалон, и город являл собой бледную тень того Шалона, каким он был всего несколько дней назад. Улицы опустели и приобрели вполне мирный вид. К жителям вернулась свобода передвижения, которой они какое-то время были лишены. Жюль ожидал быстрого разрешения своего дела; достаточно лишь поговорить с любым здравомыслящим офицером. Он рассчитывал встретиться с командиром лагеря генералом Дюкре – прекрасным человеком, когда-то преподававшим в Сен-Сире, однако генерала отозвали. Заместителем Дюкре был полковник Мерьер, которого Жюль тоже знал, но и он уехал в Орлеан. В лагере не осталось офицеров рангом выше майора Кабасса. Тот Жюля видел впервые и не откликнулся на все протесты полковника де Вриса и уверения в невиновности. Майор прочитал рапорт Делеклюза, повествующий о дезертирстве Жюля, затем перевернул лист и прочитал приписку сержанта, помешавшего ему совершить побег. Кабасс не имел никакого желания ввязываться в историю, которая дальше наверняка станет только отвратительнее.

– Отсюда в Париж отправляется арестантская колонна, – сказал майор. – Вас включат в ее состав.

Жюль горячо возражал. Чем дальше он окажется от своих солдат, от преступлений, совершенных в крестьянском доме, и от этой части страны, тем труднее будет ему продемонстрировать свою невиновность. Его возражения пропускали мимо ушей. А затем он в полной мере испытал свалившееся на него унижение. Он распинался перед майором, младшим по званию, который должен был бы проявить чувство офицерской солидарности. Однако тот, не дослушав жаркую речь Жюля, попросту повернулся к нему спиной и молча вышел.

«Этого не может быть, – думал Жюль, когда его уводили. – Такое попросту невозможно».

Сержант, управлявший колонной арестантов, оказался человеком добрым и отзывчивым. Он один проявил к Жюлю должное уважение. Усаживая полковника в телегу и защелкивая кандалы на ногах, он извиняющимся тоном произнес:

– Я вынужден это делать, сир. Приказано. – Закончив, сержант протянул Жюлю горсть сигар. – Это скрасит ваш путь, господин полковник.

– Благодарю вас, сержант, – ответил Жюль, обрадовавшись сигарам и еще больше обрадовавшись этому мигу проявленной к нему человечности.

Они отправились в Париж. Сержант верхом, полковник на телеге, за которой шли арестанты: убийцы, бунтовщики и дезертиры. Колонна двигалась по узкой дороге, тянущейся

вдоль берега Марны. Покинув Мо, они через час остановились на ночлег. Пешие арестанты, утомленные и пропыленные дорогой, повалились на землю. Жюль попытался устроиться в телеге. У него была вода, но ни крошки еды. Его это не заботило. Чувство голода осталось где-то позади.

В эту предосеннюю пору днем еще было по-летнему жарко, но к ночи ощутимо похолодало. Светила полная луна. Жюль лежал, не в силах заснуть. Время тянулось еле-еле. Несколько раз он садился, закурил сигару и смотрел на призрачные черные тени, окруженные лунным светом. Его разум находился в смятении. Перед мысленным взором возникали темные безумные глаза Делеклюза. Потом появлялись тела гвардейцев, обильно политые керосином. Он видел убитую малышку, лежащую на материнской груди.

Жюль яростно жевал конец сигары. Он ни секунды не сомневался, что справедливость восторжествует. У него есть влиятельные друзья. Гнусная ложь с его «дезертирством» раскроется. Настоящий преступник будет пойман и предан суду. Жюль сам завяжет Делеклюзу глаза и поставит к стенке. Он будет командовать расстрельным отрядом. Он из жалости добьет смертельно раненного капитана. На протяжении долгой холодной ночи он сотню раз видел, как умирает Делеклюз.

Наутро, когда солнце начало припекать, к колонне подъехал крестьянин, везший зерно в Париж. Заднее колесо его подводы застряло в опоре моста и было безнадежно сломано. Всякий раз, когда оно поворачивалось, телега с мешками вздрагивала, угрожая развалиться. На мешках лежал раненый солдат с повязкой на глазах. Повязка была грязной и окровавленной, но кровь успела высохнуть. Правая нога солдата заканчивалась чуть ниже колена.

– Можете довести этого парня до Парижа? – спросил у сержанта крестьянин. – Мне с таким колесом дальше никак, а у него там родня.

Сержант пожал плечами. Разумеется, его никто не обязывал спрашивать Жюля, но он был вежливым человеком.

– Полковник, вы не возражаете? Он поедет с вами.

– Ничуть. Укладывайте его.

Жюль пододвинулся. Сержант с крестьянином переложили раненого с подводы на телегу. Когда его переносили, парень морщился, видимо, от своих ран, но помогал, как мог. Его положили на дощатое дно телеги. Парень был совсем молодым, бледным, с волосами песочного цвета и белыми ровными зубами. Рослый, сильный, невзирая на боль, он старался улыбаться. Улыбка его была заразительной. Такие люди вызывают инстинктивную симпатию у окружающих. Устроив раненого, сержант забросил в телегу его вещмешок.

– Полковник, вас не затруднит подложить это ему под голову вместо подушки? – спросил сержант.

– Полковник? – Жюль видел, как парень оцепенел. – Так вы... вы *полковник*, сир? – спросил он со смешанным чувством почтения и восторга.

Оторопевший парень не знал, как себя вести. Он с усилием поднялся и сел «по стойке смирно», пытаясь определить, в какую сторону повернуть голову.

– Отставить, рядовой! Лежи спокойно. Да, я полковник де Врис из Императорской гвардии.

Парень даже присвистнул:

– Простите, что вынужден вас стеснять, господин полковник. Надеюсь, я вам не слишком мешаю. – Раненый говорил все это искренне, больше заботясь об удобстве для полковника, чем для себя самого. – Черт бы меня побрал, господин полковник, я впервые нахожусь рядом с настоящим офицером! Никого выше капитана не видел. Я про капитана Фроссара, господин полковник. Так и то мы видели его со спины, на лошади. А таких, как вы, даже издали не видели. Рядовые вроде меня – они всегда видят важных людей только издали.

– Думаю, я ничем не отличаюсь от обычных людей. Как тебя звать?

– Мийяр, господин полковник. Рядовой Этьен Мийяр.

Даже повязка не могла скрыть волнения на лице раненого. Кожа у него была еще мальчишеская, мягкая и гладкая. Даже бриться не начал. На подбородке поблескивал пушок. Жюль прикинул возраст солдата: лет шестнадцать или семнадцать. Парень все не мог привыкнуть, что находится рядом с полковником.

– Императорская гвардия, господин полковник? Значит, вы видели самого императора? В смысле вблизи?

– Много раз. Наша штаб-квартира размещается... точнее, размещалась в Тюильри.

– Во дворце?

– Да, во дворце.

Несколько минут Этьен переваривал услышанное. Преодолевая слепоту, он пытался представить человека, находящегося с ним в одной телеге, человека, видевшего императора, причем не на параде, когда император находился так далеко, что казался игрушечным человечком.

– Я очень рад, что еду с вами, господин полковник. Добираюсь на перекладных из Форбака. Я хорошо повоевал. Хочу домой. После ранений меня отпустили. Сказали, теперь от меня никакого толку. Еще сказали: «Если хочешь, добирайся сам». Иначе неизвестно, сколько бы я еще дожидался. Я валялся в палатке. Вернее, возле палатки, когда мне ногу оттапали. Внутри места не хватало. – Обо все этом Этьен говорил буднично, без тени эмоций. – Господин полковник, вы едете прямо в Париж? Мне туда и надо. Но если вам не туда... я не хочу вас... я просто...

– Да, прямо в Париж. Завтра ты будешь там.

– Великолепно, – пробормотал довольный парень, чувствуя, что находится почти дома. – Наверное, вас отправили по важному делу, раз послали самого полковника.

Вопреки настроению, Жюль улыбнулся наивности парня. Потом, думая над вопросом, содержащимся в утверждении Этьена, он испытал незнакомое доселе чувство, престранное чувство, еще ни разу не посещавшее его. Это было чувство неловкости. Он, полковник, оказался в одной телеге со слепым, изувеченным парнем. И сейчас он не знал, что сказать в ответ.

– Мы движемся с колонной военнопленных, – только и мог объяснить Жюль.

Этого хватило. Этьен удовлетворился таким объяснением.

– Если хотите знать мое мнение, господин полковник, вам бы стоило поубивать их, а не брать в плен. Они же звери. Нас с вами они бы убили, не раздумывая.

Парень явно думал, что Жюль сопровождает колонну прусских военнопленных. И вновь Жюль почувствовал жуткий гнет от необходимости врать, от ситуации настолько чудовищной, что ее и не объяснишь. Он не совершил никакого преступления, а этот мальчишка было всего-навсего рядовым. Казалось бы, мнение какого-то солдата не должно его волновать. Но оно почему-то волновало, и он вновь не представлял, что говорить.

– Ты куришь?

– Когда удастся достать, да, господин полковник.

Жюль протянул ему сигару. Парень взял ее, ощупал. Сигара была толстой и ароматной. Этьен поднес ее к носу. Лицо расплылось в довольной улыбке.

– Благодарю, господин полковник, это чудесная сигара.

Жюль зажег ему сигару. Парень блаженно привалился к вещмешку, затянулся и тут же закашлялся. Кашель потянул за собой спазмы боли, перекосившей лицо солдата, но Жюль ничем не мог ему помочь. С минуту Этьен приходил в себя и глубоко дышал, восстанавливая силы.

– Извините, господин полковник. Мне давно не доводилось курить такие прекрасные сигары.

– Ничего страшного. Следующую будет курить легче.

Телега подсакивала на дороге. Каждая выбоина ее сотрясала, и встряска распространялась по всему телу Жюль. С такими неудобствами он еще не ездил. После нескольких часов пути у него ломило спину, руки и ноги. Он догадывался, каково сейчас парню, но Этьен не жаловался. Время тянулось медленно, как и окрестный пейзаж. Колонна двигалась в сонном ритме. Поверхность Марны была сплошь покрыта сучьями и корягами, лениво проплывавшими мимо. Жюль смотрел на реку и разговаривал с парнем. Он обрадовался неожиданному попутчику, помогавшему скоротать время. Он отвечал на вопросы любознательного Этьена, касавшиеся Алжира и Италии, и рассказывал про военную историю. Не привыкший к праздным разговорам, Жюль поначалу говорил неохотно, однако характер у парня был настолько легким, что вскоре полковник расслабился и почувствовал себя вполне в своей тарелке. Этьен жадно слушал, замороженный историями об иностранных походах, о давно умерших генералах и давнишних победах. Он и сам не молчал, с большим энтузиазмом принимая участие в разговоре. Этьен был единственным сыном плотника и уборщицы. Его небогатая семья жила на Монмартре. До вступления в армию он не мог найти себе работу. Став солдатом, он прошел всего трехнедельное обучение, после чего их погрузили в поезд и отправили на фронт.

– Я заменитель, – с гордостью сообщил он, и это слово для него много значило; произнося его, Этьен размахивал сигарой в воздухе. – На призыве сын биржевого торговца вытащил «плохой номер». У него была страховка, и я пошел вместо него. – Парень затянулся сигарой, но уже не закашлялся. – Моей матери это принесло полторы тысячи франков. Таких денег она давно не видела, как пить дать. Ей пришлось соврать насчет моего возраста, чтобы меня... – Этьен замолчал и покраснел, поняв, что сболтнул лишнее. – Господин полковник, я знал, что так нельзя, но матери очень нужны были деньги...

– Не волнуйся, – успокоил его Жюль. – Твоя тайна дальше меня не пойдет. Как бы то ни было, а ты показал себя храбрцом.

Это было довольно распространенной практикой. Если во время призыва кто-то вытаскивал «плохой номер», он мог заплатить другому призывнику, и тот отправлялся служить. Стоило это полторы тысячи франков. Существовали даже страховые конторы, продававшие дешевые полисы тем, кто мог их купить. Всегда находился заменитель, которому требовались деньги, и вопрос воинского долга перед родиной был решен.

– Где тебя ранило?

– Под Спишераном, господин полковник. Я так думаю. Карт у нас не было. Кто-то говорил, что мы находились в Жифере. Я знаю, там лес. Так что, может, и там. А могло и в другом месте. Мы вечно сбивались с дороги. Бродили, сами не зная где.

– Мне знаком лес Жифер. Я там бывал.

Жюль проезжал через те места намного раньше, еще до сражений. В лесу было тихо и пусто, и он ничем не отличался от всех других мест, где полковнику пришлось бывать в первые недели войны.

– Жифер или другое место, но там-то мы и увидели пруссаков. Ей-богу, – сказал Этьен. – Задали им трепку, господин полковник. Пустили на них все боеприпасы, какие у нас были. В то время шли сплошные дожди, трудно было разглядеть, что к чему, но нам удавалось. Вестовые говорили нам, куда идти, потом направление менялось, но нас это не заботило. Мы видели, как пруссаки лезут на холм. У нас были винтовки Шасспо. Мы лупили по пруссакам, а те даже не знали, откуда по ним стреляют. – Этьен замолчал, словно раздумывая, насколько приукрасить собственное участие в сражениях. – Вообще-то, не думаю, чтобы я кого-нибудь уложил из своей винтовки, – виновато признался он. – Стрелял я много, до ствола было не дотронуться, но ни разу не видел, чтобы тот, в кого я целился, упал или даже споткнулся.

– В сражении тяжело бывает что-то разобрать. Ты не знаешь, и никто не знает. Стреляешь, и все. Зато, думаю, пруссаки убедились, что по ним палят.

Эти слова заставили Этьена улыбнуться.

– Да, господин полковник. Они в этом убедились. Поняли, что я на позиции. У нас была еще и митральеза, но никто не умел из нее правильно стрелять.

Перед войной Жюль видел это орудие в действии. Устрашающее, бьющее точно и наверняка. За его основу была взята картечница американца Гатлинга. Митральеза намного превосходила все, что имелось в арсенале пруссаков, разрабатывалась в обстановке строжайшей секретности и поступила на вооружение накануне войны. Неудивительно, что на фронте лишь немногие подразделения умели пользоваться всеми ее преимуществами.

– И все-таки сколько-то пруссаков мы из митральезы угробили. Это я точно знаю. Но потом стало темнеть, а в темноте особо не повоюешь. Нам говорили, что против нас стоят тридцать немецких рот. Первая и Вторая армии, прячущиеся в лесу, на другой стороне ущелья. Ей-богу, мы вломили и им, пока их артиллерия не начала стрелять. А после, – Этьен покачал головой, – пруссаки поперли на нас. Лезли на наши позиции, окружали со всех сторон. Еще и дым повалил. Деревья загорелись от прусских снарядов. И вот тогда... – Парень замолчал, затянулся и выпустил струю сигарного дыма. – Вот тогда, господин полковник, я завалил пруссака. Это я видел собственными глазами и потому *знаю*. Он наскочил на меня. Думал, захватит врасплох. Но я видел, как он приближается. Стрелять уже времени не было, и тогда я ударил его штыком. Проткнул, как свинью, в тот самый момент, когда он наскакивал. Он понимал, что сейчас помрет. Я держал его на штыке и чувствовал... чувствовал, как он корчится.

Этьен тяжело дышал, вновь переживая поединок с пруссаком, однако испытывал не ужас, а гордость. Он сделал то, чего от него ожидали, заплатив полторы тысячи франков. Штык его винтовки нашел и прикончил жертву Этьена.

– Я видел его глаза. Испуганные. Рот у него был открыт. И язык его я видел, распухший. Он шевелил языком. Похоже, пытался что-то сказать. Только он как будто подавился, и его вывернуло прямо на меня. Это последнее, что я видел; в смысле, когда его вывернуло. Я его и прикончить не успел, когда прилетел снаряд. Я слышал, как тот летит. Думаю, если бы не пруссак, которого я приканчивал, меня бы убило на месте. А так большинство осколков досталось ему. Пруссака отшвырнуло от меня. Но знаете, господин полковник, я уверен: его все-таки убил я, а не снаряд. Уверен.

Чувствовалось, для парня эта разница очень важна, и он не раз думал о своей победе. Никакой снаряд, особенно прусский, не мог лишить Этьена его победы.

– Я тоже уверен, что это ты, – подбодрил его Жюль. – После штыковой раны не попрыгаешь.

Этьен энергично закивал, воодушевленный подтверждением его заслуги полковником.

– Нет, господин полковник, он больше не прыгал. Снарядом его отшвырнуло, но и мне досталось. Глаза мне разнесло. Один сразу вдребезги, а второй, чувствую, на жилах болтается. Я как понял, что это, тут же его на место запихнул, но вряд ли этого было достаточно. Сомневаюсь, что я теперь хоть что-то увижу.

Лицо Этьена помрачнело. Жюль видел, что парень находится на грани. Еще немного, и он зальется слезами, закричит или как-то еще выплеснет свою душевную боль. Этьен на мгновение напрягся, словно собираясь открыть внутренние шлюзы, но прошло несколько секунд, и напряжение спало.

– Я провалялся в лесу всю ночь. Ни разу сознания не потерял. – И вновь в голосе Этьена звучала гордость. – Обвязал рубашку вокруг ноги. Ногу уже не видел, но чувствовал, что ее тоже разнесло. Вот так валялся ночь напролет и слушал. Это все, что я мог делать. Повсюду рожки трубили. На холме и вокруг, отчего собаки начали лаять. Лают, словно друг другу рассказывают про недавний бой. По всему лесу лай стоял. Целую ночь не умолкал. Потом я услышал, что где-то рядом говорят по-немецки. Я изо всех сил притворился мертвым, поскольку знал: увидят пруссаки, что я жив, убьют. Наверное, они и впрямь меня за мертвого приняли, если никто не остановился. Пруссаки бегали и бегали рядом. А когда сражение закончилось,

вокруг такой гвалт поднялся. Крики, стоны, вопли. Да, господин полковник, это было хуже того, через что я прошел, если собрать вместе. И это продолжалось, не смолкая. Я рта не раскрыл. В смысле, ни слова не произнес, не закричал, не заплакал. Даже когда мне ногу оттяпывали, господин полковник.

Пока Этьен рассказывал, Жюль сражался с чувством острой неловкости, охватившей его. Этот шестнадцатилетний мужчина, а по сути еще ребенок, этот солдат-заменитель, необразованный, кое-как обученный за три недели азам воинской науки, участвовал в войне, в которой полковнику де Врису участвовать не довелось. Этьен искал врагов, храбро противостоял им и заплатил огромную цену. И тем не менее парень с почтением смотрел незрячими глазами на господина полковника и робел в его присутствии, что делало Жюля жалким обманщиком. Он чувствовал себя униженным перед этим ребенком. Он чувствовал себя мошенником.

– Я горжусь тобой, рядовой. Ты служил с честью и выполнил свой долг. Это все, что способен сделать мужчина. Ты хороший солдат.

Этьен раздулся от гордости:

– Господин полковник, мне сказали, что меня наградят медалью. Дадут нашивку или что-то в этом роде. На месте их не хватало, но капитан сказал, в Париже мне дадут.

– Это правда. Ты получишь нашивку.

– Бьюсь об заклад, господин полковник, у вас нашивок полным-полно, – сказал Этьен. – Может, вы разрешите мне дотронуться хотя бы до одной, чтобы... чтобы почувствовать.

Жюль скосил глаза на свой порванный мундир. Его медали, нашивки, все символы его прежней жизни, все знаки отличия, говорящие о его достижениях и доблести, даже его пистолет и сабля были отобраны капитаном Делеклюзом и его головорезами. Остались лишь дыры. И потому третий раз за день он поймал себя на том, что говорит Этьену полуправду. Нет, попросту врет, рассказывая слепому и увечному парню нечто более удобное, чем правда.

– Этот мундир у меня без нашивок.

– Я понимаю, господин полковник, – закивал Этьен. – Думаю, рядовым все равно дают другие нашивки.

Парень докурил сигару и швырнул окурочек на дорогу. Жюль выгреб из кармана остатки сигар и вложил в ладони Этьена:

– Бери. Они тебе помогут скоротать время.

Около полудня они покинули дорогу, выходящую по берегу Марны, и свернули на ведущую к Парижу. Там былолюдно и шумно. В облаках пыли двигались повозки с грузами и беженцами. Был прекрасный солнечный день позднего лета с синим безоблачным небом и приятным ветерком, шелестящим в листве деревьев. Казалось, природе нет дела до взбудораженных человеческих потоков. Стали появляться всадники, а с ними наконец-то появились и известия. Вскоре новости уже волнами захлестывали колонну пленных, следуя почти непрерывно. Теперь колонна буквально тонула в них. Известий было слишком много, и все безрадостные.

Капитуляция в Седане... Смертельная западня... Сдача, полное поражение...

А всадники все продолжали появляться в пыли жаркого дня, и их мрачные лица передавали очередную печальную новость раньше, чем языки. После каждого такого известия Жюль закрывал глаза, словно услышанное сильно и больно било его в живот.

Тридцать тысяч убитых и раненых... Сражение вруклопашную, бои на каждой дороге и в каждом саду... Базей сожжены, женщины и детей убивали, как собак...

– Господин полковник, эти люди говорят неправду, – сказал Этьен, хмурясь после известия очередного всадника. – Это невозможно. Такого просто не может быть.

Его лицо побледнело от тревоги. Он ждал подтверждений от полковника – высочайшего авторитета, какой только можно представить. Сейчас господин полковник скажет, что все это – гнусная ложь. Однако у Жюля такой уверенности не было. В нескончаемом потоке трагических известий ему слышался колокол правды.

*Император взят в плен... Мак-Магон ранен... Сплошной артиллерийский обстрел...
Негде укрыться... Вся армия в Шалоне взята в плен и отправлена в Бельгию...*

Каждого всадника Жюль расспрашивал о судьбе Двести двадцатого полка, о майоре Дюпре и гвардейцах. Но всадники либо ничего не знали, либо, видя его в кандалах, не считали нужным отвечать.

*Кавалерия генерала Маргерита... Массовый героизм при наступлении... Генерал мертв...
Всё брошено на бойню у Флуана... Две трети солдат убиты, остальные ранены или взяты в плен... Никто не уцелел, ни одной души...*

Маргерит! В главном сражении Двести двадцатый вполне мог находиться под его командованием. Жюль не оставлял попыток.

– Вы что-нибудь слышали о Двести двадцатом? – спросил он последнего всадника.

Тот подъехал к телеге и теперь двигался рядом. Это был угрюмого вида гусар в голубом мундире с белыми манжетами, забрызганными кровью; явно не его собственной. Судя по его облику и состоянию лошади, Жюль заключил, что гусар много чего повидал и несколько дней провел в седле. Всадник презрительно взглянул на изорванный мундир Жюля, затем на ножные кандалы.

– А с чего это вы меня спрашиваете о каком-то полке?

К ним подъехал конвоир.

– Жалкий трус – вот он кто, – пояснил конвоир и нахмурился. – И в самом деле, зачем тебе понадобилось узнавать про Двести двадцатый полк?

Этьен оцепенел и даже сел.

– Что?! – крикнул он. – Что?! Как вы смеете так говорить с полковником?!

– С полковником? – насмешливо переспросил конвоир. – Ты хотел сказать, с трусом! Я всех дезертиров так называю! Он тоже пленный!

Лицо Этьена стало мертвенно-бледным. Ум парня силился понять и осмыслить услышанное.

– Как это понимать? Как вы можете так говорить?

– Ослеп ты, сынок, потому и не видишь! Думаю, он забавлял тебя военными байками. Что, было? Так вот, твой полковник – пленный! Арестован за дезертирство. Мало того, по пути в лагерь он попытался сбежать и чуть не убил своего конвоира. Ей-богу, он больше похож на прусского полковника!

Этьен в ужасе отпрянул. Жюль торопливо подыскивал слова, желая объяснить и рассказать слепому парню жуткую историю своего ареста, однако слова не находились, и он молчал. Для разума Этьена каждая секунда молчания становилась все ужаснее.

– Господин полковник! – умоляющим тоном произнес он. – Господин полковник!

– Да... да, рядовой, я действительно нахожусь под арестом, – наконец сказал Жюль, чувствуя, как у него дрожит голос. – Но я не делал того, что они...

– А идите вы к черту! Вы мерзавец! – во весь голос выкрикнул Этьен. – Вы мне врали! Оказывается, вы просто трус, испугавшийся войны. Вы нарочно смеялись надо мной? Вы свинья! Как вы могли своими рассказами дурачить меня?

– Рядовой, выслушай меня! Обвинение в дезертирстве – ложь!

Но Этьен мотал головой, трясся всем телом, стонал, говорил сам с собой, раскачиваясь вправо и влево. Он понимал: уж если арестовали полковника, должно быть, все остальное – правда.

– Нет, это вы мне лгали! Полковников ошибочно не арестовывают! Вы мерзавец! Вы меня обманули!

Сделав над собой невероятное усилие, парень сел и, отталкиваясь одной ногой, отодвинулся к другому краю телеги. Он сделал это быстро и с большой силой, держась за борт подпрыгивающей телеги. Затем он полез в карман и вытащил сигары, отданные ему Жюлем. Этьен

более не желал иметь ничего общего ни с Жюлем, ни с этими сигарами, не хотел ехать с ним в одной телеге. Из-под повязки потекли слезы гнева и разочарования. Повязка намочилась. Слезы текли по одной щеке, розовые, смешанные с кровью. Этьен плакал, давя пальцами сигары. Потом стал выплевывать слова:

– Я... не... поеду... вместе... с... трусом!

У Жюля стучало в голове. Каждое слово ранило его до глубины души. Он опять подыскивал слова, чтобы помочь Этьену понять, привлечь внимание, успокоить, а затем поговорить. Но дальше случилось неожиданное. Все произошло настолько стремительно, что Жюль не успел вмешаться. Желая успокоить парня, он подался вперед. В этот момент телега наехала на очередную выбоину, и их обоих подбросило. Этьен беззвучно выпал из телеги, отчаянно размахивая руками. Схватиться за борт он не успел. Жюль был не в силах что-либо предпринять. Этьен пропал из виду, а ножные кандалы не позволяли Жюлю перебраться на противоположную сторону телеги, поэтому он даже не видел, что произошло с парнем.

– Arrêtez!³⁶ – заорал он сержанту. – Остановите телегу! Быстро!

Сержант огляделся по сторонам, не понимая, в чем дело. Он натянул поводья своей лошади, но мул за его спиной тронулся дальше. И все равно было уже слишком поздно. Телегу, наскочившую на преграду, сильно трянуло.

– Arrêtez! – снова крикнул Жюль.

Он яростно схватился за цепь, удерживающую ногу. Лязгнул металл, ударившись о доски телеги. Железное кольцо впилося ему в лодыжку, но не поддалось. Жюль силился хотя бы немного пододвинуться к противоположному борту, вытягивал шею, но ничего не увидел, кроме одной ноги, согнутой и неподвижной. Вокруг валялось с полдюжины раздавленных сигар.

Сержант в ужасе спешил, подбежал к распростертому телу Этьена и опустился на колени. Жюль видел лишь гримасу на его лице. Сержант покачал головой. Колесо телеги перекатилось Этьену плечо и шею, едва не разрезав парня пополам.

– Нет! – тихо всхлипнул Жюль. – Это неправда! Все неправда! Нет! Нет!

Он упал на колени, занозив одно из них, но даже не почувствовал этого. Он мог лишь всхлипывать снова и снова, чувствуя себя сокрушенным, раздавленным, испуганным. За годы он видел не менее тысячи смертей, но ни одна не была так больно по нему.

Впервые на своей памяти Жюль де Врис, полковник Императорской гвардии, ощущал потребность плакать.

– Это неправда, – шептал он. – Не верь им, рядовой! Это неправда, неправда...

– Да здравствует республика! Долой империю! Смерть императору!

Гул голосов на площади Согласия постоянно нарастал. Был воскресный полдень. Устроившись на каменной стене, Мусса и Поль во все глаза смотрели, как людские толпы стекаются на площадь. Ребята ходили в город каждое воскресенье, однако такого еще не видели. Сегодня все было вверх тормашками, везде царил хаос. Повсюду на приставных лестницах стояли люди, иной раз опасно балансируя возле статуй и символов империи. Пилы скрипели по мраморным шеям, ненавистные головы падали вниз, где ликующая толпа перебрасывала их, словно мячи, пока те не оказывались на мосту Пон-Нёф и там, сопровождаемые громким одобрителем ревом, не летели в воды Сены.

Повсюду сверкали штыки Национальной гвардии. С оград и колонн срывали позолоченных орлов, а тех, что не удавалось содрать, закрывали бумагой. Толпы опрокидывали статуи. Каменных львов империи разбивали о тротуарные плиты. В воздух летели шляпы и цилиндры. Парижане восторженно рукоплескали трехцветному флагу. В Отель-де-Виле портреты импе-

³⁶ Остановитесь! (фр.)

ратора выламывали из рам и выбрасывали на улицу, где их топтали и на них плясали французские граждане, опьяненные славным республиканским духом.

– Мы что, ночью победили в войне? – спросил Мусса, глядя на ликование народа.

– Должно быть, – отозвался Поль, – хотя твой отец говорил, что мы проиграли.

– Слышал. Тогда чему все так радуются?

– Не знаю. Наверное, республике.

– А что такое республика?

Поль пожал плечами. Мусса задавал слишком много вопросов. Оттуда, где они сидели, был виден сад Тюильри, по которому нервозно расхаживали зуавы, неся караул. Над дворцом по-прежнему развевался флаг империи, свидетельствуя, что где-то во дворце сейчас находится императрица Евгения, которая в отсутствие императора являлась регентом Франции. Только теперь она не была уже ни регентом, ни императрицей, ни кем-то еще. Ее страшили толпы вокруг дворца; толпы, которые вот-вот получают свою республику.

– На гильотину эту ведьму! – орал какой-то республиканец.

– Перестрелять их всех! – крикнул другой, размахивая над головой мушкетом.

С одной стороны, Муссе и Полю хотелось остаться, но с другой – они видели, что толпа вооружена и под внешним весельем таится угроза. Несмотря на приподнятое настроение, мальчикам было страшно. Никто не хотел признаваться первым, но, когда внизу раздался винтовочный выстрел, Поль сказал:

– Думаю, нас ждут дома.

– Я тоже так думаю, – сказал Мусса.

Оба слезли со стены и исчезли в бурлящей толпе.

А в это время в город вступила мрачная процессия и двинулась по авеню де Венсен. Она привлекала внимание лязгом ножных кандалов пленных, бредущих за небольшой телегой. Кандалы глубоко врезались в их ноги, оставляя кровавую дорожку. Угрюмым заключенным было жарко. Их настроение стало еще более угрюмым после приема, который они встретили, едва вступив в предместья города. Воздух трещал от человеческих страстей: парижане остро переживали гибель французских войск на востоке страны и одновременно восторгались новой республикой. Но независимо от настроения окружающих пленных встречали негодованием. Толпы улюлюкающих горожан добавляли им душевных мучений. Конвоиры, ехавшие по бокам, не делали попыток хоть как-то их защитить. Конечно, убийств они не допустят, а на унижения смотрели спокойно и не пытались прекратить. Кто-то выплеснул из окна второго этажа содержимое переполненного ночного горшка, которое едва не задело Жюля и расплескалось по мостовой позади телеги. Ребятня бросала камни, до крови царапающие кожу. Кто-то наскоро соорудил таблички с оскорбительными надписями, которые повесили на шею заключенным. Жюль был одним из них. Он как мог отбивался от горожан, когда они влезли на телегу, однако конвоир сильно ударил его прикладом винтовки. Задыхаясь, Жюль сел на пол. Там ему и надели табличку.

«Я БЕЖАЛ ОТ ВРАГА», – гласила надпись.

– Дезертир! – прочитав написанное, выкрикнула старуха. – Позор!

Ее муж подошел к телеге и плюнул в Жюля.

– Свинья! – бросил ему старик. – Мой внук сейчас на фронте, сражается вместо таких, как ты!

У кого-то в руках оказалось яйцо.

– На, трус, подкрепишь!

Заметив это, Жюль повернул голову, но яйцо попало ему в лоб. Оно текло по его лицу, обжигало глаза и капало с подбородка.

Жюль справлялся с позором, глядя прямо перед собой и не останавливая взгляд ни на чем. Шум толпы, оскорбительные выкрики, проклятия, плевки и презрение, летевшие в него, стали чем-то вроде сна, медленным, нереальным танцем ненависти, отошедшим на задний план. Опустив голову, он смотрел на свои связанные руки. С того момента, как юный Этьен выбросился из телеги и погиб под колесом, Жюль постоянно держал в руке игрушечного солдата, подаренного Полем. Казалось, давным-давно он стоял на платформе вокзала, прощался с женой, сыном и племянником, ожидавшими от него уничтожения пруссаков в большом количестве. А теперь он возвращался к семье вот в таком виде... Он тряхнул головой, испытывая отвращение к себе и решив вырваться из гнетущего состояния.

Ты Жюль де Врис. Ты полковник Императорской армии и должен вести себя подобающим образом. Ты не совершил никакого преступления! Ты служил родине в двух войнах. Ты немедленно прекратишь эту отвратительную жалость к себе и будешь держаться, как подобает офицеру!

Он взглянул на солдата с кривой улыбкой на деревянном лице и прутиком вместо руки и снова повторил про себя: «Ты не совершил никакого преступления!»

Колонна пленных пересекла мост Аустерлиц и двинулась по бульвару Сен-Марсель, а затем по бульвару Монпарнас, звеня кандалами и держа путь к Военной школе, используемой в качестве тюрьмы для прусских военнопленных и проштрафившихся французских военных. Город был одержим республиканскими идеями, однако везде, где проходила колонна, ликование сменялось колючими взглядами, оскорбительными выкриками и брезгливым любопытством.

Заключенные вывернули на авеню де Бретей, где это и произошло.

Мусса и Поль уже возвращались домой, когда Мусса услышал впереди шум и крики. Он и смотреть не хотел, поскольку был перевозбужден и переполнен таким количеством впечатлений, какое редко кто получает. Подумаешь, очередная толпа сторонников неведомой республики. Однако сейчас, отойдя на достаточное расстояние от площади Согласия, он почувствовал себя в большей безопасности и осмелел. Поэтому Мусса влез на тумбу железного фонарного столба, оказавшись выше моря людских голов. По улице в его сторону ехали всадники, телега, а за ними длинной вереницей брели какие-то люди.

– Кто они? – спросил Поль.

– Не знаю. Наверное, солдаты. Пленные.

– Пруссаки?

Голос Поля звенел от возбуждения. Ему захотелось увидеть прусских военнопленных. Интересно, люди ли они вообще, а может, у них две головы и они едят детей? Он слышал о пруссаках и то и другое. Поль подбежал к столбу, выискивая место, чтобы забраться самому.

– Нет, это не пруссаки. Выглядят как французские пленные!

– Французские? Зачем же брать французов в плен?

Мусса взгляделся в лицо человека на телеге. Поначалу мальчик не узнал его из-за грязи и еще потому, что никак не ожидал увидеть в таком положении. Он думал, что этот человек сейчас должен быть далеко от Парижа, на фронте. Но нет. Мусса присмотрелся, и у него замерло сердце. На телеге сидел дядя Жюль.

– Поль, взгляни, – в ужасе прошептал Мусса.

Полю наконец удалось влезть и найти место, откуда и ему было видно. Он посмотрел на телегу, на которую указывал Мусса.

Несколько секунд было тихо. Затем из горла мальчика вырвался крик, который никто из слышащих уже не забудет.

Глава 8

– Граф явился позлорадствовать.

Генерал Распай взирал из-за письменного стола на графа Анри де Вриса, вошедшего к нему в кабинет. Со времени светского приема в шато прошло менее двух месяцев. Тогда они спорили о готовности Франции к войне с Пруссией. В тот вечер мундир Распая был сшит из чистого шелка высокомерия. Он хвастался и всячески превозносил французскую военную мощь. Генерал отмахивался от предостережений Анри и едва не набросился на графа с кулаками. Сейчас низкорослый генерал выглядел хрупким и усталым: воспаленные глаза, согбенная поза, обвислые усы и понурые плечи, на которые давил двойной груз поражения и недоверия. В генеральских глазах Анри увидел агонию. Когда Распай коснулся воспоминаний о своей тогдашней, ничем не подкрепленной уверенности, голос его был полон горечи:

– Поберегите слова, де Врис. Вы оказались правы. Я это признаю.

– Генерал, я бы не пришел к вам злорадства ради, – сказал Анри. – Война – трагедия для всей Франции. Очень жаль, что в нашем споре ошибся не я, а вы. Однако меня привело к вам совсем не это. Я пришел по поводу Жюля.

– Конечно, – указав на стул, пробормотал Распай. – Располагайтесь.

Анри сел. Сегодня ему понадобилось все его влияние и немало времени, чтобы преодолеть царящую неразбериху, найти брата и теперь оказаться перед измученным генералом. Никто толком не знал, куда могли отвести арестованных. Внимание Парижа было сосредоточено совсем на другом. Мальчишки не последовали за Жюлем, а сразу помчались в шато. Поль заливался горькими слезами. Мусса задыхался от быстрого бега и выглядел испуганным. Они-то и поведали взрослым о случившемся.

– Отец, он был в числе арестованных, – сказал Мусса отцу. – Я видел его кандалы. Я прочитал надпись на табличке, которую повесили ему на шею. Там было написано, что он бежал от врага.

Поль выглядел совсем несчастным.

– Нам не удалось приблизиться. Нас не подпустили.

Анри тут же отправился на поиски брата. Перво-наперво он поехал в Тюильри, в штаб-квартиру Императорской гвардии, пробираясь через хаос внутренних кабинетов, один из которых совсем недавно занимал его брат. Все кабинеты и коридоры пустовали, если не считать единственного солдата, бродившего среди груды обломков. Здесь успели похозяйничать дворцовые слуги и толпы, прорвавшиеся снаружи. Бумаги куда-то увезли, мебель растащили, со стен сорвали обои. Анри объяснил солдату, что ему нужно. Тот посмотрел на него как на сумасшедшего:

– Императорская гвардия? Нет больше никакой Императорской гвардии, меесье. И императора тоже нет!

Анри пробился сквозь запруженные народом улицы к Отель-де-Виллю, где находилась неофициальная резиденция новой республики. В ратуше с ним поделились слухами о всеобщей амнистии для заключенных, но самих заключенных он там не нашел. Ему посоветовали обратиться в палату депутатов – скопище полной неразберихи, где никто ничего не знал. Наконец толковый офицер Национальной гвардии предположил, что их могли отвести в Военную школу. С помощью подкупа Анри проник внутрь, где и нашел брата в импровизированной камере на общем дворе. Эти закутки отделялись друг от друга рядами проволоки.

Встреча братьев была короткой и болезненной. Под улюлюканья заключенных братья обменялись рукопожатием. Руки Жюля сковывали кандалы. Некоторое время оба молчали. Жюль пытался сохранять достоинство. Он предстал перед старшим братом неммым, в порван-

ной форме и сейчас искал слова для объяснения. Потом они хлынули потоком. Дважды у него дрогнул голос, выдавая внутреннее состояние.

Анри слушал с ощущением нереальности; к негодованию, охватившему его, примешивалась глубокая печаль за брата. Гордый Жюль был вынужден предстать перед миром в столь жалком, униженном состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.